

ЭЛИ
ФРЕИ

18+ Мр. дечи
Золотых рудников
2 книги в 1 томе

Мы, дети золотых рудников

Эли Фрей

Мы, дети золотых рудников

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Фрей Э.

Мы, дети золотых рудников / Э. Фрей — «Издательство АСТ»,
2016 — (Мы, дети золотых рудников)

ISBN 978-5-17-112501-1

Кит живет в нищем шахтерском поселке, а Ханна – в расположенном по соседству элитном городке нефтяников. Между ними высокий забор, огромная социальная пропасть и чувства, не имеющие права на существование. Жители двух социальных миров ненавидят друг друга. И лишь страшная трагедия способна положить конец извечной вражде. Это история взросления детей, у каждого из которых своя судьба и свое будущее. Но трагедия прошлого прочно связывает их на протяжении многих лет и не дает разойтись каждому своей дорогой. Это роман о дружбе и предательстве, о детской жестокости и дворовых войнах, о социальном неравенстве и конфликтах, о надеждах и несбывшихся мечтах. И о запретной любви к человеку, живущему в другом мире – мире за высоким забором.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112501-1

© Фрей Э., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Пролог	6
Часть I. Бобер	11
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	42
Глава 7	48
Часть II. Ханна	53
Глава 1	53
Глава 2	62
Глава 3	67
Глава 4	74
Часть III. Брык	82
Глава 1	82
Глава 2	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Эли Фрей

Мы, дети золотых рудников

© Э. Фрей, 2016

© Е. Ферез, дизайн обложки, 2018

© А. Прошин, карта, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Киту, парящему внутри нас.

*Свобода – как солнце. Лучшие нее нет ничего на свете. У тех, кто
жертвует собой ради людей, в груди вместо сердца горит звезда...¹
Жоржи Амаду. Капитаны песка*

¹ Перевод с португальского Е. Беяковой.

Пролог

У-у-у... Парнишка, беги отсюда! Этот злобный и кусачий мир, про который я тебе сейчас расскажу, точно не для тебя. В этом мире выживают только парни вроде нас. Ребята с накрепко пришитыми к нашей одежде бирками:

ИЗГОЙ.

СОЦИАЛЬНЫЙ МУСОР.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БРАК.

ПОДЛЕЖИТ УТИЛИЗАЦИИ.

Парни вроде нас. Дети из Чертоги. Потомки ссыльных и каторжан.

Дети, которых выкормили и воспитали шахты.

Да, это мы.

Мы, дети золотых рудников.

Дай мне руку, парнишка. Или ты девчонка? Если девчонка – не обижайся, но я все равно буду звать тебя парнишкой. Я проведу тебя в свой мир. Мир, в котором ты никогда не был.

Отправимся на окраину Чертоги, на баржу.

Видишь эту ржавую посудину? Эта баржа некогда стояла в чистых голубых водах, заполнявших огромный карьер. А теперь она погрязла в щелочно-цианистых отходах золотоперерабатывающего комбината. Этот отстойник с отходами чертовски опасен, возле него стоят лишь иссохшие скелеты деревьев, а на его берегах частенько можно обнаружить птичьи трупы.

На комбинате работает все наше чертожское бабье. Мужики у нас на рудниках вкалывают, золотую руду выкапывают, а бабоньки ее в золото перерабатывают. Занятие это довольно вредное: они добытую руду цианируют и выщелачивают, отходы сливают в отстойник, который залит уже до краев и скоро выйдет из берегов. И тогда потоки химической дряни затопят город.

Видишь на барже толпу мальчишек? Все они смотрят вниз, улюлюкают и веселятся. Подойди поближе, и ты увидишь, как у самого края баржи белобрысый мальчишка с перекошенным от ярости лицом пытается, держа его за шею, утопить в шламе другого мальчишку.

Другого мальчишку зовут Кирилл Бобров. Вот, теперь ты познакомился со мной. Ты пока что видишь только мои ноги – белобрысый по-хозяйски сидит на них. А все туловище погружено в буро-зеленую густую массу высокотоксичных отходов. Руки белобрысого крепко держат меня за шею, не давая поднять голову над поверхностью отстойника и глотнуть спасительного воздуха.

Клейкая цианистая дрянь проникает в нос и рот, ужасно жжет во рту, в носу и глазах. Я колочу по чужим рукам, царапаю их, пытаюсь оторвать их от меня.

Я боюсь. Мне страшно быть погребенным под толщей отходов.

Еще несколько секунд – и мне капец. Цианистый калий, содержащийся в этом шламе, скоро поступит в мой организм и перегорит воздуху путь к клеткам. В результате этого клетки перестанут воспринимать кислород, приносимый кровью. Наступит кислородное голодание. Я умру в мучительной агонии.

А чужие руки сдавливают шею все сильнее.

Это руки человека, который когда-то был моим лучшим другом.

Хм. Есть ли где-то на Земле такое райское место, где друзья не топят друг друга в химическом болоте? Где дети не похожи на заболевших бешенством диких зверей?

Есть ли такое место, где парни вроде нас живут нормально, в достатке смогут просуществовать хотя бы до шестнадцати?

Я знаю одно такое место, правда, оно находится далеко, годах этак в десяти-пятнадцати отсюда. Там живешь ты. Или будешь жить, когда подрастешь.

Спокойный «маятниковый» образ жизни: работа – дом, поход в кино в пятничные вечера и боулинг по субботам, жизнь, в которой самая страшная опасность – это вовремя не внести платеж по кредиту.

О, вашу мать, как же я хочу туда, где нужно думать о том, как приобрести телевизор в рассрочку и как выкроить себе два дополнительных дня отпуска.

Но это так безумно далеко отсюда. Я буду топтать в ту жизнь десять долбанных лет. И тысячи гребанных верст. А пока, здесь и сейчас, парни вроде нас должны как-то выживать... Даже с цианистым калием в крови.

Мы живем в месте под названием Чертога.

В восемнадцатом веке здесь открыли огромное месторождение золота. Из столичных тюрем сюда сразу же отправили целые полчища осужденных. На каторгу.

Осужденные шли пешком. Длинной узкой колонной. Всех сковали цепями друг с другом, чтобы никто не сбежал.

Восемь тысяч верст ссыльные шли почти три года – это нам по истории в школе рассказывали. И многие вроде как умерли от голода и болезней еще в дороге.

Те же, кто дошел, построили здесь город.

Чертога. Никто не знает, почему это место так называют – то ли потому, что внешне неприветливые предгорья хранят в своем нутре огромное богатство – настоящие подземные чертоги. То ли... Могильная тишина этого места пробирает до мурашек. Как будто здесь находится обитель самого черта.

Город, построенный на холмах. А холмы у нас тут удивительные – покрытые яркой зеленью, покатые, похожие на волны. По ним туман стелется, как молочная пенка. Красотища. Хоть пиши картину маслом. Или стих сочиняй.

Справа от холмов – территория рудников. Расположенные на холмистых предгорьях здания, бункеры, подъемные установки, дробильные машины, мастерские и склады образуют надшахтный комплекс. А под землей – разветвленная сеть горных выработок – штольни и тоннели.

Чертога родилась благодаря каторжанам – это они ее выстроили.

Бараки, шахтные постройки, железные дороги, первый завод. Что-то из этого уже разрушено и заброшено, но большинство построек сохранилось. Мы с Архипом в детстве все неработающие шахты в округе излазили. Надеялись найти что-то удивительное – либо послание от каторжан, либо золотой самородок. Ничего не попало, конечно, но эмоции все равно били через край.

Архип... Почему конец дружбы означает у нас чью-то смерть? Почему бы людям, переставшим быть друзьями, просто не вернуть все посланные друг другу подарки и открытки? И просто перестать разговаривать и замечать друг друга? Ведь так обычно поступают с бывшими друзьями.

Почему надо убивать, топить друг друга?

Откуда в нас, жителях Чертоги, столько неоправданной жестокости?

Эх, чтобы разобраться в этом вопросе, наверное, надо копнуть глубже в историю.

Первые три сотни ссыльных построили здесь селение, которому дали название Чертога. Золота добывалось много, создавались новые шахты. Поселок рос. Возводились новые прочные дома, появились школа и больница, сменялись поколения, Чертога процветала.

Но все имеет предел, и наступило время, когда золотая руда в доступных местах подошла к концу. Добыча золота стала убыточной, и власти начали подумывать о закрытии предприятия. Но это ставило под угрозу жизнь всей Чертоги – три тысячи человек могли остаться без работы. Им было некуда деться – в округе на сотню миль не было ничего, ни одного рабочего места. Они бы пропали, померли бы с голоду.

Власти приняли решение: рудники оставить, но расходы сократить.

Стали урезать зарплату, сокращать финансирование производства. Эх, столько подземных машин пропало – их просто перестали ремонтировать. Мы с Архипом, когда лазили в шахтах, обычно находили много разной техники – причем хорошей, просто съеденной временем.

Чертога стала приходить в упадок. И снова золото начали добывать и обрабатывать по старинке – вручную.

Вот в такой Чертоге мы выросли. Бедность. Грязь. Ветхие дома. Разбитые дороги. Безработица. Преступность. Ежедневное насилие. Частые убийства.

Человек, который не уверен, сможет ли он завтра поесть, вряд ли всегда будет добрым. Нельзя осуждать людей за их злобу.

Но злоба в сердца чертожцев вселилась не только из-за бедности...

Я захлебываюсь густой массой. Молочу ногами по барже – противник уверенно сидит на мне и погружает мою голову в вонючий ядовитый шлам. Все глубже. Вниз, к смерти.

Химическая отравка колет кожу. Я будто ткнулся мордой в муравейник.

Воздух. Мне так нужен воздух. Еще немного – и я отключусь.

Ты не устал еще от нудной истории, парнишка? Потерпи, урок скоро кончится. Пока я тут принимаю токсичные ванны, дослушай до конца...

В девяностых годах одна богатая американская корпорация отправила сюда иностранную бригаду, чтобы вести геологоразведочные работы. Началось бурение скважин. Работа оказалась успешной – открылось новое нефтяное месторождение.

Чертожцы с любопытством и опаской наблюдали за работой нефтяной компании. В сердцах жителей зародилась надежда на то, что появятся новые рабочие места, на светлое будущее... Но она угасла очень быстро, когда корпорация, опасаясь, что дикие местные жители, недалекие потомки ссыльных и каторжан, могут нанести урон ее работе, отгородила территорию нефтедобычи сетчатым забором и ввела пропускную систему. Месту, где вырастет нефтяной городок экспатов, дали название Голубые Холмы.

И тогда отравленные токсинами жители Чертоги смекнули.

Прорыв в экономике, коммерческий успех, колоссальные инвестиции, современная сложная техника, квалифицированные работники, строительство дорог, развитие инфраструктуры – все это относится к экспатам и Голубым Холмам, соседу Чертоги. Но не к самой Чертоге.

Три тысячи людей, не знающие иностранного языка, которые все привыкли делать руками, которые не видели машины сложнее экскаватора – все они обречены, всем им и дальше предстоит гнить в их болоте. Они никому не нужны – нефтяная корпорация из разных частей мира привезет сюда своих работников, умнейших и лучших.

И тогда гнев чертожцев обрушился на соседей.

В Голубых Холмах построились первые дома. Фирменные автобусы привезли сюда первые семьи работников.

Чертожцы заваливали камнями новые дороги, вставляли перед автобусами, не пускали новоселов.

Поджоги, вандализм, митинги, на которых чертожцы кричали с яростью и злобой, выступая против того, чтобы по соседству с Чертогой строился новый поселок.

Недолго подумав, корпорация построила за сетчатым еще один забор – теперь уже глухой, из прочного бетона, поставив по всей его длине камеры, а также устроив несколько охраняемых пропускных пунктов.

В объезд Чертоги быстро проложили другую дорогу, чтобы жителей Голубых Холмов ничего не связывало с соседями.

Через три года строительство Голубых Холмов завершилось.

Теперь здесь живут люди со всего мира – из Америки, Германии, Нидерландов, Швеции, Франции...

Что сказать, у них там все круто.

Изумительные дороги, гладкие, будто сделанные из зеркал. Аккуратные домики в английском стиле, с крышей из черепицы и каменным фасадом, покрашенным в несколько тонов. Дома стоят как по линейке, будто выстроились в колонны и собираются куда-то маршировать. Возле домов красуется газон, с такой густой и ярко-зеленой травой, будто он находится в собственной климатической зоне, а холода и бури, которые так часто случаются в здешних местах, обходят его стороной.

При строительстве поселка ориентировались на самые высокие стандарты. Пожарные гидранты, водостоки, канализационные люки – все привезено из США. В каждом доме есть Интернет, ловят все главные международные телевизионные каналы. Нет трещин в стенах, кривых окон и плохо уложенного асфальта. В Голубых Холмах не воруют, дети спокойно оставляют на улице велосипеды и игрушки, жители не запирают свои дома.

На работу их возят на фирменных автобусах, водитель автобуса тщательно проверяет, пристегнуты ли пассажиры. Здесь все соблюдают законы, заботятся о безопасности своих семей.

В Холмах живут очень дружелюбные семьи, по воскресеньям в хорошую погоду они зовут друг друга на барбекю, в плохую – приглашают друг друга в гости.

Все свое, автономное, доведенное до совершенства. Голубые Холмы – это маленькая страна, идеальная и правильная. Маленькая скучная община, огороженная прочным забором.

А за ее пределами – мир, где в грязи, болезнях и бедности свой убогий век влачат потомки каторжан.

Вот теперь, тебе, наверное, понятно, почему чертожцы так ненавидят экспатов.

Но я не экспат. И больше не чертожец. Чертов перебежчик. И нас таких тут двадцать человек...

Несколько лет назад власти приняли какую-то очередную социальную программу, направленную на сглаживание конфликтов между двумя такими разными коммунами. Они хотели, чтобы мы начали *коммуницировать*, то есть общаться. И чтобы преуспевающий поселок как-то помогал нам, бедным и обездоленным. И в результате, после отбора, два десятка смысленных подростков из Чертоги отправили учиться в школу в Голубых Холмах, чтобы, получив приличное образование и изучив иностранные языки, в будущем они смогли стать работниками корпорации.

Живем здесь, учимся там. Вот таких, как мы, чертожские дети ненавидят больше всего на свете. Тех, кто растет вместе с ними в одном болоте, но у кого появилась надежда выбраться из него.

И теперь они всеми силами пытаются не дать нам свободу.

Крепко хватайся за мою руку. Мы отправимся на несколько лет в прошлое – когда Голубые Холмы только начали строиться. Мне тогда было лет восемь. В тот период я и познакомился с Архипом. Это было очень крутое время... У меня никогда в жизни не было такого классного друга, как Архип. А потом, когда я прошел отбор в школу в Голубых Холмах, дружба закончилась, и Архип очень захотел меня убить. Он стал убивать медленно, отрезая по кусочку.

Нам, перебежчикам, приходится несладко после отбора. У нас теперь всегда потные ладони, по всему телу – синяки, а сердце норовит вырваться из груди. Дети рудников нам мстят, причем жестоко. Мстят за то, что мы перестали быть с ними в одной лодке. Мы всегда начеку, в наших головах ежеминутно крутится одна-единственная мысль: «Бежать».

Архип быстро нашел мне замену – его близким другом и верным псом стал этот ублюдок Кит Брыков. Бешеный псих с мутным взглядом. Ох, когда я вспоминаю это имя, сразу же в боку колет. Брык однажды своими тяжелыми ботинками сломал мне два ребра. Сейчас его на барже нет – но если бы он был, то не дал бы Архипу делать эту грязную работу, сам бы утопил меня в шламе. Но Брык где-то шляется... Даже не знает, что на барже сейчас происходит нечто интересное.

Итак, нас уже трое. Я, Архип и Брык.

Кто же четвертый?

На этот раз девчонка.

Милая немочка по имени Ханна. С очаровательными светлыми волосами, белесыми бровями, выдающимися скулами и таким острым подбородком, что мне всегда было интересно – если поднести воздушный шарик к подбородку Ханны, лопнет ли он?

Очаровательная девочка, переехавшая вместе с семьей в Голубые Холмы из промышленного района Франкфурта. Девочка, которой по непонятной причине не сиделось в ее уютной общине. Девочка, которой был чертовски интересен мир рудников.

Девочка, чью жизнь Архип очень старается превратить в ад. Он ненавидит Ханну так же, как и меня. За то, что она – немка. За то, что она – из Голубых Холмов. За то, что у нее есть все. За ее смелость и наглость – как она посмела покинуть свои Холмы и ступить своей поганой экспатской ножкой на земли, принадлежащие рудокопам?! И самое главное – он ненавидит ее за то, что она – девчонка.

Ханна тоже находится сейчас на барже. Стоит чуть в стороне, трясется от страха. Вся в грязи. Губы разбиты – ей здорово досталось от Архипа.

Мы с ней оба попали в лапы зверю. Нам не выбраться. Я тону в химическом шламе и молю бога о том, чтобы Ханну миновала такая же участь.

Ну что, ты готов?

Хватайся, и я покажу тебе нашу историю. Историю четырех детей золотых рудников.

Часть I. Бобер

Глава 1

Меня зовут Кирилл Бобров. Мне восемь лет, моя мать-подзаборница родила меня от прыщавого дегенерата и через некоторое время свалила с ним из Чертоги, прибавив старческой заднице дедушки двадцать кило молодого геморроя.

Я – эгоистичная сволочь, дегенерат во втором поколении, межеумок, не живу, а нежусь, как курочка в сметане, и даже не думаю о том, что дедушка пашет как раб на галерах, чтобы я каждый день жрал луковый суп с фрикадельками. Этими словами мой дед любит меня поносить, прерываясь на затяжные приступы кашля («Чертова асыма! Проклятые рудники!»), когда находится в особенно ворчливом настроении. Когда я медлю или ленюсь, когда разбиваю тарелку, или рву штаны, или от скуки начинаю ковырять вилкой в розетке, или играю с газовой горелкой – в общем, делаю что-то зачупатое, что прибавляет дедушке еще немного геморроя.

Из-за прежней работы на рудниках дед теперь все время кашляет, да так влажно, что я всегда думаю, что внутри легких у него – целое болото с кувшинками и лягушками.

Асыма – это вам не шутки.

Но сейчас на рудниках дед больше не работает. Когда в Чертогу понаехали экспаты и стали строить тут свои Холмы, дедушку посетило прозрение. Он понял, что необязательно гнить в шахтах за два кило лука и сто грамм фарша. И что деньги можно получать куда менее тяжелым способом. Но для этого я должен перестать быть эгоистичной сволочью и помогать дедушке в нашем новом бизнесе.

Мы живем в районе Чертоги, который называют Старичья Челюсть.

Добро пожаловать в рай голодных крыс, кипяченого белья и помоев!

Старичья Челюсть – это четыре барака с двором-пустырем на каждый.

Наши бараки натканы беспорядочно. Наверное, если смотреть с высоты на эти старенькие деревянные хибарки, они будут похожи на несколько трухлявых пеньков в беззубом рту старого бомжа. Вот так у нас: вместо домов с ровными стенами – какие-то гнилые огрызки. К баракам жмутся кривобокие сараи, покореженные гаражи, за домами находятся огороды, обнесенные самодельным забором – шифером, проволокой, листами железа и даже автомобильными шинами. На огородах местные выращивают нечто внешне напоминающее труху. Где-то за нашим с дедом бараксом тоже есть грядки, там летом даже растут малюсенькие морковки.

Хлоп-хлоп-хлоп.

Это хлопает деда по заднице огромный холщовый рюкзак.

Я иду сзади и вижу, как с каждым шагом рюкзак бодро подпрыгивает. Вверх-вниз. Вверх-вниз.

Мы с дедом топаем на работу. Это дико круто – иметь работу, когда тебе всего восемь и ты совсем еще шпендик. А особенно круто – в восемь лет иметь собственный бизнес. В дедовском рюкзаке – уйма всего: садовые перчатки, рыбацкие сапоги, шапка-ушанка, раскладной стульчик и старенький баян. Это все пригодится нам для работы.

Мимо проезжает дребезжащий грузовик, набитый людьми – это на рудники везут работников.

Но нам не нужно туда. Мы идем в Голубые Холмы, в поселок экспатов. Войти в Холмы непросто: от Чертоги экспатов отделяют река и сетчатый забор, на мосту сидит охрана, которая дает разрешение пройти только тем, у кого есть пропуск. Естественно, у нас их нет. Но мы идем другим путем – через лес – и оказываемся на заброшенной гидростанции. Все, что от нее

осталось, – четыре каменных столба в реке, шлюзы и плотина. Здесь мелко, по пояс, можно перейти реку прямо по плотине – вот для чего нам нужны рыбацкие сапоги.

Цепляясь руками за железные перекрытия шлюзов, пробираемся через бурлящий поток. Ноги вязнут, вода пытается унести меня вбок.

Ух, и сильное тут течение! Капли в лицо брызжут. Холодные! Я морщусь и жмурюсь.

Преодолев препятствие, мы оказываемся во владениях экспатов – в Голубых Холмах.

У них здесь все другое, даже воздух как будто теплее и чище.

Мы выходим из леса на середину дороги, которая соединяет поселок и нефтяное месторождение. Вокруг – поля, на которых стоят нефтекачалки. Железные монстры похожи на динозавров у водопоя, которые монотонно и ритмично наклоняют к земле и поднимают к небу свои морды.

Дорога приводит нас на главную площадь – сюда автобусы привозят работников. Рядом располагается завод при месторождении. Вот здесь, на площади, наше рабочее место. Здесь всегда полно народу по утрам. То, что нам нужно.

Дедушка достает из мешка рабочие инструменты, плюхается на стульчик, ставит на колени баян.

Для разогрева пару раз проходится по кнопкам своими толстыми пальцами.

– Ну, давай, Кирюшка. Запевай.

Я встаю спереди. Кладу на асфальт перед собой перевернутую ушанку.

Смотрю на проходящих мимо людей. Все спешат на завод. Это странное чувство – видеть таких непохожих людей. Они все из разных стран, из разных уголков Земли. И все почему-то приперлись в наше захолустье.

Дед начинает играть. Я ловлю ухом нужную ноту и громко запеваю.

Начинаем с русской частушки. Потом переходим на народные песни всего мира. Тут вам и французская «Жила-была пастушка», и американские «Янки-дудл» и «У старого Макдональда была ферма», и немецкая «Рыбачка Боденского озера», и еще много всего. Мне безумно нравится французская рождественская песня про ангелов из деревень, мы с дедом слушали пластинку, там детский хор ее обалденно исполняет. Вот только петь ее приходится так, будто тебе яйца прищемили – тонко и завывающе.

Деда наяривает что надо. Ему бы по кабакам играть. Никогда не думал, что баян может звучать то так бодро и заводно, то протяжно и мелодично.

Обычно больше всего дают за веселые песни, но грустная про ангелов экспатам почему-то тоже нравится. Видимо, она мне очень хорошо удается, голос получается – закачаешься. Как по краю бокала смоченным слюной пальцем водишь – чистый звук, высокий.

Но вообще песня про ангелов зимняя, рождественская, а нам до зимы еще ого-го сколько жить. Песни должны попадать в сезон, и раз сейчас наступает лето – нужны заводные летние песенки.

Вот так мы и работаем – дед играет, я пою, развлекаем спешащих на работу экспатов, которые в благодарность или из жалости бросают нам в шапку монетки. А по-другому в нашем захолустье как выживешь-то?

Мы подумываем над ди-вер-си-фи-ка-ци-ей нашего бизнеса (ух, слово-то какое заумное!). Нужно расширять сферу, а то мы все поем и поем. И деда кое-что придумал – он научился делать гигантские мыльные пузыри: для этого нужен таз с хорошим мыльным раствором, две палочки, между которыми нужно привязать веревочку так, чтобы образовать петлю. Вот с таким устройством получаются мыльные пузыри во весь рост и даже больше!

Дед уже все смастерил, у нас во дворе тренируется – пузыри получаются что надо!

А меня он учит жонглировать шариками. Скоро мы будем настоящим передвижным цирком.

Только вот пока мы с нашим цирком никому не нужны – народу в Холмах еще мало, и люди собираются в кучу только на этой площади, но тут все спешат, и никто не будет смотреть концерт. А нам нужно такое место, где люди будут собираться толпой и отдыхать, не спеша гулять или сидеть на лавочках, чтобы было кому показывать наше представление. Пока такого места в Холмах еще не устроили. Но по предположениям деда этим летом должен появиться парк для отдыха.

Пока что у нас с дедом тут певческая монополия, никто больше до такого не додумался. Конечно, скоро народ просечет, и поползут сюда через плотину все больные и убогие денюжку кланчить у богатеньких экспатов. Но пока что конкурентов у нас нет, и нас не очень-то гоняют. Нет, конечно, попадаются такие стражи порядка, которые нас прогоняют и даже штрафами грозят. Но в целом относятся хорошо, даже суровым стражам нравится такой квартет: дедушка, внучок, баян и ушанка.

В шапку сразу начинают сыпаться монетки. В основном кидают русские, но иногда попадается и заморская валюта.

Мы с дедом работаем на площади до десяти-одиннадцати, потом ловить нечего – все на заводе. И мы сворачиваемся и идем в сам поселок на другую работу. Идем так, чтобы кому не надо на глаза не попасться.

Поселок строится... Повсюду стучат молотки, жужжат дрели, грохочет тяжелая техника. Готова только та часть, что ближе к реке и к границе с Чертогой.

Дома тут – загляденье. Я такие только на открытках видел. Яркие, с ажурной отделкой, как пряничные домики. А газон... Прямо альпийские луга из рекламы про масло «Анкор».

– Кирка, ты чего зазевался? В оба гляди, – ворчит дед.

Ах, да. Мы же на работе – надо глядеть в оба.

В чем заключается наша вторая работа?

Стащить то, что можно продать. Мы не воруем – берем то, что уже не нужно, например, что осталось после стройки. Очень ценится алюминий, а после стройки здесь столько всего из алюминия осталось: трубки, проволока, обрывки кабелей... Все это мы потом почистим, отделим лишние детали и понесем в скупку дяде Диме в его вагончик.

Мы заходим в строящийся поселок со стороны леса – в конце его тут огромная куча строительного мусора. Копаемся в ней, выбираем полезный хлам.

Сделав работу, выходим из поселка через главный вход... И ахаем. Въезд в поселок сделан в форме арки из разноцветных камней, а возле арки... Стоит корова! Мы ее раньше не видели.

Огромная корова, скрученная из проволоки, с обмотанной вокруг нее гирляндой из лампочек. Она тут, видимо, для красоты и по вечерам должна освещать парадный въезд.

Тарашусь на корову. Роднуля, ты должна быть нашей! Не знаю зачем, но должна.

Мы с дедом переглядываемся. Зырим по сторонам.

Через минуту на въезде в поселок снова пусто – ни меня, ни деда, ни коровы из проволоки. Вместе с новой подругой мы радостно улепетываем обратно в свой лес.

Корова большущая, тащить ее неудобно. Она вся какая-то неуклюжая. Постоянно спотыкаюсь о корни и шишки. Дед держит корову за голову, а я ее тащу за зад.

Обратная переправа через плотину дается нам с трудом. Делаем пару заходов, перетаскиваем сначала добычу со стройки, потом корову.

Наконец подходим к барaku.

Входим в наш подъезд. На лестнице не хватает двух ступенек, они уже давно сгнили и провалились. Нужно об этом помнить, иначе, если вовремя не перепрыгнуть дыру, полетишь вниз бомбочкой. С коровой поднимаемся вверх с особой осторожностью.

Дома у нас много забот. Корову выпихиваем на балкон – потом решим, что с ней сделать.

Прохожу на кухню – по пути прыгаю по коридору. Пол здесь такой шаткий, что на нем здоровски прыгать – как на батуте.

На кухонный стол вываливаем из шапки все, что заработали. Тут и рубли, и копейки, и заморская мелкая валюта: сантимы, пфенниги, центы... Попадается также денюжка покрупнее – франки и марки. Все это надо разложить по кучкам и посчитать по нынешнему курсу. Дедушка этого сделать не может – подслеповат стал. Так что финансами у нас я занимаюсь.

Я считаю деньги, а дед сидит рядом и курит беломорину – от этих папирос пальцы у него в желтых пятнах.

После подсчета нашего заработка мы все деньги прячем – запихиваем в ящик с инструментами и присыпаем сверху гвоздями.

Потом садимся обедать – вчера наготовили целую кастрюлю лукового супа с фрикадельками. Я весь изревелся, пока лук резал.

После обеда вытряхиваем на пол из рюкзака алюминиевую добычу. Принимаемся чистить лом от засора, так как за чистый алюминий дают больше денег. Снимаем изоляцию с кабелей, убираем лишние детали.

Через час работы пальцы немеют.

Справившись, тащим чистый лом к дяде Диме, в его вагончик за бараками. Здесь у дяди Димы пункт приема. Мы ему – нашу добычу, он нам – денежку. А еще протягивает мне скрученного из проволоки слоника. У меня уже шестнадцать разных зверюшек, эта поделка – семнадцатая. Дядя Дима очень круто мастерит зверюшек из скрутков, дарит их детям наших дворов. Лучше всего у него получился жираф, он делал его для Маринки из шестого дома. Все дети со двора ей обзавидовались. За Маринкой всегда толпа ходит. Просят ее обменяться. Ей предлагают даже две, а то и три разных зверюшки за ее жирафа. Но она всегда отказывается.

Во дворе мы часто устраиваем соревнования – играем в городки, на кон ставим зверюшек – победитель получает в награду одну из поделок. Так что зверюшки проволочные – это у нас, детворы местной, такая своя валюта.

Я ставлю нового жителя на подоконник, у меня тут целый зоопарк. Самый клевый в нем медведь, я его в городки выиграл. С первого броска выбил «часовых», так мало у кого получается.

У нас все помешаны на городках – потому что это такая игра, которую себе может устроить каждый. У нас с дедом тоже где-то есть «городки» – он их из березы мне выстругал. Но они не модные, поэтому я их не беру. Модные у Катки – ее батя сам покрасил «городки» и битую разноцветными красками. Так что мы обычно Каткиными играем, таких ни у кого нет. А березовые – они есть у всех, березовые «городки» – это не модно.

Начинаю делать уроки – все мои ровесники уже давно ходят в школу, но я сижу на домашнем обучении. Дед – учитель суровый. Ремнем, полотенцем и скрученной газетой прохаживаясь мне по заднице, дед помогает усваивать новые знания. Письмо, математика, английский, история и география... Дед говорит, что только с помощью мозгов можно выбраться из болота, в котором мы живем. Но местные школы этого якобы дать не смогут.

А мне нравится то, как мы живем. И выбираться отсюда я совсем не хочу.

После учебы иду во двор, друзьям показывать новую зверюшку.

Каждый двор у нас имеет свое название. Наш – Корабельный. Я очень им горжусь. По весне, когда тает снег, пустырь затопляет так, что вода аж до пояса достает. Водослив уже года три как забит каким-то дерьмищем, вот нас и топит. Даже резиновые сапоги не спасают – люди перед выходом из дома ноги обматывают пленкой, чтобы не намочить.

И по весне все дети из округа собираются здесь на корабельные соревнования. Мы с самого Нового года к ним готовимся. Строим игрушечные корабли, красим их, делаем паруса, придумываем названия. И в апреле у нас начинаются настоящие морские бои. В море встреча-

ются два противника-корабля, задача каждого – потопить чужое судно. Выигравший сходится со следующим противником, и так до самого последнего победителя.

Победителю гарантированы почет, слава и уважение на весь год. Я не выигрывал ни разу, хотя мы с дедом строили всегда самые крутые корабли.

Сейчас май, вода утекла, грязь подсохла. Наш двор стал скучным. Зато теперь все дети перешли на соседний. Он называется Королевским. Тут очень чисто и даже есть асфальтированная площадка – на ней мы все лето играем в городки.

Третий двор у нас Судный. Здесь решаются все жаркие дворовые споры. Прямо во дворе находится огромная помойка – высотой с гору. Над помойкой проходят тепловые трубы. Спор у нас решается так. Кто хочет, чтобы на его стороне правда была, лезет по трубе прямо над помойкой. Мало кто может долезть до конца – обязательно свалится в вонючую кучу. Но уж если долезет – все, он прав, остальные отступают.

Есть еще четвертый двор, он чуть в стороне. Бараки там совсем разрушены, зато двор-пустырь хорош, ровный весь и трава на нем растет. На нем мы обычно играем в футбол, а зимой лед заливаем и в хоккей рубимся, тут даже ворота есть.

Покидать Старичью Челюсть нам, детям, нельзя. Так что мы играем только здесь, хотя и хотим выбраться за пределы нашего района. Постоянно передаем друг другу разные легенды и страшилки об удивительных местах Чертоги, которые находятся за нашими пустырями. Рассказы про жуткие заброшенные шахты, где живут призраки, про зеленый карьер-отстойник при заводе, в котором обитают чудовища, и про уйму другого интересного и жуткого, от чего по коже мурашки бегут.

Когда вырасту, я обязательно побываю во всех местах и даже открою новые.

Вот как-то так и проходят мои дни.

Утро. Жужжание старенького будильника.

Коридор. Прыжки по скрипучим половицам в коридоре.

Ванна. Зеркало все в трещинах.

Чистка зубов. Семнадцать раз снизу вверх, семнадцать – сверху вниз.

Завтрак. Манная каша и чай с бергамотом.

Подъезд. Запах кошек и подгорелых блинчиков. Две сгнившие ступеньки. В углу – при- таившийся крысеныш.

Улица. Путь по извилистым тропкам мимо покосившихся барачков.

Лес. Запах влажных листьев и сосновых иголок.

Плотина. Переход на другой берег реки через холодный бурлящий поток.

Голубые Холмы. Гладкая, ровная дорога. Поля, утыканые нефтекачалками.

Площадь. Мостовая, выложенная ровными, одна к одной, плитками. Часовая башня. Толпа экспатов, спешащая на завод. Музыка баяна, веселые песенки и звяканье монеток в шапке.

Поселок экспатов. Шум молотков и дрелей и запах строительной пыли. Копание в строительном мусоре. Сбор полезного хлама.

Дом. Подсчет финансов. Гладкость и холодок блестящих монеток. Теплый ароматный обед.

Улица. Синий вагончик дяди Димы: сдача лома. Новая зверюшка из скрученной проволоки.

И снова дом. Утомительная зубрежка под строгим контролем деда.

Двор. Вечерняя прогулка с друзьями. Городки, футбол, прятки и салки. Дворовые запахи: мазут, объедки,стираное белье, подгорелое масло...

Сон. Кровать. Запах пыльного матраса. Мерный храп деда и ругань соседей за стеной. Звон битой посуды. Вой дворовых собак.

Я улыбаюсь еще одному прожитому зачупатому дню. Улыбаюсь тому, что я ложусь спать на сытый желудок. Улыбаюсь при мысли, что со мной рядом всегда будет дедушка. Мы каждый день едим горячий суп. У меня есть руки и ноги. Я могу ходить, могу бегать по холмам, могу говорить и даже петь.

Я не знаю другой жизни, кроме Чертоги, не знаю других детей, кроме детей из Старичьей Челюсти, не знаю другой семьи, кроме дедушки. Каждый мой новый день похож на предыдущий, но я счастлив до самой макушки.

Я засыпаю, чтобы проснуться наутро в еще одном сегодняшнем дне.

Ах, да, корову мы так и не сдали – дядя Дима ее не принял, сказал, в проволоке много ненужных добавок. Она теперь каждое утро своей проволочной мордой улыбается с нашего балкона проезжающим на грузовике шахтерам.

А потом в моей жизни случаются три гигантских переворота.

Деда наконец-то берут на постоянную (не подземную!) работу – водителем самосвала: теперь ему предстоит возить руду с шахт до перерабатывающего комбината.

Наша карьера цирковых артистов заканчивается, не успев начаться, мы с дедом больше не ходим на работу к экспатам. Меня отправляют в школу. Я хорошо сдам вступительные тесты и попадаю сразу во второй класс. Эх, я превращаюсь в обычного ребенка.

А еще в нашем дворе появляется новый мальчик. Белобрысый, как заяц в зимнюю пору, длинный, как фонарный столб, наглый, как помойный крысеныш, и злощип, как черт. Он не боится взрослых, ему плевать на запреты. Старше всех детей в округе, он быстро завоевывает признание дворовой детворы и общественную ненависть. Архип. Сын начальника шахты, лидер нашего двора и мой любимый зачупатый друг.

Глава 2

Промотаем пленку на два года вперед и попадем во время, когда я познакомился с Архимом.

Вот уже два года как дедушка работает на самосвале, а я хожу в школу. Вот уже два года как мы не были в Холмах, а ушанка и баян пылятся на антресолях под потолком.

Я скучаю по прошлому. Сидя в классе и ковыряя облупленный уголок парты под нудную болтовню учителя, я с тоской вспоминаю наши с дедом беззаботные дни. Вспоминаю наш путь к Холмам, улыбки экспатов, веселые песни, сбор алюминиевого лома. Я думаю, дедушка, крутя баранку огромного самосвала, тоже скучает по тем дням – он последнее время стал какой-то грустный.

Здоровущая проволочная корова на балконе была прощальным подарком от нашей прошлой счастливой жизни. К Новому году дедушка подключил гирлянду к электричеству, и мы зажгли корову вместо новогодней елки. Под нашим балконом столпилась вся местная детвора, всем хотелось посмотреть на это чудо – светящуюся корову!

Мне не особенно нравится школа, это длинное здание на южной границе Чертоги недалеко от комбината. Под школой проходят подземные воды, и правая часть здания сильно просела и накренилась, полы в школе теперь идут под углом, мы любим катать по коридорам что-нибудь круглое – шарики, мячики, батарейки, – не нужно даже давать толчок, просто кладешь на пол шарик, и он катится сам.

В школе выбито много окон, вставить новые стекла у администрации нет денег, и окна просто заколотили. Из-за этого в здании всегда мало света.

Мест всем не хватает, мы часто сидим по трое за одной партой, что до учебников, тут еще хуже – по одному на четверых. Домашние задания делаем из-за этого не дома, а в библиотеке, иначе замучаемся вне школы передавать друг другу учебники.

В школе стоит плохой запах – рядом протекает река-вонючка; в этой части города совсем старые канализационные трубы, и стоки из домов стали попадать в реку. А еще здесь рядом городская свалка – ветром мусор разносит по всей округе, очень много всего попадает в реку. Из окон школы можно видеть, как из-под воды выныривают мусорные пакеты, выглядывают круглые днища ржавых бочек и автомобильные шины. Возле реки мы часто играем после школы – прыгаем с бочки на бочку и с шины на шину.

Я заканчиваю третий класс, приближается мое десятое лето. Два месяца назад прошли Корабельные соревнования – но наш с дедом очередной потрясный корабль, сделанный из просмоленных досок, снова ничего не выиграл.

А сейчас открыт сезон городков!

Вот мы стоим, толпимся на краю площадки Королевского двора с фигурами. Моя очередь бросать биты. Я весь потный, нужно выбить самую сложную фигуру – «письмо». Сегодня – решающая битва. На кону мой драгоценный медведь. Если не выбью, проиграю поделку. Если же выбью, то получу две самые классные зверюшки (ну, после жирафа, конечно) – хорька и лису.

«Письмо» я не выбивал ни разу в жизни. В этой фигуре между «городками» большие промежутки. Выбить все сразу – нереально.

И тут вдруг у самого уха раздается незнакомый голос:

– Не бей под углом. Бита должна лететь параллельно земле. Встань как можно дальше.

Я еще не смотрю на подсказчика. Недоверчиво гляжу на фигуру.

– Доверься мне, – шепчет голос у уха.

Я думаю. Но если я сделаю, как хочет голос, и отойду назад, то моя бита просто не долетит!

Но что-то подсказывает мне, что голосу можно верить.

Отхожу на три шага назад. Рискну. Эх, прощай, родной мой медведь!

В последнюю секунду перед броском биты я закрываю глаза. Слышу шум: глухой удар биты о площадку, «городки» разлетаются. Открываю глаза.

Это исторический день. Я выбил «письмо!»

Кто-то хлопает, кто-то ахает, а кто-то оплакивает свою лису.

И тут я наконец-то оборачиваюсь к тому, кто давал мне подсказки. И удивленно открываю рот.

Хм. Этот парнишка не из наших.

Все остальные тоже на него смотрят. Десять лиц одновременно обращаются в его сторону. Откуда он взялся? Никто не знает. Он будто вырос из-под земли. Высокий, белобрысый, с умными глазами, в чистой рубашке. Все с любопытством разглядывают чужака.

Любой бы растерялся, но только не этот парнишка. Он расправляет плечи и гордо задирает подбородок.

– Архип, – с важным видом протягивает он свою белую ладошку.

Все по очереди неуверенножимают ее и называют свои имена. Эта взрослая традиция – обмениваться рукопожатиями – раньше никогда не была в ходу среди нас, детей.

Появление незнакомого парнишки уже с первых секунд что-то меняет внутри нас.

Пожимая мне руку, он подмигивает и улыбается. Я улыбаюсь в ответ и киваю, выражая благодарность.

– Откуда ты взялся? Сколько тебе лет? – интересуемся у парнишки.

– Я из Коробок. Мне одиннадцать. И у меня с собой чипсы «Принглс».

Восторженный вздох.

Коробки. Район в центре Чертоги. Без бараков, там двумя аккуратными рядами стоят шесть одинаковых панельных пятиэтажек. Это у нас что-то типа элитного района. Говорят, там даже свет и воду дают круглосуточно, а не так, как у нас – по четыре часа в день. И котельная у них своя, районная – современная, трубы никогда не замерзают, и тепло домам дают всю зиму. Правда, мы не знаем этого точно, ведь никто из нас ни разу не был в Коробках. Все это один парнишка рассказывал – говорил, знакомые его знакомых там живут. Но мы не поверили ему и быстро загнали на трубу – проверить на правду. Свалился в помойную кучу. Так и знали: брешет. Не бывает такого, чтобы свет круглосуточно. А вода-то как целый день может идти горячая? Она же нагреться должна. Враки все. А уж тем более про котельную. Все трубы мерзнут. Не могут не мерзнуть.

Белобрысому парнишке одиннадцать лет. Самый старший среди нас. И значит, самый умный.

Чипсы «Принглс». Уже от этих двух слов в желудке урчит, а рот наполняется слюной. «Принглс» мы ели только один раз – накопили всем двором и купили вожака баночку.

Три ответа Архипа автоматом превращают его в лидера нашей компании. И без разницы, живет он здесь или нет. Мы, дети из Старичьей Челюсти, всегда доброжелательны к новичкам. Всегда их принимаем. Никогда не разделяем компанию на «салаг» и «старожилов», на «наших» и «чужих». Особенно если они с собой приносят чипсы...

Мы отходим к лавочке, все окружают Архипа. Он достает из рюкзака чипсы – целых две упаковки! Высыпает каждому на ладошку.

Мы уступаем Архипу почетное место в центре лавочки, сами садимся вокруг. Я плюхаюсь на землю напротив, хрумкаю чипсы.

– Я должен тебе кое-что, – говорю я и протягиваю Архипу лису и хоряка. – Я выиграл их благодаря тебе.

Архип отмахивается:

– Ты мне ничего не должен. Твой бросок действительно был крутой!

– Нет, должен! Выбирай – хорька или лису?

Я упорно протягиваю ему зверюшек. Архип сдаётся. Забирает себе хорька.

– Спасибо, – кивает он и убирает хорька в карман штанов.

Архипа заваливают вопросами: а как живут люди в Коробках? А правда ли, что отопление даёт всю зиму, а свет и воду – круглосуточно? А правда ли, что во дворах Коробок есть новенькие детские площадки? И что на районе нет вандалов, и на окнах даже можно не ставить ставни и решетки? И что крыши у домов плоские, а не треугольные, как у наших бараков?

Я смотрю на окна наших домов, защищенные решетками, а кое-где на нижних этажах закрытые ставнями. Мы боимся вандалов и воров, их тут много.

Архип усмехается.

– Ха! Если думаете, что мы там как короли живем, как эти... из Холмов, – презрительно протягивает он, – то вы ошибаетесь. С отоплением такие же проблемы – трубы мерзнут. Воду должны давать все время, но по факту ее не бывает по полдня... То же самое со светом. Дома у нас старые, проводка трухлявая. Детская площадка есть, но ее уже почти всю разрушили – качели сломали, горку вырвали. А ставни – так во всей Чертоге ставни. И у нас. Везде есть вандалы. Так что враки все. Кто вам наговорил эти глупости? Язык ему надо вырвать. Но вот крыши плоские, это верно.

Архип с беспокойством смотрит на треугольную крышу одного из бараков. Она совсем прохудилась, часть ее провалилась внутрь.

Мы победно смотрим на мальчонку, который уверял нас, что в Коробках все по-другому. Судные трубы над помойкой – они не врут. Всегда показывают, на чьей стороне правда. Мальчонка стыдливо смотрит себе под ноги.

– А вы были в шахтах? – меняет тему Архип и заметно оживляется.

– В шахтах?

Мы смотрим на него с ужасом. Никто из нас не спускался в шахты.

Неужели он...

– Я их все облазил, – говорит он так, будто рассказывает о походе в магазин за хлебом.

– Ух ты! И как там?

Глаза Архипа горят:

– Там очень круто! Подземные тоннели, штольни... Там много разной техники. Проходит железная дорога, можно кататься на вагонетках. Сыро. Мрачно. Можно кучу всего интересного найти. Смотрите.

Он достает из кармана штанов камешек, который блестит, как металл.

– О! Это руда? – спрашивает один из ребят.

– Дубина! – Архип презрительно смотрит на него. – Не можешь руду от пирита отличить? Это же пирит – камень-обманка. Все шахтеры могут отличить пирит от золотоносной руды. Ты разве не сын шахтера?

– Сын...

– Скажи папке, что ты дубина. Пускай поучит тебя.

Архип копается в рюкзаке. Достает несколько предметов, покрытых землей и копотью.

– Это я тоже в шахтах нашел. Фонарик и головку с кирки. Представляете, сколько ей лет?

Мы все по очереди держим в руках Архиповы находки. Они прохладные и шершавые, чувствую пальцами жесткую корку. Я нюхаю их – хочу почувствовать запах шахты.

Мы все заваливаем Архипа вопросами о рудниках.

Архип вскидывает руки:

– Погодите! К чему рассказывать, если я могу провести вас туда?

– Прямо в шахты?

Мы не верим!

– Конечно, прямо в шахты! Пойдемте хоть завтра! И все увидите своими глазами!

Мы начинаем строить план. А во сколько выходим? А что надо брать с собой? А будут ли у нас фонарики?

Архип отвечает на наши вопросы. Все, решено – завтра выступаем! Я наконец-то увижу шахты, настоящие заброшенные шахты, про которые известно столько разных историй!..

Многие не смогут пойти и огорченно вздыхают, зато тех, кто может, просто распирает от счастья.

Но тут замечаем, что солнце скрывается за деревья, оглядываемся по сторонам. Сумерки. Время страшных рассказов, традиции нельзя нарушать. Мы все смотрим на Архипа – а у нас ведь тоже есть чем его удивить!

– Солнце садится. Пойдемте к подвалу, истории рассказывать! – говорит кто-то из наших.

– Что еще за истории? – недовольно переспрашивает Архип.

– Страшные! У тебя от них волосы дыбом встанут! Жуткие рассказы про шахты. Заодно и скажешь потом, выдумки это или нет, и поделишься своими байками. Пойдемте скорее к подвалу!

Мы заходим за угол дома, по выщербленным ступенькам спускаемся к решетчатой двери подвала.

Подвал у нас длиннющий, вдоль стен тянутся ржавые трубы.

Мы часто слышим страшные рассказы об этом месте.

Рассказы о жутком насилии, об убийствах, о том, как кто-то убил кого-то, разрезал труп и спрятал куски тела прямо в трубы. Вода на полу вся окрашена в багровый цвет. На стенах – следы от ногтей, оставленные несчастным, которого однажды приковали цепью к трубам и который напрасно пытался звать на помощь...

Здесь происходит очень много страшных вещей, о которых взрослые шепчутся за плотно закрытыми дверями. Но мы, дети, все равно слышим отдельные слова – и этого нам достаточно, чтобы потом сообща додумать историю до конца.

Мы никогда не лазили внутрь – решетчатая дверь закрыта, ее нужно взламывать, – да и желания особого нет. Благодаря всем дворовым легендам мы уже живо представляем картину внутри. Нам достаточно просто сидеть у двери подвала, глядеть в его мрачную темноту через решетки, чувствовать особенный запах, ощущать влажность, слышать, как в темноте где-то капает вода, что-то шипит. Иногда мы слышим какие-то шорохи и с визгами мчимся вверх, к спасительному свету.

Именно здесь, на нижних ступеньках у входа в подвал, мы рассказываем друг другу мрачные страшилки о жутких вещах, случавшихся в подвалах и на чердаках Старичьей Челюсти, о шахтах и о зеленом отстойнике, обо всем пугающем, что может происходить в Чертоге.

Мы рассказываемся по ступенькам. Я снимаю привязанный к поясу маленький фонарик и освещаю темноту подвала за решетками. Потом говорю:

– Давай, Гусь, сегодня твоя очередь!

Мальчишка, награжденный таким птичьим прозвищем из-за своей тонкой и длинной шеи, ерзает и оживляется. Все любят рассказывать байки, и каждый ждет не дожидается своей очереди.

– Отлично! У меня как раз есть одна страшная история... Это случилось на самом деле. Мне рассказывали. Все это – правда на сто процентов. Несколько месяцев назад два брата-студента собирались приехать в нашу глушь и спуститься в одну из заброшенных восточных шахт с какой-то исследовательской целью. Один заболел, и приехал сюда только второй брат. Он спустился под землю, пошел по тоннелю. Студент хотел найти какие-то интересные камни. Вдруг он увидел впереди загадочные блики и, освещая себе путь фонариком, пошел в направлении манящего блеска. Но сколько бы он ни шел, блики не приближались. Тоннель то разветвлялся, то расширялся, позволяя двигаться в полный рост, то сужался, становясь похожим на

нору. Вдруг студент стал замечать, что свет фонарика потускнел, хотя батарейки были новые. Как будто дело было в том, что чем дальше он шел, тем больше стужалась темнота, и свет фонарика уже не мог ее рассеять... Дойти до источника загадочного блеска стало навязчивой идеей студента. Ему было страшно, гулко стучало сердце. Шорох шагов. Зловещий звук падающих капель. Мрак... И загадочные манящие блики впереди. И вдруг... сзади, в нескольких метрах...

Мы все затихаем, с нетерпением и страхом ожидая продолжения истории. Гусь выдерживает паузу, накаляя атмосферу, а потом вскрикивает:

– Раздался голос!

Все ахают.

Гусь между тем продолжает:

– Мужской голос, удивительно знакомый студенту. Он стал светить назад, но никого не увидел. А голос все приближался. Он говорил: «Помоги мне...» От страха студент побежал вперед. И вдруг голос смолк. Блики исчезли. Студент подошел к тому месту, где в последний раз видел блеск, и посветил фонариком в темноту. И там... на земле... были разбросаны фотографии! Фотографии, разрезанные ножницами на треугольники. Студент подобрал несколько обрезков – на них были люди. И на одном из кусочков снимка он узнал... себя и своего брата! С прожженными дырами вместо глаз. Эта фотография сделана давно, когда они с братом еще были совсем детьми. Она всегда хранилась в семейном альбоме – и никаких дыр на ней не было и в помине... Сзади послышалось какое-то шевеление – студент бросился бежать. И тут впереди показался просвет – другой выход из шахты. Спасение! Студент выбрался на поверхность, к свету. Всю дорогу домой он разглядывал обрезки фотографий и недоумевал, как они оказались в шахте. Он вернулся домой, брата не оказалось там, но студент подумал, что тот мог почувствовать себя лучше и уйти куда-нибудь по своим делам. Истощенный морально и физически, он лег спать. Той ночью ему ничего не снилось. А наутро его разбудил телефонный звонок. Звонили из милиции. Брата нашли мертвым на пустыре – неизвестно, отчего он умер. На земле рядом с ним было нацарапано: «Помоги мне»... Он пролежал там полтора дня, и вороны выклевали ему глаза. Студент сжег кусочки снимков сразу после похорон. И больше никогда не спускался в шахты...

Мы все выдыхаем. История нам очень понравилась. Гусь умеет здорово рассказывать, нагнетая атмосферу. И голос его звучит так тихо, глухо, как из-под земли...

Мы все обсуждаем услышанное, хвалим Гуся. Но Архип недоволен. Он единственный из нас был в шахтах, поэтому придирается к мелочам:

– Непохоже на правду... Это же восточные шахты, да?

– Ну, да, – отвечает Гусь.

– В восточных шахтах нет второго выхода на поверхность. А еще как студент мог подобрать фотографии с земли, если шахты там все затоплены? Там нужно по колено в воде идти... И история с фотографиями... Врешь ты все! Не бывает такого. Сказки.

– А вот и не вру! – яростно выкрикивает Гусь, быстро вставая. – Это все – чистая правда! Ты просто не во всех шахтах был и не знаешь, что там творится!

– А вот и во всех! – Оскорбленный Архип тоже вскакивает. – И восточные все затоплены!

– А вот и нет!

– А вот и да!

Оба мальчика спорят, толкаясь упрямыми лбами.

Мы все следим за перепалкой. Но споры у нас решаются только одним способом...

– На судные трубы! Пойдемте к судным трубам, проверим, кто врёт! – кричит кто-то.

Все поднимаются, начинают галдеть. Кто-то поддерживает Архипа, кто-то стоит за Гуся. Мы идем в Судный двор. По дороге рассказываем Архипу, как у нас решаются споры.

Мы подходим к мусорной горе, состоящей из бутылок и банок, целлофановых пакетов, картонных коробок, вонючих объедков, мотков магнитофонной ленты, арматуры, досок и пыльных мешков...

Две огромные ржавые трубы стелются по земле двора, над горой они поднимаются и тянутся поверху, потом снова спускаются и уходят дальше в глубь двора. Жестяная оболочка поверх труб смялась и распалась, лохмотья сгнившей стекловаты и полосы грязного поролона свисают до земли.

Гусь подходит к трубе, вид у него уверенный. Он хорошо лазает и не раз выигрывал споры. Архип усмехается. Вместо того чтобы пойти к трубе, он направляется к мусорной куче.

– Ты куда? – удивляемся мы.

– Я хочу немного подправить ваш судебный процесс.

Архип копается в мусоре – выбирает стеклянные бутылки. Мы с интересом наблюдаем за ним. Потом он забирается прямо на верхушку горы с бутылками в охапке. Берет в руку одну... И разбивает ее о торчащую из кучи железную арматуру. От неожиданности мы все вскрикиваем.

– Что ты делаешь? Прекрати! Перестань! – кричим мы.

Но Архип с улыбкой продолжает бить бутылки, разбрасывая осколки по куче. Осколки получаются разные, и мелкие, и крупные, размером с ладонь. Такие могут и насквозь пройтись!

Усыпав верхушку мусорной кучи осколками, Архип спускается вниз.

– Вот теперь можно начинать спор, – улыбается он. – Теперь суд точно определит вруна.

– Но... Но... Архип, там же осколки! Нельзя лезть! Вы можете упасть и напороться! Такие осколки человека могут сильно поранить! До кишок живот пропороть!

Мы пытаемся остановить его. Но Архип лишь улыбается и пожимает плечами. Смотрит на Гуся:

– Но ведь каждый из нас уверен, что он прав, не так ли? Значит, мы оба удержимся. Так, Гусь? Ведь ты же не хочешь отступить и признавать, что ты все наврал и что твоя история – выдумка?

Гусь от страха весь напрягается, вытягивает свою длинную шею.

– Я... Я... Я не вру!

– Отлично! – Архип подходит к своей трубе. – Тогда лезем?

Мы все смотрим на них с волнением.

Неужели они решатся? Будут рисковать жизнью, чтобы только показать всем, на чьей стороне правда?

– Командуйте! – кричит Архип.

Я нехотя начинаю считать:

– Раз, два, три!..

Они лезут вверх по трубам – цепляясь руками за колючую стекловату, ногами упираясь в смятую железную оболочку. Гусь опережает Архипа и уже преодолевает вертикальный участок, он встает на ноги, а Архип только долезает до середины. Гусь двигается вперед, не смотря вниз. Делает шаг. Еще один. Дальше – опасный участок. Часть трубы искривилась, лист железа торчит вверх, нужно перешагнуть через него. Гусь балансирует, размахивая разведенными в стороны руками, маленькими шажками приближается к опасному участку. Архип уже добрался до верха и идет по горизонтальному участку, догоняя Гуся. На пути Архипа – похоти препятствия, торчащие куски железа. Он с легкостью преодолевает сложный участок и двигается дальше. Гусь, видя, что соперник его обгоняет, смело делает шаг. Мы замираем: Гусь машет руками так энергично, как будто вот-вот упадет. Мы видим его испуганные глаза, а вот лицо Архипа спокойно. На пути спорщиков – еще одно препятствие, там трубы сужаются прямо над кучей, и пройти по узкому скользкому участку практически нереально. Архип

наступает на узкую часть и теряет равновесие. Мы вскрикиваем. Но он быстро делает шаг вперед и, балансируя раскинутыми руками, удерживается на ногах.

Гусь тоже наступает на скользкое место, но не теряет равновесия, бодро идет вперед. Болельщики подбадривают Гуся возгласами и аплодисментами, и он идет по опасному участку даже быстрее Архипа и вскоре его обгоняет.

За кого я болею? Даже не знаю... Я переживаю за Гуся. Я не думаю, что он врет про свою историю, считаю, что Архип зря на него взъелся. И суд вышел слишком жестокий: разбросанное стекло – это лишнее. Но что-то в Архипе есть такое, что заставляет меня восторженно смотреть на него и желать ему победы...

Гусь даже слегка улыбается – он уверенно преодолевает препятствие. Архип отстает.

Но тут... Что-то идет не так. Нога Гуся соскальзывает с трубы. Махи руками не помогают ему удержать равновесие, с протяжным криком он падает вниз. Я закрываю руками лицо и слышу удар: будто с высоты бросили мешок с картошкой. Я слышу жуткий звон битого стекла – Гусь упал в самую гущу осколков. Мы все бросаемся к нему, лезем на кучу. Гусь лежит на животе, раскинув руки в стороны. Не шевелится. Мы кричим, перебиваем друг друга, тормозя Гуся, тянем в разные стороны, переворачиваем его. Кто-то вопит от ужаса: живот Гуся весь в крови.

Наши крики привлекают взрослых, на помощь уже бегут несколько человек. Нас расталкивают, кто-то звонит в «скорую», кто-то спускает Гуся вниз.

Мне становится плохо, сильно мутит. Перед глазами мелькают звездочки. Все, что я вижу, – это красные капли крови, падающие на землю. И улыбку. Улыбается Архип. Он все еще на трубе – смотрит с высоты на всех, смотрит победно: этот спор он выиграл.

Гуся увозят на «скорой», а через неделю он умирает от воспаления раны. В нашей больнице нет сильных лекарств...

Мы раскладываем еловые ветки перед входом в подъезд, где жил Гусь. Надеваем черные рубашки. Идем в маленькую церковь проститься с этим добрым мальчуганом, который так здорово рассказывал истории.

Удушливый запах пота и церковных благовоний, гроб, в котором лежит Гусь – белый как мел. Его рубашка застегнута на все пуговицы, под самое горло, и от этого его шея не кажется слишком длинной.

Гуся звали Славкой. Тищенко Вячеслав Анатольевич. Ему было девять лет.

Я не подхожу к гробу ни в церкви, ни на кладбище – мне страшно. Переминаюсь с ноги на ногу, прячусь за толпой, обступившей могилу, слышу, как приколачивают крышку. Стук молотков заглушает горькие рыдания родственников.

У меня перед глазами все еще стоят осколки бутылок, падающие капли крови и белозубая улыбка мальчишки, который радуется победе, завоеванной такой высокой ценой.

После похорон взрослые отгораживают трубы и помойку самодельным забором – чтобы дети туда больше не лазили. Мы теперь избегаем Судного двора, но все равно нам нужно проходить через него, чтобы добраться от нашего двора до Королевского. Проходя мимо, я не смотрю в сторону труб, но все равно боковым зрением вижу их, снова и снова вижу в своем воображении падающего вниз Гуся.

Дети ополчаются против Архипа, винят его в смерти Гуся. Архип больше не приходит к нам. Мы больше не решаем, кто прав в спорах, не рассказываем истории у входа в подвал: смерть Гуся сильно отразилась на наших привычках и традициях. Вечерами мы теперь просто сидим в кустах Королевского двора, болтаем или играем в мяч.

Я скучаю по Гусю – он был хорошим парнем. Но я скучаю и по Архипу – этот странный мальчишка за короткое время успел крепко привязать к себе многих. Половина ребят ненавидит его, они все любили Гуся. Вторая половина, такие, как я, просто молчат и с тоской вспоминают чипсы «Принглс», камень-обманку пирит, кирку и насмешливую улыбку.

К нашему удивлению, Архип приходит к нам во двор недели через две после смерти Гуся, утром в субботу. Мы сидим в кустах и слышим, как шевелится листва. Сквозь кусты просовывается белобрысая голова с прицепленным налобным фонариком. Потом появляется туловище. За спиной – рюкзак, в руках – карта, на ногах – резиновые сапоги.

От неожиданности мы открываем рты. Мы никак не могли подумать, что после случившегося у Архипа хватит смелости прийти сюда...

– Ты? Да как ты!.. Да откуда ты!.. – раздаются возмущенные голоса.

– Да, это я, – дерзко отвечает мальчик. – Я обещал сводить вас в шахту. Я иду туда сейчас. Те, кто хочет, двигайте за мной.

Все вскакивают.

– Ты думаешь, после всего, что случилось, кто-то пойдёт за тобой?

– Ты убийца!

– Уходи отсюда!

– Ты не нужен здесь!

Архип поджимает губы и сощуривает глаза. Взгляд его пробегает по всем по очереди: он ищет сторонников. Останавливается на мне.

– Ты, – говорит Архип. Мне хочется оглянуться – может, он все-таки обратился к кому-то другому? – Я знаю, ты хочешь пойти со мной.

Пошатнувшись, я чуть не сваливаюсь в кусты.

Все смотрят на меня. Как я себя поведу?

Мне нужно принять решение. Что делать? Остаться со всеми? Но мне чертовски надоело каждый день играть в городки и гонять мяч, торчать в этом дворе. Я безумно хочу попасть в шахту! Да, мне понравился Архип, и я считаю, что Гусь виноват сам: не нужно было лезть на трубу.

Ладони вспотели от волнения, стало очень жарко. Я выпрямляюсь во весь рост и под злобными взглядами смело отвечаю:

– Да, я пойду с тобой.

В кустах поднимается настоящий переполох, все ругаются и спорят. В конце концов из кустов выходит Архип, за ним иду я, а следом – еще трое, те, кто тоже не считает Архипа виноватым в смерти Гуся и очень хочет попасть в шахты.

А еще мы видим, что из рюкзака Архипа выглядывает яркая крышка полной упаковки «Принглс»...

Мы смутно осознаем, что совершили революцию и раскололи наше государство на две части.

Мы выбрали себе короля. И теперь уходим захватывать новые земли.

Глава 3

Архип говорит, что мы как новички должны начать с самой простенькой и доступной шахты – на востоке Чертоги. Мы выходим рано утром, идем через весь поселок, поскольку Старичья Челюсть находится на северо-западе.

Мне не по себе из-за вчерашнего раздора с ребятами, я не люблю ссоры, хочу, чтобы все дружили и чтобы всегда был мир. Войны не по мне. А появление Архипа раскололо нашу дружную команду. Что будет дальше, пока непонятно. Сможем ли мы все снова объединиться? Или будем воевать?

Печальное настроение не только у меня, все впятером идем грустные. Все, кроме Архипа, который оживленно болтает всю дорогу, рассказывая со знанием дела, как нужно вести себя в шахтах, что делать, если ты потерялся, и как найти выход на поверхность.

Оставляем за спиной наши бараки, дальше по холмам приходим в центральный район Чертоги – Коробки. Прямоугольные серо-коричневые пятиэтажки и правда похожи на картонные коробки. Стены домов кажутся такими тонкими, будто они сделаны из бумаги, кажется, будто чуть дунешь – и они сразу развалятся. Дома стоят четкими рядами, дороги прямые и совсем нет грязи. Во дворах – кладбища детских площадок: повсюду торчат ржавые обломки горок и качелей.

Из Коробок мы выходим на огромный холм, за которым находится восточный район Чертоги – Лоскутки. Узкие двухэтажные дома наставлены так тесно друг к другу, что в переулках между ними едва может втиснуться пара человек. Это место отличается от остальных. Фасады домов разукрашены яркими красками: один дом выкрашен в сине-белую клетку, второй покрыт мелкими красно-желтыми волнами. Только здесь можно увидеть дома, на стенах которых плавают рыбы с радужными хвостами, растут бордовые цветы, летают экзотические птицы, нарисованы полосы, звезды, разные причудливые узоры всевозможных цветов. Из-за такой раскраски расположенных близко друг к другу домов район напоминает лоскутное одеяло.

Дальше, за окраиной Чертоги, тянутся покатые холмы. Мы держимся кучкой, чтобы не потеряться в молочном, густом тумане.

Через время пологие холмы сменяются более крутыми участками, растительность становится реже, вместо зеленого ковра под ногами – каменистая осыпь, которая сильно затрудняет ходьбу. Время от времени попадаются полуразрушенные постройки непонятного назначения – мы находимся на территории заброшенных шахт.

Идем вдоль отвесной скалы по узкой тропинке и наконец вдалеке видим черное отверстие – вход в шахту. Поднимаемся к ней, останавливаемся у входа, который укреплен деревянными балками.

– Эта шахта очень старая, – говорит Архип. – Тут уже лет пятьдесят как закончились выработки... Внутри все обвалилось, пройдем недалеко...

Включаем налобные фонарики и ступаем в темноту. Штольня завалена каменными глыбами и бревнами. Идти сложно, и мы держимся за стены, чтобы не упасть. Пахнет сыростью, плесенью и грибами. Под ногами что-то хлопает. Руки даже через садовые перчатки чувствуют остроту камней.

Туннель разделяется на два рукава. Архип уверенно ведет нас в правый. Дальше – еще одно разветвление. И еще одно.

– Куда мы идем? – спрашиваю я, шлепая сапогами по лужам.

– Скоро узнаешь. Я веду вас в одно очень интересное место.

Кажется, мы топаем целую вечность. Штольня идет под уклон – с каждым шагом мы спускаемся все ниже. Воды под ногами становится все больше. Трудно представить, что над головой сейчас – тонны камней, и если будет обвал – нас сплющит в лепешку.

Мы осторожно обходим углубление, наполненное ярко-желтой жижей. Двигаться трудно – из-за обрушений сводов и завалов проходы сузились, и часто приходится ползти.

Наконец мы оказываемся в каком-то довольно просторном помещении. Обвалов тут не было – крепление из балок целое.

– Подойдите сюда, – зовет нас Архип к одной из стен.

Мы подходим. И ахаем от удивления!

Вся стена покрыта надписями и рисунками.

Рисунки очень красивые – будто их делали настоящие художники. Холмы, рудники, дома, люди, леса, реки, цветы...

Надписи же грустные и смешные, простые и философские. Высказывания про жизнь, молодость, смерть, борьбу, любовь.

Веселимся же, пока мы молоды!

Следуй за своей звездой...

Цветы для Ады.

Не верь девчонке!

Мы с восторгом осматриваем стену.

Одна из надписей содержит дату. Указание на год. Тысяча восемьсот семидесятый!

– Смотрите сюда!

Мы смотрим туда, куда указывает Архип. Цепь. Старая, ржавая. И обломки кандалов.

– Эта шахта была одной из первых. Здесь работали самые опасные преступники. Их приковывали цепями к тачкам, чтобы они не сбежали. Лоскутки – самый старый район Чертоги. Все первые поселенцы-каторжане жили там. Вот откуда у жителей Лоскутков такая любовь к разрисовыванию домов... Их предки очень любили рисовать. Рисунки – это единственное, что у них было. Они жили в шахтах почти постоянно, эта камера служила чем-то вроде спальни. Их не выводили из-под земли целые месяцы. Эти рисунки помогали им вспоминать мир на поверхности.

Молчим. Пытаемся представить, каково это – месяцами не видеть солнечного света. Жить, скованными цепями, внутри горы, в сырости, холоде и почти полной темноте...

Мы смотрим друг на друга. Шахта немного нас оживляет. После смерти Гуся все как будто замкнулось в себе. Для всех будто остановилось время. Мы существовали, как зомби, не думая, не чувствуя, ничего не соображая.

Здесь, в шахте, мы снова оживаем.

После этого путешествия нам снова хочется быть такими, как раньше. Мы хотим построить где-нибудь для себя убежище, играть, смеяться и дурачиться. За дворами Старичьей Челюсти мы сооружаем шалаш из найденных листов железа, досок и оконных рам. Строительство длится несколько дней. Архип становится нашим командиром и отдает приказы. Таская с помойки и с заброшенных огородов материалы, мы с воодушевлением строим планы: что мы принесем в шалаш? Во что будем играть?

Мы с гордостью смотрим на построенный шалаш, довольные своей работой. Архип придумывает разные занятия. Притаскивает сюда леденцы и клевую настольную игру.

Нам очень нравится Архип – с ним никогда не приходится скучать, он обязательно что-то придумает. Иногда с ним сложно, он бывает очень вспыльчивым, например, когда с ним споришь, поэтому я стараюсь соглашаться со всем, что он говорит. Ведь Архип старше, а значит, умнее, и чего с ним спорить? Архип всегда прав. Это просто надо принять.

Мы хотим покрасить наш шалаш в разные цвета. И придумать ему название. И установить над ним флаг.

Приносим сюда баночки с красками и кусок ткани для будущего флага.

Но все наши планы летят к чертям: на следующий день на месте нашего шалаша мы обнаруживаем гору обломков и надпись, сделанную одной из наших красок на доске, прибитой над входом в шалаш.

Убийца.

Мы смотрим на то, что осталось от шалаша.

Сломано буквально все. Банки с краской разбиты, ткань для флага порвана на клочки.

– Мы сможем построить новый... – Я пытаюсь взбодрить друзей. – Вот тут же, рядом!

– Они не отстанут, – хмуро говорит Архип. – Они везде нас найдут. И будут мстить.

– Что же нам делать? Все время шататься по шахтам?

– Нет. Мы найдем себе место. Там, куда они точно не сунутся.

– И что же это за место?

Архип хитро улыбается.

И вот мы уходим на юго-восток, пробираемся сквозь забор из колючей проволоки, на столбах которого через каждые десять метров висит табличка: «Стой! Опасная зона!»

Впятером стоим на берегу огромного карьера-отстойника, вдыхаем горьковатые пары цианида, любуемся трупами ворон и уток на иссохших берегах. Смотрим на огромную ржавую посудину у берега отстойника. Это баржа. Место, которое на многие месяцы и даже годы станет нашим вторым домом.

Место, где нас не найдут. Место, которое принадлежит только нам. Прекрасное, волшебное, удивительное место.

Но сейчас мы смотрим на него с ужасом.

Зеленая густая жидкость заполняет весь гигантский карьер. Повсюду виднеются пустые ржавые бочки – их тут сотни! Они плавают в озере отходов, валяются на берегах и просто навалены на земле целыми кучами – издали они кажутся большими ржавыми горами.

– Но, Архип... Этот карьер – ядовитый. Сюда стекают химические отходы с комбината, по-моему, цианид – это яд, он очень опасен! – пытаюсь я вразумить Архипа, но он так злобно смотрит на меня, что я жалею о сказанном.

– Глупости! – Архип берет с земли палку, тыкает ею в обмазанный зеленой жижей труп вороны. – Отходы попадают в карьер вместе с водой – значит, яда тут очень мало. К тому же я где-то слышал, что в воздухе цианид не опасен, только в воде. И что организмы человека и животного как-то умеют этот яд подавлять. Он вредный только для растений, рыб и птиц.

Я беру вторую палку, и мы с Архипом вместе принимаемся толкать дохлую ворону в вязкую буро-зеленую гадость.

– Но... Мы же будем находиться здесь долго – это вредно... – пытаюсь я возразить, но Архип так страшно зыркает на меня, что я затыкаюсь.

– Все решено. Это не обсуждается. Теперь мы будем собираться здесь, на этой барже, – жестко заключает Архип. – Нам тут будет хорошо.

Мы тяжело вздыхаем. Удивительно, что больше никто не спорит – все верят Архипу. Всегда все происходит так, как он сказал.

Вот так это место и становится нашим вторым домом. В следующие дни внутри баржи раздается стук молотков – в трюме мы сколачиваем стол с лавками. Вешаем на стены плакаты. Мы приносим сюда много сахара и леденцов: сладкое помогает организму подавить вред от гадости, которой мы тут дышим.

Так образуется наша команда.

Димка-картежник по кличке Туз. На маленьком плоском стальном прямоугольнике он выцарапал гвоздем пикового туза, заточил края и теперь хвастается перед всеми своей самодельной картой, показывает, как он ею ловко разрезает жуков на тонкие полосочки. Его отец работает мусорщиком. Каждый день мы видим его сгорбленную худую фигуру у помоек, где

он сгребает мусор в одну вонючую массу. Туз живет в коммуналке, где, помимо него с отцом, живут еще пять семей. Все, о чем он мечтает, – это иметь большую ванную и собственный туалет.

Игнат мечтает о путешествиях, поэтому в компании его наградили кличкой Крузенштерн или сокращенно – Круз. Отец Игната обитает в канализации. Судя по тому, что в Чертоге с трубами столько проблем, отец его – единственный сантехник в городе. Мать Игната работает на приемном бункере при комбинате. Игнат мечтает увидеть весь мир, но за пределами Чертоги он был один-единственный раз: когда ему было лет семь, родители возили Игната в другой город в цирк. Все свои скудные знания о разных странах он приобретает из приключенческих фильмов, которые очень любит смотреть. Больше всего ему хочется посетить Коста-Рику. Игнат говорит, что там теплое голубое море, белый песок и пальмы. Даю на отсечение левое ухо и правую пятку, что он даже не знает, где это. Просто небось услышал про Коста-Рику в очередном фильме...

Отец Лехи Костылева уже совсем старый и всегда кашляет – работа на рудниках сильно подкосила его здоровье. Мать работает на комбинате у печи. Работа тяжелая, температура до семидесяти градусов доходит! Костыль хочет накопить денег и получить высшее образование, чтобы его взяли на хорошую работу и родители могли наконец отдохнуть.

Чуть позже в компании появляется Илья Галахад. У него вся футболка в мелких дырочках, мы называем ее кольчугой, потому и прозвище ему дали в честь рыцаря Круглого стола. Ботинки у него тоже дырявые – все пальцы видать.

Вслед за Галахадом в команду вступает Егор, которому мы даем кличку Муха, на шее вместо крестика он носит засохшую жирную муху – говорит, она приносит ему удачу.

По сравнению с остальными членами нашей команды Архип сильно выделяется. Его отец и мать работают на Южных шахтах, но на поверхности занимают руководящие должности. Его семья считается одной из самых благополучных в Чертоге. Непонятно, почему он связался с нами – со своими чистыми волосами, рубашкой в клетку и заносчивыми манерами он мог бы подружиться даже с детьми из Голубых Холмов...

А он набрал себе друзей с чертожских помоек. Что ж, каждому свое. Но я не думаю, что сам бы так смог.

Архипа мы любим. Благодаря ему у нас теперь неиссякаемый запас чипсов и леденцов.

Мы полюбили баржу всей душой. Мы играем там в карты, поем песни, читаем комиксы, обсуждаем наши путешествия до еще не изведанных шахт Чертоги, а после очередной вылазки рисуем по памяти карту местности, где мы побывали.

Теперь это место кажется нам очень уютным. Безопасным. В отличие от родных дворов, где нас теперь поджидает опасность...

Однажды вечером я возвращаюсь домой с баржи. Прохожу через Королевский двор. Из кустов вылезает вся наша старая компания. Мне становится страшно, я пячусь. Я помню шалаш – мальчишки все еще мстят нам за Гуся...

– Не бойся, бить не будем! – кричит мне Горыныч, который теснее всех дружил с Гусем.

– Не будете? – удивленно спрашиваю я.

– Не будем. – Пацаны подходят ближе. – Ты же не убийца. Но... – Небольшая заминка. Они обступают меня со всех сторон. – Ты снюхался с убийцей. И поэтому тебя надо проучить.

Я втягиваю голову в плечи. Молю боженьку о том, чтобы сейчас за секунду я оброс костяным панцирем.

– Как тебе быть в одной компании с убийцей? Ты как помоечный щенок, который пойдет с кем угодно за еду. И будет преданно лизать руку!

Я хочу сказать Горынычу, что он не прав, – но не успеваю. Недалеко раздается голос – такой родной голос! Хочется кричать от восторга!

– А ну отошли от него!

Метрах в пятнадцати с натянутой рогаткой в руках стоит Архип, целясь прямо в Горыныча.

– А ну опусти! – кричит тот в ответ.

– Я насмерть бью голубя с тридцати метров! Что будет с твоим глазом, Горыныч, если я попаду в него с пятнадцати? Думаю, тебе придется сменить кличку. На Пирата, ха-ха!

Горыныч хмуро смотрит на нацеленную рогатку.

Архип оттягивает резинку еще больше.

– Выбирай, левый или правый?

Молчание.

– Твоя взяла! – наконец сдается Горыныч. – Мы уходим! Оберегай малька – у нас тут очень беспокойный район.

Пацаны разворачиваются и отходят от меня. Выдыхаю и дышу часто-часто – пока они были рядом, я, кажется, совсем не дышал.

Подходит Архип.

– Пойдем, провожу тебя, – говорит он и тянет меня за рукав куртки.

– А чего он сказал про малька, Архип? Я не понял.

– Неважно. На вот, съешь леденец. – Он протягивает мне карамельку. Я разворачиваю ее и отправляю в рот. – Теперь мне следует сопровождать тебя домой. А еще лучше, – он машет рогаткой, – научить тебя стрелять.

– О! Круто! Когда начнем? – Посасывая мятный леденец, я прыгаю вокруг Архипа от нетерпения, точно как щенок.

– Завтра. Вообще-то я пришел к тебе, хотел предложить на завтра вылазку в шахту – чтобы мы были только вдвоем. Это секретная шахта. Но, кажется, планы поменялись. Пойдем учиться стрелять.

Всю ночь я ворочаюсь – не могу дождаться, когда мы с Архипом пойдем стрелять из рогатки! Она у него необычная, все это знают – он из своей рогатки даже бутылки с большого расстояния бьет! У мальчишек в наших дворах тоже есть рогатки, но не такие – бьют недалеко и слабо. Рогатка Архипа мощная! Намного мощнее игрушечных ружей.

* * *

– Куда мы идем, Архип? – Я еле поспеваю за ним. – Не так быстро! У меня ноги короткие!

– Мы идем к границе. Будем тренировать твою меткость.

– К границе с Холмами?

– Да, мы идем к Холмам.

От удивления я замолкаю. Я не был в Холмах больше двух лет! С тех пор как прекратился наш с дедушкой бизнес. Там, наверное, многое изменилось...

Мы идем по лесу и видим вдалеке за сетчатым бетонный забор: граница. Раньше его не было. За забором – река. Та самая, которую мы с дедушкой переходили вброд.

Я хочу уже выйти из леса и подойти к забору, но Архип останавливает меня.

– Смотри! – Он показывает на верх забора.

Я прищуриваюсь и вижу камеры.

– Они снимают все, что вокруг. Чтобы к ним не лезли. Камер нет только дальше на западе – где плотина.

Я киваю. Помню эту плотину.

– Но сейчас нам камеры и нужны.

Архип достает из кармана несколько белых шариков.

– Краска, – объясняет он. – Вчера весь вечер их делал. Твоя задача – попасть шариком в камеру. Если бы мы разбили ее камнем – охранники бы пришли сюда и поменяли. А если она будет заляпана краской – они подумают, что это птица и что дождь все смоет.

Сначала я тренируюсь, стреляя камешками в дерево в лесу. Архип подсказывает – показывает, как правильно держать рогатку и оттягивать резинку, как целиться.

Когда мне удастся бить точно в цель, Архип протягивает шарик с краской:

– Пора.

Я попадаю в камеру с четвертой попытки.

– Есть! – радостно кричит Архип и выходит из кустов к забору, отодвигает сетку снизу. – Ну, что, лезем?

Я неуверенно смотрю на забор.

– Ох! А стоит?

– Неужели тебе неинтересно, как идет строительство? Ты же говорил, что два года не был в Холмах. Там многое изменилось!

Мы пролезаем через сетку и оказываемся у бетонного ограждения. Друг подсаживает меня, помогая залезть на верх забора, затем забирается сам. Мы вместе прыгаем вниз с обратной стороны. Это странное чувство – будто ты прыгнул в другой мир.

– Чувствуешь? Тут совсем по-другому пахнет, и как будто земля другая, мягче. – Архип ковыряет землю мыском ботинка.

Мы раздеваемся, переходим через речку, держа вещи высоко над головой.

Из леса выходим на дорогу, которая соединяет поселок с заводом. Я с грустью вспоминаю нашу с дедом работу: плотина, площадь, песни и баян...

Поселок сильно разросся. Появились парки для отдыха, много пешеходных дорожек, детские и спортивные площадки, фонтан. Все такое чистое, ровное, гладкое. Все сияет и переливается.

Мы идем по тропинкам из красивых плиток, мимо клумб и ажурных фонарей. Каждый дом, что видим, напоминает жилище гномов из сказки о Белоснежке. По стенам вьется плющ, у дверей стоят горшочки с цветами. Дома огорожены низкими каменными заборчиками.

Только утро воскресенья, а поселок уже совсем проснулся. Открываются окна – люди здороваются друг с другом и желают соседям доброго утра. На разных языках, но в основном на русском и английском. Также узнаю французские и немецкие приветствия – в свое время благодаря иностранным песням я познакомился с чужими языками.

Кто-то копошится в огороде, кто-то в саду пьет кофе и читает газету. Кто-то совершает пробежки. У одного бегуна все в одном цвете: синие наушники, синие кроссовки, синяя футболка, в руках – бутылка с водой, конечно же, с синей этикеткой.

Навстречу бегуну не спеша идет мамочка с коляской. Тоже вся модная: розовая коляска, розовая куртка.

Мы доходим до центральной части поселка – парка отдыха. На лавочках сидят люди в яркой одежде. Вокруг фонтана на велосипедах катаются дети. На газоне неподалеку от фонтана на клетчатых покрывалах отдыхают сладкие парочки, что-то едят и пьют. Вокруг качелей с маленькой собачкой наперегонки бегают нарядная девочка. Мальчик в синей матроске ковыряет лопаткой в песочнице.

Я вдруг задумываюсь, каково бы это было, если бы мы с дедушкой жили здесь, а не в Чертоге? Выращивали бы цветы в горшках. Устраивали бы пикники. У нас было бы клетчатое покрывало и корзинка, которую мы бы наполняли всякими вкусностями. Мы бы завели собаку. И гуляли бы с ней в парке. Дедушка подарил бы мне скоростной велосипед. Может, моя мама не бросила бы меня и осталась здесь... И у меня был бы папа. У нас была бы большая семья.

Какая-то неприятная мысль зарождается в голове и сплетает себе там уютное гнездышко. Я напрягаю мозг, пытаюсь поймать эту мысль, но она забралась очень глубоко.

Все, что мы видим вокруг, – этих людей, совсем не похожих на нас, этот парк, эти дома... И все, что мы видим в Чертоге... От этого контраста как-то тревожно и неуютно.

Я вижу, как люди вокруг смотрят на нас. Мы чужие им, а они чужие нам.

В голове как будто произошел взрыв, который размазал мысли по черепной коробке. И чтобы понять, что именно на меня так повлияло, нужно разложить мыслишки по четким кучкам. Но у меня не получается... Лучше не думать об этом и съесть леденец – благодаря Архипу у меня их полный карман! Я грызу яблочную карамельку. Полегчало. Больше не хочется думать о тревожном.

Я гляжу на Архипа. Он хмуро смотрит на людей.

– Пойдем, – тяну я его за рукав. – Мы обошли весь поселок, тут больше нечего делать. Пойдем домой. Наши ждут.

Мы забираемся на пограничный забор, садимся на него, лицом к поселку нефтяников. У меня внутри становится как-то пусто...

– Что теперь? – спрашиваю я, елозя пятками по забору.

Архип задумывается, достает шарик с белой краской, прокалывает его найденным в кармане шурупом. Выводит краской на верхушке забора наши имена:

Кирилл Бобров и Архип Бойко.

Мне нравится, что он написал мое имя первым.

Он встает на забор в полный рост.

– Прощальный подарок, – объясняет он мне. – Оставим еще один!

Я слышу звук расстегивающейся «молнии» ширинки.

– Присоединяйся – будем потом всем хвастаться, что насали на землю богатых иностранцев. Все обзавидуются!

Я с радостью присоединяюсь к Архипу и встаю рядом – идея мне очень нравится!

Я смотрю вокруг: в обе стороны до бесконечности тянется забор. Журчим, поливаем нефтяные земли. Лыблюсь во весь рот – да, это то, что нужно!

Я начинаю осознавать то, смутная мысль о чем у меня появилась там, у фонтана, в Голубых Холмах. Я смотрел на ярких людей. На дорожки. На красный велосипед щекастого мальчика. На голубое платье девочки. На желтую лопатку малыша в песочнице.

И первый раз в жизни почувствовал, что я – не один из всех.

Я никогда ничем не выделялся среди других. Я не бегал быстрее всех, не лазил по деревьям шустрее всех. Мои плоты никогда не выигрывали в соревнованиях. У меня никогда не было вещей, которые меня бы как-то выделяли среди остальных.

Я не пою, не танцую, не учусь лучше всех.

Я не толстый и не худой. Не высокий и не низкий. Глаза и волосы – не темные и не светлые.

Я всегда держался в серединке, был как все.

И тут. Вдруг. Я понял.

Я – не самый обыкновенный ребенок.

Я не просто Кирилл Бобров и не просто десятилетний мальчишка.

Я – мальчишка из самого бедного района Чертоги. И еще я понял, что это где-то очень далеко, далеко ото всех. Так далеко и глубоко, откуда мне не выбраться.

Я вспоминаю недовольный взгляд Архипа, когда он смотрел на всех этих чистеньких людей. Думал ли он о том же самом? Не знаю. Но сейчас мы здесь, на высоте, на границе между двумя поселками. Мы улыбаемся. Нам хорошо. Мы радостно поливаем Голубые Холмы и на короткое время чувствуем себя властелинами мира.

Глава 4

Мое десятое лето проходит зачупато.

Архип делает для меня классную рогатку, она бьет даже лучше, чем его. Теперь он за меня спокоен, с такой рогаткой мне никто не страшен во дворе. И теперь он больше не сопровождает меня до дома – это печально, мне нравилось, когда Архип меня провожал.

Мы объявляем войну Горынычу и его компании: нам надоело, что они чувствуют себя королями Старичьей Челюсти. Они запрещают нам гулять по территории района, но мы все равно там ходим, ведь сейчас нас на барже уже много, и мы наконец можем дать отпор врагам.

Поэтому в июле у нас первая официальная жарня с компанией Горыныча.

Вооружившись камнями, игрушечными пистолетами на пульках, палками и рогатками, мы отправляемся в бой.

Противники укрываются за баррикадами, наспех построенными из деревянных паллетов, обломков старой мебели и автомобильных шин.

Июль, стоит ужасающая жара, горят торфяные болота и плавятся мусорные кучи. От смеси едких запахов, горящего торфа, пота и мусора до слез щиплет глаза.

Горыныч и его компания прячутся за своими заграждениями и целятся в нас из рогаток.

Мне немного страшно. Архип хлопает меня по плечу:

– Не бойся, братишка. Просто держись у меня за спиной и не высовывайся. На, вот, съешь конфетку.

Я грызу лимонную карамельку – это немного успокаивает.

Братишка... От этого слова приятное тепло растекается по всему телу.

Камень, ударяющий мне в бок, выводит меня из размышлений, и я сосредотачиваюсь на битве.

В руках у меня рогатка, карманы набиты круглыми камушками.

В нас летят камни. Архип обстреливает баррикаду противников из своей мощной рогатки, и вскоре враги понимают, что у нас явное преимущество.

Мы медленно продвигаемся вперед. Кто-то стреляет из пистолета с той стороны, и пулька попадает мне прямо в нос; я чувствую, как по губам течет кровь.

Мы кидаем за баррикаду камни и куски кирпичей и слышим вскрики.

Мы пробиваем оборону и расстреливаем врага.

Грязные, в крови, вытираем сопли и смотрим, как противники, хромая, убираются прочь. Это войны за территорию.

Нам предстоит еще очень много подобных сражений...

* * *

После нашего с Архипом похода в поселок нефтяников я начинаю замечать, что с ним происходят какие-то странные изменения, слишком уж много внимания он стал уделять Голубым Холмам и его жителям. Он часто отпрашивается туда один, меня не зовет, что он там делает с утра до вечера – непонятно. Мы спрашиваем, но он отмалчивается. Только потом, когда вернется, нет-нет да и скажет что-нибудь гадкое про Холмы.

Однажды, когда мы на барже играем в карты, Архип говорит:

– Я тут побывал за забором... Видел девчонку одну. Ух и противная у нее рожа! Как вот у этой карточной дамы. Идет, нос задрала, фу-ты, ну-ты. И на меня так посмотрела, как будто клопа увидела. Жаль, с ней родители были, а то ободрал бы ей косы...

В следующий раз он вспоминает Холмы во время похода в шахту, когда мы делаем привал. Архип достает из рюкзака перекус и вспоминает:

– Пацан такой щекастый там был... Пузо во как отвисло! – Он проводит ребром ладони по коленям. – Жирный, аж противно! Он один небось сжирает раз в десять больше еды, чем у нас с тобой сейчас на двоих!

Когда мы у него дома склеиваем самолетик из картона, Архип бурчит:

– А эти иножопы своим детям покупают самолеты с радиоуправлением. Я недавно видел, как один в парке таким играет. И зачем им такие дорогие и сложные игрушки? Все равно тупые и все ломают. Представляешь, он свой самолет в фонтан загнал, тупица.

Я молчу. Я никогда не слышал ни от кого из наших это слово – иножоп. Оно смешное и мне нравится. Но наверняка Архип не сам его придумал, а подхватил у кого-то из взрослых – может, у своего отца, – как перенял и нелюбовь к жителям Холмов.

А однажды поздним летним вечером Архип приходит ко мне и зовет меня пойти с ним в Холмы.

– Зачем? – удивляюсь я. – Зачем ты все время туда ходишь? Там же скучно.

И еще я замечаю, что каждый раз, когда он ходит в Холмы или вспоминает о них, у него портится настроение. Он потом долго хмурится и злится. Зачем делать то, из-за чего расстраиваешься?

Мне не хочется выходить из дома, ведь уже поздно и я только помылся.

– Увидишь, – загадочно говорит Архип.

Я заглядываю в комнату бабушки. Оттуда раздается храп.

Тяжело вздыхаю. Делать нечего, с Архипом нельзя спорить. Я не понимаю, почему мы идем так поздно, но раз Архип позвал, значит, так надо.

На этот раз мы идем через плотину, делаем небольшой крюк, зато не лезем в воду. Уровень воды в реке упал, и на плотине почти совсем сухо, мы даже ноги не замачиваем.

На улицах поселка нефтяников совсем нет людей, все сидят в своих теплых уютных домиках. Фонари освещают пустые дорожки. Архип ведет меня по улицам, высматривает что-то во дворах.

– Что мы ищем? – спрашиваю я, делая странные движения, от которых моя тень на асфальте принимает причудливые очертания.

– Вот он! – Архип останавливается у одного из домов, к стене которого приставлен красный велосипед.

Я его узнаю – на этом самом велосипеде в парке катался щекастый мальчик, когда мы с Архипом здесь были в прошлый раз.

Архип оглядывается по сторонам, быстро хватается за руль и, катая велосипед, убегает с ним прочь. Я мчусь за ним, ничего не понимая.

Мы выходим из поселка в лес. Архип останавливается, бросает велосипед на землю, достает из рюкзака бутылку с какой-то желтоватой жидкостью и спички. Он поливает велосипед из бутылки. В нос бьет запах керосина. Архип бросает зажженную спичку на велосипед, и я с восторгом наблюдаю, как разгорается огонь, как чернеет и вспучивается краска, как плавится и течет резина на колесах.

– Зачем? – шепотом спрашиваю я.

– Он не заслуживает такого велика, – злобно шипит Архип. – Эта жирная ленивая свинья. Он не заслуживает. Никто из этих детей не заслуживает того, что у них есть, это место слишком хорошо для них. Они думают, что они лучше нас, но это не так. Мы им это докажем.

Я не до конца понимаю Архипа, но у меня в голове в своем гнезде снова зашевелилась та мысль, которая обосновалась там в предыдущий наш с Архипом поход в Голубые Холмы.

И, кажется, она снесла там яйцо, из которого вылупляются новые мысли.

Те, кто здесь живет, обладает каким-то преимуществом. Оно позволяет им свободно перемещаться туда, куда они захотят, иметь все, что захотят. Но как они его получили? За что? За хорошие оценки в школе? За то, что каждый день убираются дома и моют посуду после того,

как поедят? Выносят мусор? За что? Почему все вокруг – солнце, вода, воздух, весь мир – для кого-то другого, не для нас?

* * *

Следующие два года проходят довольно спокойно и обычно.

Наша баржевая команда растет, Архип принимает новичков. Нас становится много, и я даже в шутку говорю, что Архип набирает себе армию. Откуда я могу знать, что это окажется правдой...

Немного меняются интересы, я помню день, когда кто-то первый раз притащил на баржу мужской журнал. Через время к нему прибавился еще один и пара банок пива, еще через время – пачка сигарет.

Мне не нравятся такие журналы, девушки в них кажутся мне слишком толстыми и большими. Мне скучно их листать. Сигареты для меня слишком едкие – я от них кашляю. Пиво на вкус кажется мне горьким...

Я думаю, что большинству мальчишек на барже тоже не нравятся эти новшества, но они терпеливо листают журналы с сигаретой в зубах, изредка прикладываясь к банке пива. Они подражают взрослым ребятам, думают, так выглядят солиднее. Но я смотрю на них, на всех этих прыщавых цыплят, которые еще недавно шнурки сами не умели завязывать, и мне становится и смешно, и грустно.

Двенадцатая осень приносит мне огромный сюрприз.

Начинается учеба, я перехожу в пятый класс.

Школа. Вдыхаю прекрасные, такие родные ароматы: запах мела, краски, потных кроссовок и гнилых рам.

В этом году в нашей школе принимают какую-то социальную программу и отбирают десять счастливиц. Самых умных детей, из разных классов, переводят в школу в Голубые Холмы. Последний месяц все только об этом и галдят, кто-то от души рад за избранных, задумался, что это шанс, и теперь сам больше времени уделяет учебе; кто-то, как Архип, считает их предателями и начинает неприкрыто их травить, он заставляет и нас – всю свою компанию – делать им гадости. Мы называем их по-разному: предатели, перебежчики, продажники – за то, что продались за бесплатные завтраки. Теперь мы подлавливаем их по дороге к Голубым Холмам, встречаем у ворот на границе после школы, делаем все, чтобы наказать перебежчиков за их предательство. Мы всегда их преследуем, кричим им вслед обидные вещи, кидаем в них камни. Здесь, до границы, они беззащитны, но как только они пересекают пограничную черту – им уже ничего не угрожает. У них есть пропуск, а у нас его нет. Мы стоим и смотрим, как там, за чертой, их подбирает желтый автобус и вместе с другими детьми везет в их новую школу. В лучший мир, прочь от грязи и жестокости. А мы уходим, чтобы прийти к границе снова, когда кончатся занятия. Поджидаем жертву.

Мне не нравится то, что мы делаем, но я не могу сказать об этом Архипу. Я не разделяю его злости, радуюсь за счастливиц и вовсе не считаю их предателями, но, желая угодить Архипу, стараюсь кидать камни сильнее всех и кричу громче всех, когда мы преследуем перебежчиков.

Они идут группкой, понунив голову, прикрываясь руками. Молча. Они теперь всегда здесь молчат. Ходят, как призраки и тени: ни живые ни мертвые.

Когда мы идем за ними, я всегда думаю о том, что сейчас происходит у них в головах? Ненавидят ли они нас? Считают ли себя виноватыми?

Холмы меняются. Там уже все достроили, народу теперь там – целый улей.

В Холмах построили маленький стадион, небольшой спортивный комплекс, торговый центр. У них теперь даже есть роллер-парк.

– Хей! – кричит Архип вслед перебежчикам во время нашего очередного преследования. – Игорек! Я знаю, что твой батя взрывник на шахтах. Уважаемый человек здесь. Как ему в глаза соседям теперь смотреть? Небось теперь стыдится своего сына, который готов за бесплатные завтраки американские дороги лизать. И французские ботинки. И немецкие задницы. Ха-ха!

Архип очень доволен собственным остроумием. Он повторяет слова про бесплатные завтраки и лизание и добавляет что-то про шведские унитазы, итальянские канавы и английские горшки.

Я смотрю, как Игорек – низкорослый худой парнишка с копной рыжих кудрявых волос – быстро-быстро перебирает ногами-спичками и закрывает голову портфелем. Очень умный мальчик, Игорек младше меня на год, ему сейчас одиннадцать. Он учился в одном классе со мной... Мы не дружили, Архип зорко следил за тем, чтобы члены его команды водили дружбу только между собой. Но он мне нравился. Я всегда был в полном восторге от того, какие классные фокусы с самодельными петардами он устраивает за школьным двором.

– Ты чего прохлаждаешься? – Архип грубо пихает меня локтем. – Ты еще ни одного камня не кинул! На вот, держи, – протягивает он мне большой камень с острыми краями.

Мне не хочется его кидать, но я все равно это делаю и попадаю Игорьку прямо по портфелю.

Очень довольный моим броском, Архип побуждает меня кинуть еще камень.

И еще.

Вечером я делаю домашнее задание. Решаю задачу по математике.

Из тарелки Катя взяла половину слив. Второй раз Катя взяла еще половину. После этого осталось двенадцать слив. Сколько всего слив лежало в тарелке? И сколько слив взяла Катя?

Хм. Я определенно учусь в классе для дебилов. Дристать Катя будет дальше, чем видит, вот мой ответ. Она же тридцать шесть слив слопала.

Мне не нравится учеба, все, что мы проходим, кажется слишком легким, и лень тратить свое время на расписывание задач, которые в уме можно решить за секунду.

Я откладываю ручку и задумываюсь. Думаю о том, что сегодня произошло. И о задачке по математике. Учеба дается мне легко. А что, если... Вдруг я попаду на следующий год в десятку счастливчиков? И меня переведут в школу в Холмах? Ведь было бы круто?

Они берут тех, у кого отличные оценки по математике, русскому языку и кто хорошо знает английский.

Я подхожу по этим критериям. У меня есть шанс.

Взрослые в Чертоге любят мечтать: мой сын станет адвокатом... Моя дочь станет врачом... Мои дети вытащат нас из бедности, и нам не придется больше работать... Это все пустые слова. Наша школа не дает хорошего образования, и многие не видят смысла стараться по учебе. Зачем? Все равно все после школы попадут на шахты... Мало кто переходит в девятый класс, большинство бросают школу после восьмого. Ведь надо помогать родителям. Но теперь... Теперь у нас действительно появился шанс.

Поймет ли меня Архип? Думаю, да. Все эти преследования – они кажутся мне ребячеством. Пора взрослеть и просто принять, что если кто-то стремится к лучшему, то он этого достигнет. Кто топчется на месте – тот и дальше будет стоять на месте.

Я не такой. Я не хочу топтаться на месте.

После математики я беру учебник английского и делаю несколько дополнительных упражнений, которых нам не задавали.

Архип поймет. Я уже представляю, как все будет. Он встречает меня у ворот после школы, мы идем вместе домой, я рассказываю о том, как интересно прошел мой день в новой школе. Архип протягивает мне мятный леденец, а я угощаю его какой-нибудь вкусняшкой, купленной в Холмах.

А потом... Я смогу подтянуть его по учебе, и он попадет в третий десяток счастливичков. Мы начнем хорошо учиться, и потом нас возьмут на хорошую работу. Мы купим два стоящих рядом одинаковых домика в Холмах и станем соседями. По утрам будем вместе ходить на работу.

Архип поймет. Он – мой друг. Он порадует за меня.

И, как всегда, мы будем вместе.

Архип Бойко и Кирилл Бобров.

Архип и Кирилл.

Кирилл и Архип.

Это никогда не изменится.

* * *

Архип прививает нам какие-то странные идеи. Мы пока что не сталкивались с таким и не знаем, какое название этому дать.

На барже ужесточились правила: теперь каждый новичок должен проходить посвящение. Наша команда постепенно превращается в банду, и мне это не нравится. Архип берет в команду самых злющих и мальчишек из бедных семей и промывает им мозги, убеждает, что во всех их бедах виноваты те, кто живет по ту сторону забора. Посвящение обычно для всех одинаковое. Новичок должен перелезть забор и сделать в Холмах какую-нибудь гадость – сломать качели, взорвать почтовый ящик, наложить кучу в цветочный горшок.

Новичка должен сопровождать кто-то из старожилов для того, чтобы убедиться, что задание выполнено.

Однажды майским вечером Архип тайком приходит ко мне, зовет меня на плотину.

Мы подходим с ним к забору у плотины и прячемся в кустах.

– Чего мы ждем? – интересуюсь я.

– Тс-с... Тихо! Скоро узнаешь.

Через некоторое время я слышу топот: в темноте мелькают человеческие силуэты. Они друг за другом подходят к забору. Слышу тихие разговоры: судя по голосам, это взрослые ребята. В руках у них что-то типа дубинок. Один за другим они перелезают через забор и уходят в глубь Холмов.

– Зачем они идут в Холмы? Кто они? Что они собираются делать?

Архип загадочно улыбается:

– Они крутые. Когда-нибудь мы станем такими же, как они.

* * *

Наступает мое тринадцатое лето. Мы с Архипом открываем сезон походов в шахты в этом году.

Я полюбил рудники всей душой. Житель Чертоги не может без шахт – это у нас в крови.

Сползаю вниз по рудоспуску. Это – мой первый спуск на глубину более трехсот метров. Южные шахты – самые протяженные и глубокие.

Рудоспуск представляет собой наклонную полость, выдолбленную в скале под землей, укрепленную деревянными балками, по которой вниз, на транспортный горизонт, перемещается добытая руда под собственным весом.

Втягиваю носом душный воздух. Чем ниже мы спускаемся, тем тяжелее дышать. Пахнет плесенью и паленым деревом. Налобный фонарик освещает низкий свод. Страшновато – этот рудоспуск больше похож на кротовую нору. А вдруг мы застрянем? А вдруг случится обвал?

Каменные стены покрыты паутинкой плесневых грибов. Белые тонкие нити мицелия переплетаются, образуя причудливые узоры.

Впереди, чуть ниже, спускается Архип. Здесь очень тесно, мы двигаемся на корточках, задом наперед. Мои ноги все время соскальзывают, из-за чего на Архипа сыплются камни и пыль. Он ругается.

Наконец мы оказываемся в самом низу – в штреке. Это длинный тоннель, стены и свод которого скреплены балками. В темноту уходят рельсы. Этот штрек очень старый, здесь часто случались обвалы, половина балок обрушена, на путях огромные каменные глыбы.

Под ногами пока сухо, но мы знаем, что дальше будет все затоплено. Мы направляемся в долину подземных водопадов.

Мы садимся на рельсы, делаем привал. Архип достает из рюкзака карту, которую мы сами рисовали. Хотя не совсем – нам помогал один из соседей Архипа, работавший когда-то на этой шахте.

Почему-то мне становится очень жарко, и я расстегиваю куртку.

Я уже потерял счет, сколько раз спускался в шахты. Походов было очень много за все то время, что мы с Архипом дружим.

Я достаю из рюкзака сухари и воду. Хрустим сухариками и изучаем карту – она сложная даже для Архипа. Он хмуро смотрит на нее, вертя так и эдак. Что-то мне подсказывает, что мы сбились с пути.

– Мы заблудились? – со страхом спрашиваю я.

Мы спустились так глубоко... Шли так долго... Нас тут никто не найдет.

– Не бери в голову, сейчас я нас выведу. Не трусь, и на, вот, съешь леденец.

Я грызу леденец со вкусом барбариса. Как всегда, это успокаивает. Архип нас выведет, он взрослый и мудрый. Архип всегда найдет выход.

– Все, я разобрался! – восклицает друг. – Перепутал два спуска... Все в порядке, нам нужно спуститься на еще один уровень.

Архип берет сухарик, разжевывает его и запивает водой, потом с тоской смотрит на наши припасы и говорит тихо-тихо:

– Наверное, всем этим детям из Холмов наши увлечения показались бы дикими...

Опять он за свое. Снова портит себе настроение навязчивой темой!

– Почему ты так думаешь?

– Пещеры, грязь, сырость... Вода и сухари. Мы для них как крысята с помойки.

– Но, Архип... Твоя семья живет гораздо лучше других семей в Чертоге. Ты живешь лучше любого человека в Старичьей Челюсти.

Он кивает:

– Знаю, но... Но это ничто по сравнению с тем, как живут эти дети. У меня никогда не будет таких качелей, как во дворах их домов. И такого велосипеда. Они с родителями по выходным идут в парки. Расстилают на газоне гребаное покрывало – оно стоит дороже, чем кровать, на которой я сплю. Достают из корзинки еду. Свежий хлеб, мясо, овощи, вино... Будто в чертовом рекламном ролике про идеальную жизнь. Будто сейчас из кустов вылезет какой-нибудь дядька с безумной улыбкой и начнет впаривать нам витамины. Или стиральный порошок. Но это не долбанный рекламный ролик. Это их жизнь. И сейчас я не понимаю, почему так. Что с нами не так? Мы сделали что-то плохое? Нет. Мы такие же, как они. Просто... Как будто мир создан и предназначен для них. Все для них. А мы – отбросы. Ты видел их магазины? И тележки, полные еды? Ты живешь так? Ты хотя бы раз в жизни пробовал ту еду, которая в их тележках? Мы едим консервы и фарш из субпродуктов. Покупаем продукты, у которых закончился срок годности. Мы редко едим фрукты и овощи... Но все время добавляем в еду чеснок – ведь в нем много витаминов. Ты знаешь, я все чаще ловлю себя на мысли, что

ненавижу их всех. Людей, которые живут, как в рекламных роликах. Меня это пугает, но я ничего не могу с собой поделать. И я ненавижу чеснок!..

Архип отправляет в рот последний сухарик. А я молча обдумываю все, что он сказал. Он раньше так не откровенничал. И я не знаю, как к этому относиться. Некоторые его мысли похожи на мои. Мы думаем одинаково. Но это – плохие мысли. Так нельзя.

– Пошли, – говорит Архип, прерывая мои размышления. Он встает на ноги. – Идти еще долго.

Но мы так и не находим долину водопадов. При очередном спуске у меня соскальзывает нога, и я кубарем качусь вниз, слышу хруст костей: во мне что-то сломалось. Ударяюсь головой о камень и вырубаясь.

Прихожу в себя и шурю от яркого света. Я лежу на поверхности. Архип вытащил меня из-под земли. Как – не представляю. Мы уже спустились почти в самый низ. Архип тащил меня вверх через все уровни, по скользкому рудоспуску и шатким лестницам.

Я пытаюсь поднять голову.

– Не шевелись. – Архип удерживает меня, не дает приподняться. Но я все равно поднимаю голову и вижу свою ногу, которая лежит как-то странно, как будто отдельно от меня.

Я размыкаю губы, из меня готов вырваться крик, но Архип сует мне в рот леденец.

– Не ори. Грызи конфету и успокойся. Я побегу за помощью.

Я опускаю голову на землю, смотрю на облака. Грызу леденец со вкусом смородины. Стараюсь дышать медленно и не думать о плохом.

Архип прибегает назад быстро: он нашел помощь на действующих шахтах и вернулся ко мне вместе с работниками, которые захватили с собой что-то наподобие носилок.

Меня уносят от шахт и доставляют в больницу.

Архип навещает меня каждый день. Приносит оладушки, хвастается, что сам их испек.

Также меня навещает дедушка. Он приносит суп с фрикадельками и ругается, что я выел ему плешь на голове, прогрызаю черепашку и уже добираюсь до мозга.

К первому сентября я полностью выздоравливаю и уже разгуливаю без гипса.

Новый учебный год несет крупные перемены. В первую же учебную неделю меня вызывают к директору. Меня и еще девять других учеников нашей школы вызывают, чтобы сказать нам, что мы прошли отбор по программе.

Нас переводят в школу в Голубых Холмах.

Глава 5

Меня вызывают к директору после последнего урока. С тоской плетусь в учительскую, вытираю о штаны липкие от пота ладони и думаю, где же я накосячил.

Открываю тяжелую скрипучую дверь и в полной растерянности топчусь на пороге.

– Проходи, проходи, – говорит директор, который склонился над столом вместе с завучем. – Садись.

Я послушно усаживаюсь на стул перед ними. Пальцами нервно стучу по сиденью: у них на столе – наш классный журнал за прошлый год.

Где же я накосячил? Что успел натворить? Вроде плохих оценок нахватать не успел, за предыдущий год так и вовсе выбился из середнячков в успевающие. Может, повариха наступала, что мы с Архипом в столовой устроили войну и пулялись картофельным пюре? Или уборщица сдала нас, разозлившись, что мы презерватив с водой в туалете лопнули?

– Мы видим твои успехи, Кирилл. – Директор задумчиво листает страницы журнала. – Ты показываешь блестящие результаты!

Вот это поворот! К чему он клонит?

– Помнится, в прошлом году мы хотели отправить тебя на областные олимпиады по английскому и по математике. Уверен, ты бы занял первые места. Просто золотая голова... Жалко, что ты не смог побороться за нашу школу.

Я смущенно смотрю в пол, разглядываю дырочки в линолеуме. Я сказал тогда, что дедушка болеет, но на самом деле... Просто не хватило бы денег на дорогу. Просить же у учителей не захотелось.

– Перейдем к делу. – Директор откладывает журнал и внимательно смотрит на меня своими маленькими глазками, блестящими за толстенькими стеклами очков. – Ты знаешь о социальной программе, которую мы ввели в прошлом году. Об отборе лучших учеников и переводе их в спецшколу при нефтяной корпорации. Мы отобрали десять учеников. Они хорошо проявили себя, и программу решили продлить еще на год.

Я впираюсь руками в сиденье стула. Мне кажется, что он шевелится и брыкается подо мной, еще чуть-чуть – и он сбросит меня на пол. Чувствую, что из-под волос по лбу течет пот. Он щекочет кожу, попадает в глаза.

О чем говорит директор? К чему клонит? Ну же, не тяни! Неужели?..

– Да, Кирилл. – Глаза за стеклышками так и сверлят меня. – Мы решили включить тебя во вторую десятку избранных. Поставь здесь свою подпись... – Директор протягивает мне какие-то бумаги. Я машинально рисую подпись. – И еще нужна подпись твоего дедушки. Ждем его в пятницу. Ему мы скажем, какие документы нужны для перевода.

Я выдыхаю – и удивляюсь: оказывается, я не дышал почти минуту!

* * *

Я бегу домой спотыкаясь – мне и страшно, и волнительно. Сердце в груди – точно малюсенькая пташка, которая отчаянно бьет крылышками и хочет вырваться на свободу. Вот это да! Да я же лечу!

Я бегу, а все вокруг кажется мне прекрасным. Лужи под ногами, серые тучи над головой, холмы с выпцветшей травой, хмурые дома и дворы, кособокие сараи, выпирающая из них рухлядь, грядки с трупиками морковок, вылинявшее белье, болтающееся на веревках, натянутых между бараками... Все вдруг заиграло яркими красками.

Попасть в десятку счастливых... Да об этом же мечтают все дети Чертоги!

Дома, едва раздевшись, на кухне я рассказываю дедушке потрясающую новость и жадно пью воду из банки: когда волнуясь, я все время много пью. Я выдул целый литр!

– Куда ты? – кричит дедушка с площадки, когда я мчусь вниз по лестнице – прыгаю через две провалившиеся ступеньки.

– К Архипу! – кричу я в ответ.

– Надень хотя бы второй ботинок, я уже не говорю про штаны! – слышу я сверху.

Я останавливаюсь на ступеньке. Задумчиво гляжу на черный ботинок на правой ноге и на красный носок на левой. А потом на синие трусы. Да, дедушка прав, так идти нельзя. И когда я успел раздеться? Не помню.

Я быстро возвращаюсь, надеваю штаны и второй ботинок, хватаю куртку и лечу к Архипу поделиться своей радостью. Дома его нет – но я знаю, где он. Мчусь к карьеру, на баржу. Я так быстро перемахиваю через забор, что рву штаны на заднице о колючую проволоку. Но мне все равно! Меня просто распирает от желания поделиться новостями!

Ботинки застревают в вязкой зеленой массе. Ноздри липнут друг к другу – воздух здесь какой-то густой и тягучий. В горле першит.

Вон она, наша ржавая железная любимица!

Поднимаюсь по пружинящей доске, которая нам служит мостком. На палубе останавливаюсь – слышу какие-то странные звуки, похожие на кряхтение.

Иду к корме, и... Вижу такое, от чего мои ноги будто гвоздями прибивают к палубе. В горле моментом пересохло – как будто я не пил воду двое суток. Волоски на ногах и руках встают дыбом – как шерсть на загривке у испуганного кота.

Архип вешает человека. Держит в руках конец веревки, перекинутой через трубу над палубой, а в петле на другом конце болтается мальчишка – наш новенький. Он появился в нашей команде недавно, я даже не знаю его прозвища.

Новенький и издает это жуткое кряхтение. Его лицо исказила жуткая гримаса, глаза от ужаса стали размером с блюдца. Он держится за веревку, отчаянно пытаясь подтянуться, и дергает ногами.

А Архип... улыбается. Господи, я помню эту улыбку, так он улыбался тогда, на мусорной куче под судными трубами, в день, когда Гусь упал на осколки бутылок.

Вся команда в сборе, все окружили Архипа и несчастного мальчишку. Ничего не делают, ждут чего-то...

– Что ты творишь? – кричу я и подбегаю к Архипу, толкаю его изо всех сил.

Он падает, выпуская веревку, и мальчишка мешком плюхается на палубу.

Архип лежа злобно смотрит на меня.

– Он – предатель! – шипит он.

– Что он сделал такого? Ты же его убить мог!

Я помогаю бедному мальчонке снять петлю и подняться на ноги. Он потирает шею трясушимися ручками, его слабые ножки дрожат.

– Он – предатель! – Архип встает и тычет пальцем в беднягу. – Он наврал нам! Он на крови клялся, что за нас. Что будет выполнять все правила нашей команды. А сам... предал!

Ох уж эти правила... Архип расписал их на целый том и торжественно расклеил по всей барже. Треть их больше похожа на нацистские лозунги – это разные пафосные фразы о свободе и справедливости. Правила говорят, что мы должны ненавидеть тех, кто живет по ту сторону пограничной черты и забора. Они – виновники всех бед Чертоги. Они забрали себе то, что предназначалось нам.

Я никогда не относился к этому серьезно. Я думал, что это просто очередная игра, не более. Но все оказалось совсем не так...

– Он скрыл, что его берут! Что его отобрали в очередную десятку перебежчиков! Вот, погляди, что я сегодня из учительской спер – это список! Перечень этих чертей! И его фамилия там! И подпись! – Архип достает из кармана смятый листок и кидает его мне.

Я пытаюсь развернуть листок, но онемевшие пальцы не слушаются.

Только бы моей фамилии там не было. Только бы ее не было...

Уф! Ее нет. Это неполный список – не хватает троих, меня в том числе, – Архип украл его перед тем, как я поставил свою подпись. Но почему второй части списка тут нет?

– Я убью их. Найду и всех убью. – Глаза Архипа горят. Красное лицо перекошено от злости. Я никогда раньше не видел его в таком состоянии – будто сам черт в него вселился! – Они не доживут до того дня, когда перейдут в ту школу!

– Архип, давай отпустим его сейчас, потом решим, что с ним делать, – тихо говорю я и осторожно кладу руку на плечо друга. – Пойдем домой. Ты заболел, тебе нужно в кровать – сложные вопросы оставим на потом.

– Ты прав, я что-то плохо себя чувствую – знобит всего. – Он действительно весь дрожит – а лицо теперь не красное, а бледное. – И голова кружится.

Я смотрю на новенького, киваю ему, мысленно приказывая бежать. Мальчишка понимает меня, и через секунду его уже и след простыл.

Мы отводим Архипа домой.

Поздним вечером у себя дома я хожу по коридору, пружиня на шатких половицах, и с тоской думаю, что же мне теперь делать.

Мне не хватает воздуха, в квартире слишком душно. Выхожу на балкон, смотрю на тусклый свет окон в доме напротив и глажу нашу корову.

Теперь я уже думаю, что друг вряд ли за меня порадует. Он станет радоваться, когда я буду болтаться в петле над палубой.

Черт. Это плохие мысли, неправильные. Он же мой лучший друг! Архип не повесит меня! Лучшие друзья не вешают друг друга на палубах заброшенных барж. Не вешают, что бы ни случилось!

Ой ли?.. Я в этом уже не уверен.

Как же мне ему сказать?

– Что мне делать, моя роднуля? – Я смотрю в печальные проволочные глаза коровы, но не жду ответа.

И вдруг становится как-то слишком тихо.

Я больше не слышу трепыхание крылышек.

Маленькая птичка в моей груди больше не бьется. Она умерла.

Глава 6

Я так и не смог сказать ему. У меня было столько возможностей...

Я мог бы сказать ему в школе, когда он слонялся возле учительской, ожидая, когда все выйдут, чтобы пошарить там в поисках недостающей части списка. Он ходил кругами и повторял одно и то же. Говорил, что найдет их, отловит по одному. Первого повесит. Второго утопит. Третьего сожжет. Четвертого. Пятого. Шестого...

Я мог бы что-то сказать, вставить несколько слов между его заключениями об участии четвертого и пятого или шестого и седьмого.

Я мог бы заметить: «Хей, Архип, а я ведь тоже есть в списке. Я восьмой».

Я ему не верю. Не хочу верить.

Это не мой Архип – мой Архип хороший, понимающий, добрый ко мне друг. Он дарит мне конфеты, всегда вытаскивает из неприятностей. Он просто с виду кажется злым и жестоким, но в душе Архип добряк. Он не может так со мной поступить, ведь я его лучший друг. Ведь это же мы – Архип и Кирилл. Но почему же тогда я до сих пор ему не сказал?

Я мог бы сказать ему на барже за игрой в карты, или когда мы шли домой из школы, или вечером, когда смотрели фильм у меня дома, или когда сидели на кухне и ели вкусняшки и луковый суп. На улице. На уроках. В понедельник. Во вторник. В среду. В любой из дней следующих двух недель, в течение которых нам, отобранным ученикам, предстояло подготовиться к переходу в новую школу – пройти медосмотр, собрать многочисленные справки и бумаги.

И сегодня вечером, в четверг, когда Архип прибегает ко мне, и мы вместе топчемся на балконе, я тоже могу сказать ему, но не говорю.

Архип сообщает потрясающую новость: он подслушал разговор в учительской и узнал, что завтра вся десятка вместе с родителями припрется в школу подписывать документы о переводе.

– Наконец-то завтра мы сможем увидеть всех этих вонючих перебежчиков – а потом зададим им жару! – Архип довольно потирает руки. – Они не отделаются легко!

Ну же... Скажи ему! Это – последний шанс. Признайся, может, тогда он тебя не повесит. Но колени дрожат от страха. Я не могу ему сказать.

– Да! Зададим им! – Я размахиваю кулаками, бью по корове, показывая, как гневаюсь на чертовых перебежчиков. Корова недовольно поскрипывает.

– Завтра пойдем вместе к школе? Я узнал, они в шесть вечера собираются.

– Да! Пойдем вместе!

Зачем я соглашаюсь? Что я творю? Я же иду вместе с дедушкой, нам должны выдать пропуск и приглашение... Что я делаю? Как мне выкручиваться?

Архип уходит, а я еще долго стою на балконе. Во что я вляпался? Что же будет завтра?

Вокруг меня все горит. Мы все горим. Горит наша дружба. Сгорают все мои тринадцать лет. И я никак не могу потушить этот пожар.

* * *

Весь следующий день проходит медленно. Я специально делаю все долго, чтобы растянуть время и отдалить шесть вечера.

На часах пять сорок пять. Дедушка уже ушел, я ему сказал, что подойду позже, все равно возня с документами касается только взрослых и мы, дети, там не нужны.

– Ну что ты копаешься? Пошли быстрее!

Архип нетерпеливо переминается с ноги на ногу, а я неспешно копошусь в комод в поисках носков.

– Ищу не рваные... И одинаковые...

Архип отпихивает меня, копается сам.

– Вот, – протягивает он мне целую пару.

Я лезу под кровать, делаю вид, что что-то ищу. Как же я хочу остаться тут, под кроватью!

– Ну, что теперь?

– Ищу рубашку.

– Так вот же она!

Пальцы не слушаются, я две минуты застегиваю одну пуговицу.

– Что с тобой? Ты чего так нервничаешь? – ворчит Архип и сам застегивает на мне рубашку. – Пошли уже, хорош копать!

На улице я иду медленно, нарочно спотыкаюсь. Завязываю шнурки, которые и не думали развязываться.

– Мы опоздаем из-за тебя! Пошли быстрее! – Архип уже сильно злится на меня.

Ох, Архип. То-то еще будет...

Мы стоим перед закрытой дверью в учительскую. Архип подглядывает в щелку слегка приоткрытой двери.

– Ну? Видишь что-нибудь? – интересуюсь я.

– Ага! Вон родители Абрамова! И он туда же... Ну, погоди у меня. Ой! А там твой дедушка... Что он там делает? Его вызвали, да? Уборщица настучала про чертов презерватив? Вот овца... Эй, Кир, ты чего побелел так?

Оторвавшийся от щелки друг смотрит на меня с беспокойством.

Архип, ты же не дурак... Не заставляй меня это говорить. Додумай сам, прошу.

– Кир, ты чего...

Открывается дверь, появляется мой дедушка.

– Заходи, Кирка. Принимай официальное приглашение и пропуск.

Я иду сгорбившись, как на казнь.

– Ты чего такой потухший? Плясать должен от радости! – Дедушка слегка подталкивает меня в спину.

Теперь в учительской все мы – десять счастливчиков, десять изгоев.

Здесь хороший запах – видимо, так пахнет надежда на светлое будущее.

Дверь остается открытой. В проеме я вижу лицо Архипа, когда мне дают пропуск и поздравляют. Это лицо обиженного мальчика, у которого обманом отняли любимую игрушку, глаза ребенка, который все еще надеется, что все это окажется злой обидной шуткой. Через секунду Архип разворачивается и убегает прочь.

Эх... А я до последнего надеялся, что мой друг меня поздравит.

Какой же я наивный дурак.

* * *

Мы переходим в новую школу с понедельника. В выходные я не вижу с Архипом, не хожу на баржу. Боюсь попадаться ему на глаза.

Все семьи счастливчиков наверняка сейчас пекут торты. Дедушка тоже кудахчет на кухне, готовит что-то вкусное. У всех праздник, а у меня траур... Я боюсь представить, что будет в понедельник.

И вот этот день наступает. Мы, новые ученики, собираемся у главного входа в Голубые Холмы, где всегдашняя охрана пропускает только тех, у кого есть пропуск.

Наконец-то этот желтый прямоугольник появился и у меня. Пластиковая карта с моей фотографией и именем и фамилией.

Также здесь те, кто попал в программу в прошлом году, первая десятка. Они держатся поуверенней, смело протягивают охране пропуска. А мы, новички, как котята-потеряшки, мнемся в сторонке, сбившись в кучку, не знаем, что делать.

Мы следуем по очереди за теми, кто уже прошел, так же протягиваем пропуска охране.

Первый раз я официально перехожу границу Чертоги. Переступаю черту и оказываюсь на другой стороне.

Нас ждет школьный автобус. Я ни разу в жизни не бывал внутри школьного автобуса. Здесь все, как в фильмах. Здесь классно. Автобусы, которые ходят по Чертоге, больше похожи на потрепанные скотовозки, а школьный автобус похож на дом. Мягкие кресла, ковровая дорожка в проходе, даже есть туалет, водитель внимательно следит, чтобы каждый пассажир пристегнулся... Мне странно это все.

Здесь, у пропускного пункта – первая остановка. Входим только мы, дети из Чертоги. Автобус везет нас дальше по поселку.

Я рассматриваю яркие домики, чистые дорожки, аккуратные клумбы.

На следующей остановке в автобус заходит ватага мальчишек и девчонок. Мне страшно. Будут ли зашедшие на нас таращиться? Как они отнесутся к нам?

Я пытаюсь вжаться в кресло. Из-за спинки с любопытством разглядываю новых пассажиров. У одного мальчика – о, боже! – зеленые пряди. Если бы у нас кто так выкрасился, то его бы поколотили и обрили налысо – нечего выделяться. У девочки на голове что-то типа кошачьих ушек. У другого мальчика на ногах красные сандалии и белые носки – вот позор! Кто-то вертит в руках йо-йо – я видел такие штуки в каком-то журнале.

Все дети в одежде разных цветов, они шумные, веселые, быстро переговариваются на неизвестных мне языках.

Я сразу расслабляюсь, уверенный, что меня примут хорошо, ведь они все – разные.

Они отличаются от нас, мои сверстники – намного крупнее и выглядят старше. Они улыбаются нам, и я удивляюсь: в них нет привычной нам злобы и настороженности.

А вот и конечная остановка. С шумом толпа покидает автобус. Я считаю до десяти, глубоко вдыхаю и следую за остальными.

Я вижу мою новую школу: яркое оранжевое здание с большими зеркальными стеклами, перед ним – площадка, выложенная ровными плитками, по бокам – идеальные газоны. Повсюду развеваются флаги разных стран – я насчитал десять штук.

Все школьники галдят, радуются чему-то. Все говорят на разных языках, от этой разноголосицы у меня начинается гудеть голова.

Нас встречает наш куратор, слава богу, он говорит по-русски.

Первое, что меня поражает, когда вхожу в школу: тут не пахнет тухлой капустой и подгорелой кашей. Это странно.

Полдня занимает оформление, затем мы переходим к выбору классов. Это вводит меня в ступор – мы можем выбрать предметы и кружки, которые нам интересны!

Нам устраивают обзорную экскурсию, проводят по всем классам, по спортзалам, по кабинетам для кружков и внеклассных занятий.

Я слушаю куратора и гляжу по сторонам, на учеников и учителей.

То, как они выглядят, это так забавно... Треть из них одета чудно, на них очень странные наряды, как будто они сегодня будут участвовать в конкурсе «Самый нелепый костюм». Треть из них одета хорошо, на них модные молодежные вещи. А еще одна треть... На них одежда хуже, чем у бомжей из Чертоги. Она старая, в дырках и заплатках. При этом ясно, что ученики не бедные, им просто нравится так ходить.

Сразу видно, что в этой школе учитель – это не враг, а друг детям, учиться им интересно. И учителя делают все, чтобы заинтересовать своими предметами.

Здесь все так непривычно. Классы, которые ты выбираешь сам, непонятная система оценочных баллов, семестры вместо привычных нам четвертей, учителя в джинсах и мятых футболках... Все дети из разных стран. Здесь есть немецкие, французские, английские классы. Меня определяют в английский класс – еще бы, что я знаю на немецком, кроме песенки про пастушку?

Нам дают учебники и файл с листочками – расписание и содержание каждого урока на английском с переводом на русский. Уф, хотя бы так.

Я стараюсь вникнуть во все, сосредоточиться на том, что говорит мне куратор, запомнить все особенности обучения в новой школе. Но к концу дня понимаю, что у меня вместо головы – жопа. Я – головожоп, и, кажется, это не лечится.

Много интересных кружков, некоторые – плавание, футбол, баскетбол, фотография, рисование, рукоделие, журналистика, – наверное, являются традиционными, но только не для Чертожской школы.

Но есть и нестандартные кружки, меня удивило и обрадовало, чем в них занимаются: робототехника, аниме, игра на волынке, строительство картонных домиков.

Также есть театральные, научные кружки, кружок садоводов, для которого за школой устроена специальная оранжерея. Есть даже общество волонтеров и клуб помощи животным, куда мы заходим поглядеть, как там мастерят инвалидную коляску для собачки со сломанной задней лапкой.

Кружки – дело добровольное, но я вижу, что их посещают все ученики по собственному желанию.

Для спортивных секций выделен отдельный корпус за школой, нас отводят туда, и я с любопытством прохожусь по чистым раздевалкам, белоснежным душевым и залам с натертым до блеска полом, где размещается новехонький спортивный инвентарь. Все, что есть из инвентаря в спортзале нашей школы, это потертый гимнастический козел с отломанной ногой.

Весь день я хожу с круглыми от удивления глазами, мой мозг похож на кипящую кашу.

Затем нам, новичкам, нужно определиться, какие кружки мы хотим посещать. Я уже настолько вымотался, что ставлю галочки наобум. Однако один выбор сделал осознанно: кружок геологии. Здесь, среди всего чужого, должно быть хотя бы что-то, что напоминало бы мне о доме. А именно камни.

Всему приходит конец, кончается и этот день. И вот я с тоской стою у черты: нужно возвращаться.

Я не иду со всеми – медлю. Мне хочется побыть еще немного в этой доброй сказке. Я чувствую: здесь мое место.

Я перехожу через границу один и снова возвращаюсь в реальность. Тут совсем другой мир... По дороге домой я так увлекся мыслями обо всем случившемся, что забыл о безопасности. Забыл о том, что теперь я – перебежчик. А что делают такие, каким я был еще пару дней назад, с такими, кем я стал сейчас?

Чьи-то руки хватают меня за плечи и дергают назад. Я падаю. В меня вцепляются десятки рук и тащат куда-то с дороги... Тащат за сарай, по грядкам, вдоль деревянных заборов, за которыми заливаются лаем злобные собаки.

Меня бросают на что-то мягкое, и по сладковатому и гнилостному запаху я понимаю, что приземлился в компостную кучу.

Со всех сторон на меня нападают. Бьют ногами. Ничего не понимая и не видя никого вокруг, я сворачиваюсь клубком, пытаюсь защититься от ударов.

Через некоторое время удары прекращаются; я лежу на куче отбросов, а надо мной вышляется Архип, смотрит на меня серьезно и хмуро. Невдалеке я вижу всех остальных членов нашей команды, моей бывшей команды. Что ж, этого следовало ожидать – вот только со всеми событиями за чертой я совсем забыл, что здесь на меня может быть объявлена охота.

– Ха! Смотрите, пацаны, какую огромную крысу мы поймали! – кричит Архип.

– Архип... – говорю я с трудом, тяжело дыша. – Ты не понимаешь...

Как ему объяснить? Что сказать?

– Заткнись! Я не давал тебе слова!

– Ты не понимаешь, что значит для нас этот шанс. И никогда не поймешь.

– Чего не понимаю? – Он презрительно хмыкает и подходит ближе. – Ты врал мне, крыса!

Врал своему другу и своей команде! Притворялся здесь своим. Врал, что терпеть не можешь перебежчиков!.. *Да! Зададим им!* – Архип передразнивает меня, повторяет слова, которые я сказал на балконе. – Ну что, будешь врать, что ты такого не говорил?

– Говорил, – признаюсь я и как можно спокойнее продолжаю: – Но как по-другому, Архип? Ты всех подряд хочешь повесить. Я хотел признаться, но мне было страшно.

И мне действительно было очень страшно, особенно на палубе баржи, когда Архип чуть не вздернул мальчишку-перебежчика. Я подумал, что что-то подобное может произойти и со мной.

– У меня появился шанс! – прибавляю я. – Я не хотел его терять. И не хотел, чтобы меня вешали.

– Ха! – Архип победно улыбается. – Вот, значит, как? Теперь ты даже не скрываешь, что хотел бросить меня здесь, бросить здесь всех нас, а сам вырваться туда! К врагам!

Он пинает меня в живот. Я кашляю и харкаю кровью.

– Они не враги нам! Вернись в реальный мир! – говорю я с трудом, едва отдышавшись. – Ты живешь только своими идеями и правилами. Ты везде видишь только врагов. Ты не замечаешь, что творится вокруг.

У меня хриплый голос, воздух в легких свистит.

Архип опускается рядом на корточки.

– Заткнись! Заткнись! Ты нарушил правила. Обманул и предал нас всех! А я верил тебе! Верил, как никому другому! А ты – продажная крыса! Ты продал и бросил меня!..

Его голос срывается, губы дрожат, глаза блестят от слез обиды и ненависти.

Он отводит взгляд в сторону, складывает ладони лодочкой и подносит ко рту, потом кусает костяшки. Его пальцы дрожат... Он думает о чем-то.

– Я не бросил. Я бы спас тебя, нужно только время, – говорю я тише. – Я бы подтянул тебя по учебе, и мы бы вместе ездили в новую школу. Там есть клевые кружки. Там можно строить роботов, изучать планеты, ходить в бассейн. Там есть много крутых спортивных секций, а ты ведь любишь футбол и баскетбол. У них есть кружок геологии, они тоже ходят в шахты. Они не враги нам. Они дают шанс тем, кто действительно хочет стать лучше. А ты этого не видишь. Ты тянешь всех вниз. У тебя в голове настоящая каша: война, враги, лидерство... Ты просто не хочешь видеть реальность.

Я сплевываю тягучий сгусток. Шарю руками под собой, вожу пальцами по картофельным очисткам и капустным листьям. Засовываю руку в карман, сжимаю дорогую мне вещь...

Архип задумывается, прищуривает глаза. Я надеюсь, что он на секунду представляет, какая жизнь могла бы быть у него там, за чертой... Но нет.

– Говоришь, я не вижу реальности?.. Эй, Мертвяк! – кричит Архип, вставая и оборачиваясь к своей команде.

Из толпы выходит парнишка, я его узнаю: это тот самый мальчишка, которого Архип чуть не повесил на барже и которого я спас. Он должен был быть сегодня среди нас, десятерых, в новой школе, но... Его там не было! Вместо него был кто-то другой...

– Да-да! – Архип усмехается и с вызовом смотрит на меня. – Пока ты прятался от нас, произошло кое-что интересное. Мертвяк, Игнат и Леший лазали за черту – тырить металл на складе. Их сцапали. Началась заваруха и там, и здесь, нам-то ничего – хуже уже не будет, а вот Мертвяку... Естественно, ни до какой новой школы его теперь ближе чем на пять километров

не допустят. Если только эта школа не окажется пэ-тэ-у, ха-ха! Вот так. Выгнали его из вашей десятки. И он пришел обратно ко мне, в свое родное болото. Плакаться пришел. Прощения просил. И я пожалел. И простил. Так что по-прежнему будем тонуть вместе в нашем дерьме.

Мертвяк смотрит в сторону. Почему-то боится встречаться со мной взглядом. Как будто... Как будто сейчас будет что-то плохое.

– Говоришь, я не вижу реальность? – продолжает Архип. – Это ты ее не видишь, водяная ты крыса! Ты везде и во всем видишь свое дерьмовое добро. А его не существует! По крайней мере в Чертоге, этой дыре добра не было и не будет никогда!.. Мертвяк, – он кивает мальчишке, – это твое задание. Докажи, что ты исправился и что ты будешь предан своей команде. Накажи предателя.

Ох. Так вот зачем весь этот спектакль.

Чтобы Мертвяк лишился последних крупинок совести и чести, а я – веры в добрых людей. Ведь я же спас Мертвяка в тот раз – а сейчас вместо благодарности ему придется сделать своему спасителю что-то мерзкое.

Он подходит ко мне неуверенно. И смотрит в глаза со страхом.

– Давай, парень, – тихо говорю я. – Делай свое дело. Я все равно не в обиде на тебя.

Наверное, я никогда раньше не переживал таких страшных минут.

Но все то время, пока Мертвяк вытряхивает мне на голову содержимое моего рюкзака, пока он заталкивает мое лицо в самую гущу отбросов, пока я не вижу ничего вокруг и мне нечем дышать, пока он запихивает мне в рот гнилье компостной ямы и меня рвет от мерзкого вкуса отбросов... Все это время я сжимаю в кармане скрученную из проволоки лису. Я знаю, что Архип носит в кармане моего хорька, – этих двух животных я выиграл в городки в день нашего знакомства.

Тебе не сломать меня, Архип. Я верю в добро. Я не хороший – совсем нет. Я заслужил все это. Это я кидал камни в первую десятку перебежчиков. Я поддерживал тебя, Архип... Несмотря на то что ни в ком не видел врага и не хотел войны, я действовал так, как хочешь ты. Я кидал камни. Я заслужил...

Я не хороший, но я верю в добро. И пускай с самого первого дня нашего знакомства ты пытался казаться злым, я все равно верю в твое добро, Архип.

Я куда-то уплываю, и словно издали раздается голос, полный злобы и отчаяния:

– И не нужно меня спасать! Себя спасай! Потому что теперь мы будем ждать тебя! Всегда! Ждать здесь, до черты! Ты будешь в безопасности за чертой. У тебя будет там классная жизнь, куча друзей и разной крутой фигни. Но помни: мы всегда будем ждать здесь, до черты. И мой тебе совет: как только ты ее переступишь – беги.

Глава 7

Как я добрался до дома и что делал? Так же и то же, что и все следующие три года: хромая, корчась от боли, с трудом доползая до ванной и смывая с себя засохшую грязь и кровь. Что обо всем думает дедушка? Он работает в две смены, мы теперь редко проводим время вместе. Поступить в школу – это полбеды, главная проблема – найти деньги на постоянные взносы и сборы, на учебники и программы. Хотя мы и поступили как льготники, хоть нам оплачивается образование и еда, но прочие взносы целиком ложатся на плечи родителей, а деньги в Чертоге и Голубых Холмах имеют разную ценность. Чтобы оплатить элементарные нужды, дедушке приходится работать за двоих. Он по-прежнему ворчит и называет меня своим проклятьем, тяжелым крестом на шее, геморроем в заднице, мозговой опухолью, стафилококком и бычьим цепнем.

Однажды на кухне я заикнулся о том, что, может, мне лучше бросить учебу и пойти искать работу. От неожиданности дедушка выронил солонку из руки. Ноздри его расширились, лицо покраснело. Я смотрел, как солонка закатилась под стол, в спешке покинув поле боя, на котором вот-вот произойдет что-то страшное, и позавидовал ей: я не смогу так же прытко спрятаться в укрытие.

На мою голову громко посыпались названия всевозможных паразитарных болезней и плесневых грибов, – если бы за дедушкой кто-то записывал, получилась бы неплохая биологическая энциклопедия.

Накричавшись вдоволь, дедушка довольно плюхнулся на стул. И начал мечтать... О теплых краях и ласковом солнышке, о мягком песке и прозрачном море... О местах, куда я его увезу, когда выучусь, получу хорошую работу и буду много зарабатывать.

* * *

Следующие три года, парнишка, я живу двумя жизнями в двух мирах сразу.

И, честно признаюсь, мир за чертой мне нравится больше.

Голубые Холмы удивительное место, здесь сталкиваются представители нескольких народов со своими обычаями, взглядами, своей модой. Из-за этого здесь возникла такая свобода, никто не осуждает других, во взглядах и мнениях людей нет предрассудков, а в поведении – каких-то жестких общепринятых норм. Все отличаются друг от друга, каждый привносит в общественную жизнь что-то свое.

Местные жители не такие, как мы, ведут себя по-другому, у них другая походка, более плавная, они улыбаются чаще, одежда у них ярче, прически интересней. Мы все в Чертоге ходим одинаковые, а они всеми силами пытаются выделиться из толпы.

Нормой здесь считается многое из того, что у нас не принято. Неординарность в одежде, модные прически, еще – книги и одиночество. Жители Холмов очень много читают, сидят в парках на лавочках и читают, даже в одиночку. Если у нас так кто-то сядет на лавочку, то к нему тут же подбежит толпа гопников и начнет издеваться; в итоге они книгу порвут, или сожгут, или помочатся на нее, чтобы «читателю» неповадно было делать то, что не принято. Много времени в Холмах уделяется красоте улицы – подметают дорожки, протирают лавочки перед домом. Для них улица – это второй дом, и ты обязан создать там уют. В Чертоге я регулярно вижу, как прямо из окон домов жители выливают на улицу помои...

Хоть они и живут за забором, жители Холмов свободней нас – они вольны выбирать, что надеть, вести себя естественно. Я видел парня, который ехал на велосипеде, устал и прилег на лавочку, греясь под мягким сентябрьским солнышком. У нас бы сразу подумали: он что, больной? Если едешь на велосипеде, то и езжай себе дальше, если идешь – иди и не останавливайся.

Остановишься – и будут проблемы, к тебе обязательно кто-нибудь пристанет. Особенно если ты гуляешь один. У нас ты не должен гулять один, одиночество – это ненормально.

Вот почему мне так нравились шахты. В них, за пределами города, я чувствовал себя свободным: никто не смотрел косо и не осуждал.

Детям Холмов разрешается очень много, гораздо больше, чем нам. В школе они могут сидеть, закинув ноги на парту. Это – не вызов учителю, ученикам просто так удобно. Если кому-то из учителей это не нравится, он делает замечание, и ученик садится нормально, даже не думая перечить.

Им не свойственна обычная для чертожцев озлобленность. Они не видят вокруг врагов – для них все друзья. Охрана, учителя, работники администрации...

Здесь быть хулиганом – это совсем не круто, пить и курить – тоже не круто, получать плохие оценки – тоже. У жителей Холмов совсем другой взгляд на жизнь.

Конечно, здесь есть свои агрессоры. Мы столкнулись с ними практически в самом начале обучения. Ребята из сборной по футболу не любят нас. Проходя мимо них, я замечаю их презрительные ухмылки, а за спиной слышу обидные оскорбления. Но, как правило, дальше этого они не заходят: футболисты слишком загружены учебой, спортом, разными другими занятиями – на нас у них просто нет времени.

А вот в мире до черты... В Чертоге... Там все иначе. Времени у Архипа и его стаи хоть отбавляй. Они упорно могут ждать и гоняться за нами целые дни напролет, как будто это – смысл их существования.

* * *

ИЗГОЙ.

СОЦИАЛЬНЫЙ МУСОР.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БРАК.

ПОДЛЕЖИТ УТИЛИЗАЦИИ.

Теперь эти бирки накрепко пришиты к нашей одежде.

Их пришили нам Архип и его новый друг – Брык.

Архип недолго оставался без лучшего друга – это особенность его характера, он не может быть один. Стая не в счет. Ему нужен кто-то, кто будет отличаться от стаи. Я считался в команде добряком... Многие в стае подсмеивались надо мной, когда я бросал объедки бродячим кошкам, когда помог малышне достать застрявшего среди веток воздушного змея, когда пытался помешать Архипу повесить перебежчика, когда подарил бездомному дедушке старое одеяло.

Теперь Архип нашел нового друга. У него появился Брык.

Брык отличается от остальных в команде, но он не добряк. Психопат из класса коррекции с какой-то болезнью в голове, от которой у него глаза всегда мутные, из носа периодически идет кровь, а нейронные связи в мозгу похожи на закоротившую проводку.

Говорят, он даже в психушке лежал, но я не верю. Обычно те, кто попадает в местную психушку, оттуда не возвращается.

Дружить с Брыком опасно, он похож на заболевшего бешенством пса, который в любой момент может разорвать тебя в клочья. Но Архип нашел к нему подход и держит свою шавку на короткой цепи, натравливая его на ненавистных ему людей – на парней вроде нас.

Что остается делать парням вроде нас?

Как-то выживать и бежать, бежать со всех ног.

Я быстро освоился в своей новой жизни и уже к четырнадцати годам стал продвинутым в этой области – виртуозный беглец десятого уровня, которого теперь не так-то просто поймать.

Для начала я стал коротко стричься, чтобы архиповцы не могли, когда бьют, держать меня за волосы и чтобы всегда можно было выскользнуть. По этой же причине я ношу одежду без капюшона и карманов.

Затем я стал заниматься и научился быстро бегать. Я научился очень долго выдерживать высокий темп, хорошо натренировал дыхалку.

Также теперь я умею быстро стартовать. Но что бы я ни делал, как бы ни занимался, при столкновении с бандой Архипа пять секунд на побег с места – самое большее, что я могу себе позволить.

Я хорошенько изучил школьное расписание каждого из стаи, выучил их пути передвижения по городу.

Я нарисовал огромную карту Чертоги и повесил ее на стену. Карта вся исчерчена разноцветными линиями и усеяна множеством точек с аккуратными подписями под ними: это маршруты передвижений членов банды и время, в которое каждый из них может находиться в обозначенном точкой месте.

Они преследуют меня по всему городу и частенько поджидают у дома, но я научился их обыгрывать.

Так на другой стене моей комнаты появилась вторая карта города с множеством разноцветных линий, которые обозначают уже возможные пути отступления. Если за тобой бегут, нужно обмануть преследователей, завести их в тупик, а самому выбраться, – и для этого ты должен знать все закоулки родного города как свои пять пальцев.

Опасайся пустых открытых мест. Ты должен бежать туда, где много домов, строений, деревьев, чтобы скрыться среди них и убежать.

Архиповцы часто поджидают меня у дома, но и тут есть выход: я могу вылезти в окно с другой стороны и спокойно уйти от них.

И еще я обнаружил одну закономерность.

Архип и его подручные – охотники. А мы, ученики школы в Голубых Холмах – их жертвы. Они играют в охоту, им нравится нас ловить. А следующее за поимкой наказание – это просто обязательный ритуал. В этом заключается смысл игры. Если мы бегаем медленно, то они сразу же ловят нас; в этом случае игра заканчивается слишком быстро, и, чтобы ее продлить, они устраивают более долгое и мучительное наказание. Но если мы бегаем хорошо, то игра длится долго, и мы можем быть уверены, что наказание окажется быстрым и легким.

Но все это не распространяется на Кита Брыкова, которому просто нравится мучить людей и которому все равно, сколько длится игра.

Брык умеет причинять дикую, нестерпимую боль. И поверьте, нет ничего хуже физического страдания. Чтобы оно прекратилось, ты готов пойти на что угодно и сделать что угодно, что тебе прикажут.

Брык отрывается на мне по полной. Ни один человек не испытывал ко мне такую слепую бешеную ненависть.

Мне постоянно приходится убегать. Я все время живу в страхе и напряжении. Идя по улице, я безостановочно верчу головой из стороны в сторону, ожидая, что вот-вот из-за угла появятся мои мучители.

Я наловчился убегать, и они воют от осознания своего поражения, от того, что не могут меня поймать.

Но, когда стая меня ловят, она обходится со мной сурово.

Да, со стороны кажется, что я опустился ниже плинтуса. Но им так и не удалось сломить мою волю.

Я разработал определенные правила и теперь всегда им следую – это помогает мне выживать и легче переносить все те мерзости, с какими я сталкиваюсь. Эти правила и помогают мне не сломаться.

Правило 1. Забудь о своей гордости. Они отберут ее у тебя и затолкают тебе же в задницу.

Правило 2. Когда они тебя поймают, уходи в себя, в свои мысли. Тебе нужно мысленно отвлечься, отрешиться от того, что они будут делать с тобой.

Их фантазия не знает границ. Они будут подвешивать тебя к дереву, топить в луже, тыкать в тебя палками. Они будут по-всякому запугивать тебя, водить перед лицом ножом или зажигалкой. Прячься и закрывайся в своих мыслях, и тогда они не достанут тебя.

Правило 3. Носи с собой аптечку. Обезболивающие таблетки, пластыри и ватные тампоны понадобятся тебе каждый день.

Правило 4. Таскай в рюкзаке антибактериальный лосьон или мыло. Они будут тыкать тебя лицом в компостные кучи, топить в выгребных ямах – а это не очень-то гигиенично.

Правило 5. Надевай трусы посвободней. Это любимая забава охотников – натягивать жертве на голову ее собственные трусы. Будь уверен, они натянут. Они натянут любые. И скажу по собственному опыту: чем трусы больше и свободней, тем менее больно. И освободиться потом легче.

Правило 6. Носи с собой на всякий случай запасную одежду – та, что на тебе, может быть испорчена. Ее могут с тебя снять, поджечь или порвать, либо просто выкинуть куда-нибудь, а потом ты найдешь ее, смятую в комок, мокрую и неприятно пахнущую.

Правило 7. Вообще поменьше удивляйся.

Правило 8. Научись быстро бегать. Бегство – твое спасение. Так что тренируйся убегать.

Правило 9. Все эти правила немного облегчат тебе жизнь, но они не уберегут тебя от липкого страха, который сковывает по рукам и ногам.

Эти правила не уберегут тебя от ночных кошмаров, от которых ты будешь просыпаться каждую ночь. Эти кошмары будут преследовать тебя на протяжении всей жизни, даже спустя годы, когда все это давно кончится и все твои мысли будут занимать жена, ребенок, новая квартира и счета, которые нужно оплатить. Во сне ты будешь просыпаться от своего собственного крика, за одну ночь будто заново переживая то, что было похоронено десятки лет назад.

Ты перепробуешь за свою жизнь много разных блюд и напитков, но лучше всего запомнишь мерзостный вкус гнилья из компостной ямы, запиханного тебе в рот, и вкус грязной воды из лужи, которую тебя заставляли пить.

Тебя будут преследовать фантомные боли от тычков заостренных палок, от ударов тупыми мысками тяжелых ботинок.

В свой отпуск ты с семьей будешь летать в самые теплые страны мира, но, лежа под жарким солнцем, ты будешь ежиться и покрываться мурашками, вспоминая тот пронизывающий до костей холод, какой тебе довелось испытать, когда множество лет назад зимой в мороз тебя раздели догола и бросили в прорубь.

Так что суть правила номер 9 проста: прими все это как есть. И не устраивай сопливых истерик и не драматизируй.

Мать твою, ты же не какой-нибудь размазняющий тук! Ты не сопля и не смей растекаться грустной лужицей!

Парни вроде нас – закаленные ребята.

Правило 10. Юмор – твой лучший друг. Относись ко всему с юмором, и ты не сойдешь с ума.

Конечно, я понимаю, что, когда они гонятся за тобой, тебе совершенно не до смеха. Ты бежишь сломя голову, преследователи уже дышат тебе в затылок. Твое очко сжимается от ужаса, но, несмотря на это, ты чувствуешь тянущую боль в животе и думаешь, что вот-вот наложишь в штаны.

Но такова реальность: тебя спасут только юмор и быстрые ноги. Пять секунд на побег с места – на большее не рассчитывай.

* * *

Долгое время я был один – так и не нашел себе новых друзей. Такие, как я, не очень-то любят дружить. В одиночку выживать легче. А я не знал, что правильно, а что нет. Я просто не лез ни к кому со своей дружбой, а все обходили меня стороной.

Но я устал от самого себя, от того, что столько времени бегаю от врагов, выживаю в одиночестве.

А потом, спустя два года после начала учебы в новой школе, в Холмах я обрел новых друзей. Нет, не из местных – хотя они очень дружелюбные. Мы общаемся, пересекаемся на разных встречах и в кружках, но... Они никогда не смогут нас понять. Им не понять, почему от каждого шороха мы вскакиваем и готовы бежать, почему по утрам мы замазываем синяки тональным кремом, почему мы идем домой не через главные ворота в центре, а делаем подковы под забором на окраинах. Почему никогда не берем учебники и ценные учебные принадлежности с собой домой, а оставляем их в школе и делаем уроки в библиотеке. Если мы им это расскажем, наши соученики удивятся, почему мы не можем это прекратить. Почему не скажем взрослым. Не обратимся в полицию. Ведь виновников обязательно накажут. Эх, если бы все было так просто...

Я нашел друзей среди таких же, как я. Парней вроде меня.

Как ни странно, но со мной подружился Игорек – помнишь, я о нем рассказывал? Перебежчик из первой десятки, в которого мы с Архипом кидали камни. Когда он учился в нашей школе, мне нравилось смотреть, как на заднем дворе школы Игорек запускает в воздух самодельные ракеты.

Он знал, что я – бывший член стаи. И не испугался. Удивительно, но Игорек даже не злился на меня.

Низкорослый кудрявый мальчишка, который очень любит мастерить ракеты и петарды.

Игорек познакомил меня с Ваней – крепышом, который очень любит книжки и булочки.

Объединенные одной бедой, эти двое парней удивительно разные. Сильный и щуплый. Большой и маленький. Ваня всегда молчит, Игорек болтает без остановки. Игорьку интересно все, что можно поджечь и взорвать, в школе ему легко даются математика и физика. Ваня любит читать и писать и даже сам пишет рассказы, а вот с точными науками у него проблемы.

Такие разные, они поразительно дополняют друг друга. Если бы не наша беда – они бы никогда не познакомились. Наверное, я тоже никогда бы не стал членом их команды.

Теперь, парнишка, ты знаешь правила и знаешь, как выжить в нашем мире. Добро пожаловать в клуб! Поздравляю, отныне ты – такой же, как мы с Игорьком и Ваней.

Но что это? Слышишь шум? Черт, я узнаю эти звуки...

Топ-топ-топ... Топот ног.

И стук палки, которой ведут по железной сетке забора.

Ре-та-те-тет... Ре-та-те-тет...

Тс-с! Прячься, парнишка! Они идут за нами.

Часть II. Ханна

Глава 1

Наш автобус постоянно трясет на кочках. Я очень устала от этой поездки, мы летели двумя самолетами, а теперь уже несколько часов бултыхаемся в автобусе.

Я смотрю в окно: на протяжении всей дороги тянется лес. Это удивительно... Лес просто не кончается. Во Франкфурте мы жили на окраине, там очень много шумных заводов и совсем нет деревьев.

Где же мы будем жить, если тут везде лес? Будет ли там город? Парк аттракционов? А магазин игрушек?

Всю дорогу я думаю о доме, который мы покинули и которого у нас больше нет, и глаза щиплют слезы. Я вспоминаю разные места, куда родители часто меня водили.

На *Willy-Brandt Platz* мы часто ходили в кино.

На *Siesmayerstraße* посещали самый большой ботанический сад.

На мосту *Eiserner Steg* открывался потрясающий вид на огромные зеркальные небоскребы.

На набережной *Schaumainkai* по субботам работал самый большой во Франкфурте блошиный рынок. А еще у берега Майна много прожорливых уток, для которых мы всегда брали из дома хлеб.

Автобус тяжело поднимается на пригорок, доезжает до вершины, и...

И дом мигом забывается. Передо мной открывается море. Мы часто летали на море, мне очень нравилось смотреть на волны, идущие чередой к берегу и накатывающие на него. Вот и сейчас я вижу волны... Только зеленые. И это море навсегда застыло.

Я вижу две реки, между которыми и раскинулось это море: холмы, которым нет числа. Зеленые волны то уходят вниз к равнине, то поднимаются вверх, отступают назад и снова накатывают. По холмам мягко стелется густой туман...

– *Mist! Mist!*² – Все пассажиры смотрят в окно. – *Nebel!*³

Мы въезжаем в туман и как будто погружаемся в молоко, вокруг ничего не видно.

По мере движения автобуса туман постепенно рассеивается... За окном – какой-то поселок. Неужели доехали? Но радость быстро угасает. Из-за тумана все мутное, но то, что я вижу, мне не нравится. Это место очень жуткое... Через белую дымку проступают очертания ветхих домов, и они такие мрачные, как будто в них живут чудовища.

На обочине стоят какие-то столбы. Они расставлены в произвольном порядке. Но когда глаза привыкают, а может, туман еще редее, я поражаюсь: это не столбы, а люди! Они стоят в ряд вдоль дороги и не шевелятся. Их так много... И они грозно смотрят на нас.

– Мам... – Я тяну ее за рукав. Люди смотрят так недружелюбно, что по телу пробегает дрожь. – Мам, кто это? Что это за место? Мы будем жить здесь?!

Я вот-вот расплачусь. Я не хочу здесь жить! Эти дома и люди меня пугают.

Людей на обочине очень много... Они провожают глазами наш автобус. А вдруг они нападут?

– Нет, милая. Конечно же, мы не будем жить здесь. Эти люди нас не тронут.

Я слышу глухой удар. Из-за этого удара в автобусе поднимается переполох.

² Туман! Туман! (англ.) – Здесь и далее примечания автора.

³ Туман! (нем.)

– *Stone! Stone!*⁴ – кричит кто-то сзади.

Люди вскакивают с мест.

– *Stein! Schund!*⁵ – кричат пассажиры в панике.

Кто-то из детей в автобусе принимается громко плакать.

От страха я судорожно вцепляюсь в мамину руку. Что это был за стук? На нас нападают?

– Родители! – раздается требовательный голос водителя. – Срочно пересадите детей от окон к проходу! Задвиньте занавески на окнах!

Я вот-вот расплачусь, но, посмотрев на лица мамы и папы, понимаю, что сейчас не время распускать нюни. Нужно выполнять распоряжение водителя.

И вот все дети сидят вдоль прохода, окна задернуты.

Мама прижимает меня к себе. Я зарываюсь носом в ее свитер, который приятно пахнет духами. Не хочу знать, что происходит вокруг.

Ударов больше не слышно... Паника проходит, никто не плачет, автобус продолжает движение уже без помех.

Через некоторое время нам разрешается открыть окна, и я смотрю на улицу. Страшных людей больше нет. Я вижу арку из разноцветных камней и яркую надпись: «Добро пожаловать в Голубые Холмы! Когда автобус въезжает в арку, я замечаю рядом с ней огромную корову, всю светящуюся яркими огоньками. Это меня успокаивает. Корова напоминает мне дом. И Рождество...

Я вспоминаю рождественскую ярмарку на площади *Römerberg*, которую мы посещали каждый год. Вся площадь была заставлена ярмарочными домиками, украшенными гирляндами, яркие огоньки которых весело мерцали и переливались. Я каталась на аттракционах, а потом мы прогуливались мимо красочных палаток с угощениями, откуда доносился терпкий запах жареного миндаля, а продавцы в нарядных старинных одеждах с улыбками зазывали посетителей ярмарки. Мы ели мед с корицей, слушали мелодичный звон колокольчиков, разглядывали в витринах разноцветные пряничные домики, фигурки из шоколада, сувениры и подарки...

Мы въезжаем в поселок. Многие дома еще только строятся, везде стучат и сверлят, валяется много строительного мусора. Но те дома, которые построены, выглядят очень мило, кажется, что они улыбаются нам.

А вот и наш домик, красуется на самой окраине поселка, на первой линии почти у границы. Узнаю его легко, ведь столько часов я изучала фотографии. Запомнила каждую черточку, каждое дерево рядом. Розоватые стены, оконные рамы расписаны причудливыми узорами. У нас будет свой собственный сад, где можно сажать много цветов и ягодных кустов. Нам с мамой нравится выращивать цветы. Несмотря на то что во Франкфурте мы жили в квартире, а не в доме, мы превратили балкон в оранжерею. Я уже представляю, как мы будем тут выращивать цветы и строить альпийские горки. Я куплю семь садовых гномиков! Я размещу их вокруг большого розового куста. А еще мы устроим маленький пруд, в котором будут жить толстые лягушки.

Здесь, на окраине, автобус делает конечную остановку. Мы выходим из него, папа достает из багажного отделения огромные чемоданы.

– Ну вот, милая, это наш новый дом. – Мама обнимает меня сзади за плечи. – Тебе нравится?

Чистенький аккуратный дом похож на домик из сказки. Конечно, мне нравится!

⁴ Камень! Камень! (англ.)

⁵ Камень! Сброд! (нем.)

Но тут вой вдалеке отвлекает мое внимание. Как будто протяжно кричат монстры. Я смотрю в ту сторону, откуда доносится жуткий звук, но вижу только сетчатый забор, огораживающий наш поселок, и пустынные холмы, тонущие в туманной пелене.

Что за страшное место находится там, за забором? Место, где воют чудовища, где никогда не рассеивается *nebel* и где живут такие страшные *Schund*.

* * *

Я быстро привыкаю к новому дому.

Мы с мамой много времени проводим в саду, рыхлим почву, выкорчевываем сорняки, сажаем цветы, прокладываем тропинки.

На третий день после нашего приезда кто-то украл светящуюся корову с главного въезда. По этому поводу даже провели собрание всех жителей Голубых Холмов. Видел ли кто-нибудь что-нибудь? Но никто ничего не видел, корова будто испарилась! Кому она могла понадобиться?..

На собрании так ничего и не выяснили. Сказали, надо будет принять меры, если что-то подобное станет повторяться.

Мне приходится много учиться, в частности учить английский, а еще мама занимается со мной русским: раз мы уже живем в России, то обязаны уметь говорить на местном языке. Русский маме нравится, она знает его еще со времен института, в то время она изучала историю и культуру России в Средние века, написала даже какую-то огромную книгу, которую потом опубликовали. Как рассказывала мама, чтобы ее написать, ей пришлось переворочить тонну документов, многие из которых не имели перевода. Так ей и пришлось выучить русский язык. Эх, а теперь она заставляет меня...

В школе, на удивление, учиться оказалось не так уж сложно: очень много людей приехало из Германии, поэтому специально для нас образовали целый немецкий класс, и нам не приходится изучать новые уроки на иностранном языке.

Корову у въезда поставили новую, я обрадовалась, когда ее увидела. Без коровы было как-то пусто и грустно...

Что до садоводства, мы с мамой пытаемся превзойти наших соседей-французов. Плющ на стенах их дома гуще и длиннее нашего, розы в саду дают больше бутонов, а цветочная арка – наряднее и пышнее. Гадкие французы! Почему у них все лучше? Может, дело в каких-то особых французских семенах или подкормках?

Место, в котором мы живем, мне нравится – оно похоже на ботанический сад во Франкфурте. Тут много растений и животных. По утрам в наш сад прилетают маленькие птички с хохолком и загнутым вниз клювиком. На дереве в саду я часто вижу белок, по вечерам в дальнем конце сада сопят ежи – таскают обрезки ткани и щепки, которые остались у нас после украшения сада. Мама говорит, это им нужно для утепления норы.

Один раз утром у порога я увидела зайца. А в другой раз – куропатку.

Мне больше не снятся сны о доме. Теперь мой дом – здесь.

* * *

Происходят неприятности.

Безжалостно выдернули все цветы в саду сестер Рихтер. Трупки бархатцев, ромашек и ноготков были разбросаны по дороге.

У Пирси украли велосипед.

У мисс Джонсон разбили все горшки у дома.

Кто-то проколол шины автомобиля Джозефа. Вытоптал и уничтожил весь газон семьи Бауэров.

Взломали кладовку Мартинеса, непонятно, украли злоумышленники что-нибудь или нет, но по всей улице валялись смятые коробки и банки, разбитые бутылки, содержимое их было рассыпано и разлито.

Это происходило в центральной части, до наших домов на окраине беспорядки не доходили.

Снова собрание, оно проходит в саду одного из управленцев. Все приносят стулья, рассаживаются по саду, обсуждают произошедшее. Детей на собрание не пускают, но мы все равно тут – обошли дом с другой стороны и подслушиваем.

Видно, что жильцы боятся. Кричат, что это сделали *Schund*.

– Они не люди, а звери! Чудовища!

– Нужно усилить охрану! Укрепить границу!

– Я боюсь отпускать на улицу своих детей!

– Нужно срочно принимать меры!

Управленец пытается всех успокоить. Взрослые приходят к соглашению – покупают несколько камер и устанавливают их на улицах. Теперь охрана будет следить за всем, что происходит в поселке.

* * *

Я люблю выходные, в эти дни никто не спешит на работу и в школу.

По утрам на улицах слышно, как распахиваются окна, – все выглядывают на улицу, машут друг другу и желают доброго утра.

Из раскрытых окон льется аромат кофе и свежих булочек. Смешиваясь с цветочным благоуханием, запахом листвы и земли, он разносится дальше по улицам.

В субботу по утрам люди выходят из своих домов, подметают тропинки, протирают от пыли фонарные столбы, лавочки, цветочные горшки и ограждения клумб. За уборкой соседи обсуждают друг с другом погоду, политические новости и курсы валют, затем переключаются на дурацкие ток-шоу и глупые сериалы. Также любимыми темами для разговора служат дом и огород. Как что улучшить, смастерить своими руками, починить и заменить.

Воскресенье – день отдыха от всего. Мальчик на велосипеде развозит газеты – кидает их прямо к дверям на крыльцо. На наше крыльцо он никогда не попадает, как будто нарочно целится в моих гномов и постоянно сбивает Ворчуна! Гадкий мальчишка!

Мы очень сдружились с одной семьей немцев, и теперь по воскресеньям в хорошую погоду мы зовем друг друга на *Bratwurst*⁶. Устраиваем барбекю, запекаем колбаски на углях и пьем домашний лимонад. Весело болтаем и шутим.

* * *

В среду у Жаклин, француженки из центральной части поселка, пропал кот.

А в пятницу кто-то сжег флаги у школы, мы утром обнаружили на флагштоках обгорелые лоскуты.

И... К одному флагштоку было привязано мертвое тело кота Жаклин.

Schund.

⁶ Братвurst – немецкое название сосисок для обжарки на сковороде или на гриле.

Люди паникуют. Дети не выходят из домов без сопровождения взрослых. По вечерам на улочках, где раньше жители Голубых Холмов так любили прогуливаться под светом фонарей, теперь пусто. Все прячутся по домам.

Ночью я с трудом могу заснуть, перед глазами стоит ужасная картина: убитый кот на флагштоке...

Организуют добровольный патруль, теперь по вечерам жители собираются по три человека и патрулируют улицы.

А в одну из субботних ночей разгромили булочную Финке. Выбили все окна, все внутри разломали и подожгли.

И снова – собрание.

Все кричат, требуют принять срочные меры.

Принимают решение – будут строить прочный глухой забор и пропускной пункт с охраной. С этого момента никто из *Schund* не посмеет сюда зайти.

* * *

Спустя год.

Расправляю занавески на окнах. Должно быть четыре складки – ни больше, ни меньше. Иначе с улицы окна будут иметь неаккуратный вид.

Выхожу из дома, поправляю покосившиеся от ветра цветочные горшочки, привешенные к стенам.

Грустно смотрю на наш прудик: лягушки в нем так и не хотят поселиться.

Прыгаю по тропинке. Этим летом случаются две самые большие радости в моей жизни.

Первая – мне купили Барби! Вторая – меня приняли в девчачий клуб!

Девчачий клуб находится за первой линией домов, на подстриженной зеленой лужайке под окнами дома Ирмы.

Девочки собираются здесь, приносят свои драгоценные девчачьи сокровища, раскладывают на розовых покрывалах подушки и одеяла.

Принимают в клуб только тех, у кого есть Барби. Но это еще не все. Молд твоей Барби будет определять твое место в клубе. Если ты не знаешь, что такое молд, то не стать тебе членом клуба красоты Ирмы, никогда не стать!

Ирма – счастливая обладательница редкой старинной Барби. В девчачьем клубе Ирме, конечно же, отведено почетное место королевы у куста с гортензией. Рядом, на чуть менее престижных местах, располагаются подруги Ирмы – Агата и Гертруда, у них тоже достаточно редкие куклы Барби.

Этих кукол родители привезли дочкам из далеких уголков планеты. Поэтому Агата и Гертруда занимают важные места в клубе – справа и слева от его хозяйки. А вот тем, кто купил Барби в маленьком магазине игрушек у нас здесь, в Голубых Холмах, таких популярных молдов, как «Маки» и «Суперстар» – им на хорошие места в клубе рассчитывать нечего. Их места – под колючими ветвями декоративного барбариса. Никого не удивишь такими Барби! Ведь они есть у всех. Особенно если эти Барби – простые куклы в купальниках. Без всяких примочек – накладных волос, платьев, духов.

Моя Барби не Маки и не Суперстар. У меня даже не Барби, а Скиппер – сама Скиппер! Многие девчонки мечтают о Скиппер нового молда, с прошлого года эта кукла мелькает во всех журналах для девочек, и вот наконец-то она появилась в продаже. Мне сегодня утром доставили ее сюда из Америки!

Скиппер, вертящая в руках йо-йо, которое поднимается и опускается при нажатии рычажка на спине куколки. Скиппер, от которой пахнет клубникой, с разноцветными пряд-

ками, в голубом платье до пяток, в туфлях на огромной платформе, с модной сумочкой. Скиппер, к которой прилагается второе платье для дискотеки. Да, это все о моей Скиппер!

Многие девочки признали, что личико Скиппер намного милее, чем у Барби.

Я помню это долгожданное утро, когда мы с мамой получали на почте посылку. Когда я открывала коробку, вдыхала неповторимый запах новой куклы, откручивала проволоку, чтобы освободить свою любимицу. Помню, с какой радостью я помчалась в девчачий клуб.

Но, не добежав немного, я остановилась и продолжила путь не спеша, как будто просто гуляю.

– О, привет, Ирма! Привет, девочки! – сказала я, сделав удивленное лицо – притворилась, что забыла, что здесь находится их клуб.

– Привет, Ханна, – ответили они, даже не посмотрев в мою сторону, ведь до этого дня у меня не было Барби, а того, у кого нет Барби, для Ирмы и ее подруг просто не существует.

Я медленно шла мимо, не глядя на них, но нарочно повернув к ним мою куклу.

– А что это у тебя? – Одна из девочек, Гертруда, все-таки заметила!

– Ах, это... – сказала я небрежно. – Да вот, привезли сегодня. Из Америки. Это Скиппер.

– Скиппер? – Девочки побросали своих кукол. Мое сердце трепетало от радости! – Можно посмотреть? Это та самая?

– Да, та самая.

Я охотно подошла ближе и смело присела на покрывало – экое нахальство! Да Ирма будет визжать на весь поселок, если вдруг на покрывало усядется незваный гость! А тут промолчала.

Девочки по очереди вертели в руках мою куклу. Разглядывали вделанный йо-йо, щупали разноцветные прядки.

Я терпеливо выждала пару минут. Потом сказала:

– Ну, мне пора.

И протянула руку, намереваясь забрать куклу.

Девочки переглянулись, посмотрели на Ирму.

– Ханна, а ты не хочешь... – нехотя начала та. Я улыбнулась мысленно, потому что знала, что она предложит. Она не хотела этого говорить, но девочки так и просили ее глазами, и ей пришлось уступить. – Присоединиться к нам?

– К вам? Вступить в ваш клуб? – медленно проговорила я, делая вид, будто обдумываю это предложение и сомневаюсь, надо ли это мне. – Хм. Даже не знаю...

– Да! Оставайся у нас! – Гертруда стала уговаривать меня. – У нас здесь очень весело! Мама Ирмы сегодня испечет печенье с изюмом. А моя мама сделает имбирный лимонад.

– А еще завтра Дагмар принесет гадальные карты! Мы будем гадать! А я принесу лак для ногтей и наклейки! – подключилась Агата.

– Ну же, Ханна, давай! У нас правда весело! – добавила Дагмар.

Сама Ирма промолчала; я видела, что ей не нравится моя Скиппер, – она слишком классная, ни у кого такой нет, даже у нее, королевы клуба.

– Ну, хорошо, так и быть, – с притворной неохотой согласилась я. – Уговорили, вступлю в ваш клуб.

Вот так я стала новым членом девчачьего клуба. Мне отвели довольно неплохое место между клумбой с гиацинтами и армией садовых гномиков. Здесь нет колючих кустарников.

Здесь, под окнами дома семьи Отгль, девочки создали свое собственное государство. Мы приносим сюда свои сокровища – помады старших сестер, старые кольца мам, блестящие пуговицы, гадальные карты, наборы для фокусов.

Здесь мы обсуждаем запретные темы и подслушанные краем уха беседы взрослых.

Сегодня на газоне в сборе не весь клуб, издали я замечаю на покрывале только Агату и Дагмар.

Хорошо, что нет Ирмы. Я недолюбливаю Ирму, потому что она меня не любит. С тех пор как я принесла сюда Скиппер, ее Бренда перестала быть самой желанной куклой. Бренда – старинная кукла, она ничего не умеет делать, у нее нет никаких интересных особенностей. А йо-йо моей Скиппер всех завораживает.

Дагмар расчесывает свою куклу и клеит ей на волосы разноцветные звездочки. Агата красит ногти розовым лаком и жует печенье.

Я присоединяюсь к девочкам. Беру из своей шкатулки помаду, крашу губы. Потом переодеваю мою Скиппер.

– Хотите, расскажу одну страшную историю про *Schund*? – предлагает Дагмар.

– Конечно, хотим! – Мы с Агатой откладываем свои дела и с нетерпением смотрим на Дагмар.

Мы любим истории про *Schund*, подслушиваем разговоры о «сброде» взрослых. Эти рассказы всегда жуткие и пугающие.

Schund – страшные дикие существа. Они живут за забором, ходят в рванине и едят людей.

– Я подслушала эту историю у взрослых девочек вчера вечером, – начинает Дагмар. – Они говорили, что за забором есть один страшный дом с очень страшным подвалом, из которого нет выхода. *Schund* затаскивают в этот подвал маленьких девочек... И...

– И?.. – Мы с Агатой сгораем от нетерпения. Что же делают страшные *Schund* с маленькими девочками?

– Они снимают с них трусы, – заговорщицки шепчет Дагмар. – И суют им в попу железную палку до тех пор, пока не потечет кровь!

– О-о-ой! – Мы с Агатой испуганно переглядываемся. – Какой ужас!

Дагмар довольно улыбается: ее история произвела сильное впечатление.

– *Schund* очень любят маленьких светловолосых немецких девочек, – добавляет она, заплетая косу сначала своей любимице, потом самой себе. – Так что надо быть осторожными – не ходить в *nebel*.

Светловолосые немецкие девочки, мы с Агатой переглядываемся.

Мы никогда не ходим в туман – все страшные истории, связанные с *Schund*, всегда связаны и с *nebel*.

К нам присоединяются Ирма и остальные девочки. Ирма, как всегда, нарядная: на этот раз она надела голубое платье, а в косы вплела голубые ленты. Ее Бренда тоже в голубом наряде. Ирма держит в руках какой-то журнал. Вид у нее и девочек озабоченный, как будто что-то случилось.

– В чем дело, Ирма? – интересуюсь я.

– Ох, девочки... – Она качает головой. – Смотрите, что я вычитала сегодня в июньском журнале «Барби». Здесь статья о том, как отличить настоящую Барби от подделки. Сейчас зачитаю вам. Вот, нашла. «У настоящей Барби в глазах звезды, а не рубины. Если же вы увидели куклу с рубинами в глазах, будьте уверены, что перед вами подделка...»

Ирма поднимает голову и оглядывает нас с Дагмар.

Мы в панике поднимаем своих кукол. Я заглядываю в голубые глаза Скиппер.

Рубины.

Нет, не может такого быть!

– Уф-ф, звезды!.. – выдыхает Дагмар.

– И у моей Барби звезды! – Агата показывает ей свою Барби. И смотрит на меня: – Ханна, а что у твоей Скиппер?

Я прячу свою куклу.

– Дай прочитаю!

Я вырываю из рук Ирмы журнал и читаю сама. И правда... Ясно написано про рубины. Как же так?..

– У меня звезды, – говорю я спокойно.

Но Ирма смотрит на меня исподлобья.

– Дай посмотрю на Скиппер! – требует она.

– Не дам!

– А ну дай!

Она набрасывается на меня, вырывает Скиппер.

– Так я и знала! – кричит она и демонстрирует куклу подругам. – Смотрите все! Здесь рубины! Подделка!

Все по очереди разглядывают мою куклу.

– И правда... Рубины... Что же делать? – растерянно спрашивает Дагмар.

– Я знаю, что делать! – восклицает Ирма. – Все помнят наши правила? В клуб вступают только владелицы Барби. Настоящих Барби... Прости, Ханна, ты больше не можешь оставаться в клубе.

– Нет, Ирма, это не дело, – замечает Гертруда. – Пускай Ханна останется. Она с нами уже так долго. Ну и пусть рубины, какая разница?

– Нет, мы не можем ее оставить. Прости, Ханна. Нам придется тебя исключить.

Ирма смотрит на меня печально, но я вижу, что что-то не так. Она все это подстроила! Все знают, что Скиппер интересней Бренды! Вот она и подстроила все! Чтобы снова быть в клубе первой!

– Ты специально все так сделала! – кричу я на Ирму. – Хотела исключить меня! Ты все придумала! Моя Скиппер настоящая, это твой журнал не настоящий! Девочки, и вы ей верите? Она же врет нам! Да скажите вы что-нибудь, глупые девчонки!

Я с надеждой смотрю на них. Ну же, вступитесь за меня! Скажите что-нибудь! Но девочки смотрят вниз, изучают свои ногти либо расчесывают волосы куклам.

Ах вот, значит, как! Все против меня?

– Ханна... – Ирма говорит тихо, как будто успокаивает меня. – Мы понимаем, ты переживаешь. Это тяжело – узнать, что твоя кукла – подделка. Ты имеешь право обижаться на нас, мы тебя не виним. Но ты не можешь больше оставаться в клубе. Прости.

Ух, во мне кипят злые слезы! Я вскакиваю, хватаю свою Скиппер и ухожу прочь.

– Куда ты, глупая? – кричит Ирма мне вслед. – Там *nebel*! Тебя утащат *Shund*! Они заберут тебя в свой подвал!

И правда... Из-за слез в глазах я не вижу, куда иду, и невольнодвигаюсь в сторону граничного забора. Но я слишком гордая и не буду реагировать на предупреждение Ирмы, не поверну назад.

Упрямо иду вперед, вскоре кончается наш поселок, дальше тянутся пустынные холмы. Я вхожу в *nebel*. Ничего не видно вокруг... Трава под ногами влажная, воздух холоднее, чем в нашем поселке. Везде белая пелена. Я дохожу до какого-то забора и не сразу понимаю, что нахожусь на границе. Забор здесь сетчатый, второй забор, бетонный, начали строить недавно и так далеко еще не протянули. Администрация подумала, что *Schund* не будут пробираться к нам через окраину, и обезопасили сначала центральную часть.

Я сажусь у забора на влажную траву.

Как Ирма могла так со мной поступить? Я считала, что мы подруги. А остальные девочки – они все молчали! Даже не подумали вступиться за меня. Тоже мне, подруги. Девчатий клуб. Ненавижу всех девочек клуба Ирмы!

Я прижимаю к себе Скиппер и плачу.

Вдруг я слышу какой-то шум, страшный ритмичный звук.

Ре-та-те-тет... Ре-та-те-тет...

Я тревожно замираю и смотрю в ту сторону, откуда доносится звук. Вспоминаю рассказ Дагмар о страшном подвале.

Schund. За мной идут *Schund!*

Глава 2

Что делать? Бежать? Но *Schund* услышат меня, если я побегу. Лучше, наоборот, сидеть тихо и не шевелиться.

Ре-та-те-тет... Ре-та-те-тет...

А страшный звук все ближе.

Я сжимаюсь в комочек и закрываю глаза, зубы стучат от холода и страха. Пусть *Schund* уйдут! Пусть уйдут!

– Эй! Ты кто такая? Чего тут делаешь?

Детский голос! Не могу разобрать слов и понять, какой это язык. Я поднимаю голову и по ту сторону забора вижу мальчишку, низкорослого и худого.

Страх немного проходит... Но тут я замечаю в его руках огромную железную *rohr*⁷, которой он ведет по забору, из-за чего и получается этот жуткий звук, и сердце снова бешено колотится. Несмотря на то что нас с мальчишкой разделяет забор, мне все равно страшно.

Я разглядываю незнакомца через железную сетку, а он в ответ задумчиво смотрит на меня, чешет макушку, тормоша лохматые черные волосы. Ух, какие страшные у него глаза. Почти белые, как *nebel* вокруг. На мальчишке широкие штаны, заправленные в огромные, выше колен, сапоги, длинная грязная рубашка, подпоясанная кожаным ремнем. К поясу привязано много всяких удивительных вещей. Какие-то мешочки и футляры, фонарик, ножик, циферблат от наручных часов и... Я визжу и отскакиваю в сторону. *Ratte*!⁸ К поясу мальчишки привязана дохлая *ratte*!!!

– Чего визжишь? Чего испугалась?

Мальчишка осматривает себя, а я все визжу.

– А, это...

О, нет! Он отвязывает *ratte*! Сейчас он кинет ее на меня! Перебросит через забор.

– Не пугайся, это Мальвина. Да, она немного пахнет – я поймал ее позавчера. Но она все равно еще клевая. Хочешь погладить?

Он протягивает *ratte* в мою сторону. Мой визг, думаю, разносится на всю округу.

– Ладно, понял. Только не ори. Вот, я убираю Мальвину, видишь?... Мальвина, кажется, мы с тобой не нравимся нашей новой подруге.

Он снова привязывает *ratte* к своему поясу. Слава богу, он не будет ее кидать на меня через забор!

Но все равно я с беспокойством смотрю на железную *rohr* в руках мальчишки.

– Чего ты такая трусливая? Убрал я Мальвину, не съест она тебя. Чего боишься-то? Этой палки, что ли?

Он водит *rohr* по забору. Ре-та-те-тет....

– Я зову ее Киткина радость. Все коты у нас в округе ее боятся.

О чем он говорит? Я не понимаю ни слова. Но не остается сомнений: передо мной один из *Schund*. Только очень маленький. Даже помладше меня. Я первый раз вижу *Schund* так близко.

– Так кто ты такая? Ты не из нашего двора. В Лоскутках я всех знаю. Платье на тебе красивое, наши девчонки не ходят в таких. У нас Катька один раз напаялила платье с оборками, так наши дворовые девки быстро ей их оборвали... Налетели, как стая ворон, и оборвали. Такие злющие у нас девчонки. Может, ты из Коробок? Они там получше нас одеваются. Если повезет, там даже платье не порвут, если надеть. Если ты из Коробок, то чего забралась так далеко? И зачем перелезла за забор? А чего у тебя с лицом? Ты чего реवेशь?

⁷ Труба (нем.).

⁸ Крыса! (нем.).

Он о чем-то меня спрашивает... От злости и обиды в горле встает ком. Я хочу проглотить его, но нет... Он вырывается наружу. Я вдыхаю побольше воздуха и высказываю мальчишке все, что произошло со мной, трясую куклой и тычу ей в *nebel*, в сторону, откуда я пришла.

– Гадкие девчонки... Они сказали, что я не могу больше быть в их клубе. Ирма обманула всех! Все ей поверили! Она сказала, что моя Скиппер не настоящая! Это все Ирма, Ирма! И ее дурацкая кукла Бренда. Но я знаю, Скиппер настоящая! Ирма просто мне завидует! Хочет быть первой в клубе, но все девочки знают, что Скиппер интересней Бренды! Бренда ничего не умеет делать, а у Скиппер есть йо-йо-о-о...

На последних словах я уже реву в голос и икаю, задыхаясь.

Мальчишка смотрит на меня странно, как будто я сказала что-то нелепое.

– Так ты не из наших... Ты из этих... Оттуда, – печально говорит он и показывает рукой в сторону Холмов. – Иностранка, значит. Мне кажется, ты немка. У меня дед, когда под старость с катушек съехал, почему-то стал считать себя русским шпионом в нацистской армии. Ух, и намучились мы с ним! Постоянно что-то орал на немецком... Где он его выучил? Всю жизнь на фабрике проработал, галоши делал. Но слова похожие на твои. Так что думаю, ты немка. Не реви! Я хоть не понял ничего из твоего тарактенья, одно мне ясно: тебя кто-то обидел!

Мальчишка говорит непонятные слова и лезет ко мне через забор.

Он спрыгивает на землю, дотрагивается до меня пальцем. Я всхлипываю и смотрю на него сверху вниз: он ниже меня на полголовы. И совсем не страшный, я его больше не боюсь.

– Не реви, маленькая немецкая девочка! Пойдем, накажем твоих обидчиков!

Он кивает на мою куклу. Я улыбаюсь. Кажется, я понимаю, что он хочет! Он хочет мне помочь отомстить гадким девчонкам!

Я указываю в сторону домов:

– Ирма! Ирма!

– Ирма, значит, виновата? Ну что ж, устроим Ирме капут!

Мы переглядываемся. Это странно... Видеть маленького *Schund* так близко. И так странно... Что рядом с ним мне хорошо. У него добрые глаза. Он не будет меня есть, и *goht* тыкать в меня тоже не будет.

Он протягивает мне ладошку:

– Меня Никита зовут. Ни-ки-та.

– Ханна. – Я пожимаю его руку – надеюсь, она не измазана крысиными кишками. – Твое имя очень странное. Можно, я буду звать тебя Кит? – Показывая на себя, я повторяю: – Ханна. – А потом показываю на него: – Кит.

– Кит? – удивляется мальчик. – Мне нравится! Только знаешь, кто такой кит у нас? Сейчас нарисую.

Из одного из своих футлярчиков он достает огрызок карандаша и смятый листок бумаги. Быстро рисует на нем что-то, потом показывает мне.

– Вот. Это кит.

Я смотрю на листок. Мальчик здорово рисует! Он нарисовал огромного *Wal*⁹, который выпускает фонтан.

– Это Кит? Мы называем их *Wal*. Очень красивый рисунок! Мы думали, вы дикари, едите людей. А вы так здорово умеете рисовать... Ты необычный мальчик, Кит-Wal. И я рада, что встретила тут тебя.

Мы крадемся по Холмам. Трава влажная, и мои ноги в летних замшевых туфельках совсем промокли.

Ничего не видно сквозь туман, но мне уже не страшно заблудиться, ведь теперь я не одна.

Кит бодро вышагивает рядом, насвистывая какую-то песенку.

⁹ Кит (нем.).

Буф-буф-буф – привязанная *ratte* болтается и стучается о его ногу.

– Сколько тебе лет, Кит?

– Чего хочешь? Не понимаю я по-вашему! Вы говорите так резко и отрывисто. Никогда в жизни не буду учить немецкий!

– Лет. – Я кладу ладонь себе на грудь, а потом показываю ему обе руки, загнув один палец. – Мне – *neun*¹⁰.

– А... Сколько лет. Тебе найн? Девять? А мне – восемь.

Он показывает две руки, загнув на каждой по пальцу.

– *Acht*¹¹, – говорю я.

– Ахт? Это по-вашему восемь, что ли?

– *Acht*.

– Ну и черт с тобой. Пусть будет ахт.

– Мы пришли!

– Ну ни фиги себе у вас домины! – мальчик присвистывает. – Похожи на пряничные домики из сказки про Гензеля и Гретель. У меня была такая книжка с картинками. А ты, кстати, похожа на Гретель. – Он трогает меня за волосы. – На картинках у нее были такие же косички.

Я веду его к клубу. По чужим садам мы подбираемся ближе. Проползаем под садовой телегой дедушки Аццо, обходим прудик и водяную мельницу миссис Джексон, топчем цветники семьи Липман. И вот наконец мы у дома семейства Отгль. Забираемся в кусты мадам Бюжо, живущей по соседству. Я показываю на девчачий клуб. По-женски поджав ножки, как маленькие леди, девочки пьют чай; на покрывале расставлен настоящий чайный сервиз: ажурные фарфоровые чашечки, изящный заварочный чайник, сахарница. На красивом блюде лежат разноцветные пирожные-сердечки.

– Видишь тех девчонок под окнами? Вон та, что у самого окна – это Ирма.

– Так вот эти девчонки тебе что-то сделали? Кто из них Ирма и Бренда? Сейчас я им задам перцу...

– Смотри. – Я разворачиваю его к себе, берусь за свои косички. – Ирма – она с косичками. Бренда – ее кукла. – Я показываю на Скиппер.

– Все, понял, не тупой. Сейчас мы устроим маленькое представление.

Кит встает.

– Эй, ты куда? – испуганно спрашиваю я.

Нас же заметят! Чего он удумал?

– Пошли за мной.

Мы подходим к колонке, от которой отходит длинный шланг. Он тянется до самых окон, к другому его концу прикреплена поливалка. Она находится прямо возле девчонок. Теперь я поняла! Какой же Кит сообразительный! Он хочет пустить воду!

– Ну, ты готова?

Я радостно киваю. Он отворачивает кран.

Девчонок обдает дождем. Визжа, они в панике вскакивают с покрывала, толкая друг друга, топча свои сокровища, и в спешке убегают в разные стороны.

– Вот и все, – Кит заворачивает кран.

Мы подходим к мокрому покрывалу. Девчонки даже оставили своих кукол...

Ага, вот и Бренда! Валяется на траве, брошенная хозяйкой. Я хватаю ее, собираюсь убежать, но решаю немного задержаться. По-королевски прохаживаюсь по покрывалу, давлую ногами все, что можно раздавить – печенье, чашки, зеркальца, шкатулки...

Закончив свое гадкое дело, киваю Киту и поднимаю руку с куклой:

¹⁰ Девять (нем.).

¹¹ Восемь (нем.).

– Бренда.

Кит улыбается, как Чеширский кот из сказки про Алису.

– Пойдем отсюда, пока нас не засекли.

Мы заходим за дом и прячемся в кустах, опустившись на корточки.

– И что мы будем с ней делать? – спрашиваю я.

Кит снимает с куклы платье. – Есть у меня пара идей...

Из футлярьчика на поясе он достает зажигалку.

Я с нетерпением ожидаю, какое наказание ждет Бренду.

Кит подносит к лицу Бренды зажженную зажигалку.

Внутри меня что-то пищит. Причинять куклам боль – это жестоко, жестоко!

Но я давлю этот писк и с наслаждением наблюдаю, как течет краска с некогда голубых глаз Бренды. Смываются звезды, смываются глаза. Резиновая кожа на лице вспучивается, загораются волосы. Едко пахнет химикатами.

Кукла истекает жженой резиной. Огненные голубые капли падают на землю с характерным приятным звуком.

Вж-ж... Вж-ж...

Кит больше не может держать куклу и бросает ее на землю.

Лицо и прекрасные кудрявые волосы Бренды сгорают полностью, а твердое пластиковое тело просто чернеет.

Мы с восторгом смотрим на изуродованную куклу, которая всего пять минут назад была такой прекрасной.

– Это – первый подарок, который мы оставим Ирме, – говорит Кит. – Но есть еще один. Он снимает с пояса Мальвину, берет платье Бренды.

– Фу! Какая гадость! – морщусь я, понимая, что сейчас будет.

И вот в руках у Кита – дохлая *ratte* в прекрасном голубом платье принцессы.

Кит берет Мальвину, я – почерневшую Бренду, и мы продвигаемся по кустам и лужайкам к клубу, желая посмотреть, что делают девочки.

Промокшие до нитки, они ходят вокруг покрывала. Ирма, вся в слезах, нервно бежит по газону, ища свою любимицу. Некоторые девочки тоже плачут, бережно собирая осколки своих раздавленных зеркал и шкатулок.

– Где дом Ирмы? – Кит складывает руки домиком. – Ирма. Дом. Надо положить Бренду и Мальвину ей под дверь. Скорее всего, сейчас девчонки разбредутся по домам – вот ору-то будет, когда Ирма эти чудища увидит!

Мы незаметно пробираемся под окнами к входной двери дома семьи Оттль.

Кладем остатки Бренды и принцессу *Ratte* под дверь, пулей убегаем в кусты и ждем. Минут через десять слышатся легкие шаги и девчачьи всхлипывания: Ирма возвращается домой.

Через минуту раздается нечеловеческий вопль. Крик такой пронзительный и громкий, что от него закладывает уши. Я с испугом смотрю на Кита: а не перегнули ли мы палку? Но он ободряюще мне кивает.

Ирма не умолкает. Дело сделано, теперь мы отомстили гадине. Устав слушать ее крики, мы уходим обратно по Холмам к забору – теперь здесь наше с Китом Королевство.

Садимся у забора. Несмотря на то что тут сыро и промозгло, и сквозь туман совсем не проходит солнечный свет, мы, прижавшись плечами, смеемся и с восторгом обсуждаем сегодняшнее приключение. Правда, совсем не понимаем друг дружку. Но это неважно.

– *Wie spät ist es?*¹² – говорю я, показывая на воображаемые часы на руке. Я совсем потеряла счет времени... Меня будут ругать.

¹² Который час? (нем.).

Кит снимает с пояса висящие на цепочке карманные часы, дает мне. Уже восемь часов! Я вскакиваю.

– Уже поздно! Меня будут ругать! Мне пора идти!

Кит расстраивается.

– Тебе пора домой? А завтра? Ты придешь сюда завтра? В какое время? – Он трясет часами.

Я смотрю на него и вдруг понимаю, что очень-очень, ну просто мечтаю прийти сюда еще. Завтра. Послезавтра. Буду приходить сюда каждый день. Я безумно хочу дружить с этим маленьким странным *Schund*, хотя не понимаю ни слова из того, что он мне говорит.

Я беру у него часы, верчу их в руках.

– Знаешь, похоже, что теперь ты – мой единственный друг. Я обязательно приду сюда завтра. – Показываю на двенадцать часов на циферблате. – *Zwölf Uhr*¹³. Я приду сюда в это время.

– Я буду ждать тебя, пряничная девочка! – Он снова улыбается, как кот из сказки, и, забрав часы, лезет обратно за забор.

Он уходит в свой *nebel*, я ухожу в свой.

Дома я сижу у себя в комнате и расчесываю волосы Скиппер.

Такой странный день... Все так резко перевернулось, встало с ног на голову. Я мечтала о дружбе с Ирмой и ее подружками уже очень давно, стать членом их клуба было смыслом моей жизни, а теперь... Теперь все изменилось.

И еще этот мальчишка из *Schund*... Который оказался совсем и не похож на *Schund* в моем представлении.

Неужели мы теперь друзья?

Скиппер...

Я смотрю на куклу и думаю, думаю... Что-то перевернулось не только в мире, но и внутри меня. Я будто в одночасье стала чуточку взрослее.

Кукла больше не доставляет мне радости.

Я беру розовую коробку, в которой она ко мне приехала.

Смотрю на Скиппер. Глажу ее волосы, оправляю платье, вдыхаю ее сладкий запах.

Аккуратно опускаю ее в коробку, кладу коробку в плотный черный пакет и убираю на самую верхнюю полку шкафа.

Больше я никогда не увижу Скиппер, даже во время суматошных сборов при переезде обратно во Франкфурт. Возможно, она и после нашего возвращения в Германию будет лежать где-то у меня дома в розовой коробке и улыбаться самой себе нарисованной улыбкой.

¹³ Двенадцать часов (нем.).

Глава 3

Я надела красное платье, а мама вплела мне в косу красную ленточку.

Иду сквозь *nebel*, мокрая трава цепляется за оборки на юбке, не дает мне идти. Подол платья весь намок.

Будет ли он ждать меня там, у забора? Или уже ушел? Я обещала прийти в двенадцать, но уже гораздо позже. Мама меня задержала. Ждет ли он?..

Сердце колотится от волнения. Он там! Я различаю его худую фигурку в тумане: Кит стоит по ту сторону сетки, смотрит на меня.

– Ну, здравствуй, пряничная девочка, – улыбается он. – А я уже хотел идти тебя искать.

– Прости, мама задержала. Ты сегодня такой красивый – чистая рубашка тебе идет. И волосы причесал. Так очень здорово! Особенно без висящей на поясе *ratte*.

Действительно, Кит изменился. Он больше не похож на дикого *Schund*.

– Только вот... – Я указываю на *rohr* у него в руках, с которой он не расстанется. – Без нее ты выглядел бы еще лучше. Но я знаю, что ты с ней ни за что не расстанешься.

– Ни черта не понимаю, чего ты говоришь! Но это неважно, мне просто нравится слушать твой смешной язык. Ой! Какие у тебя сегодня смешные червяки в волосах!

Он смотрит на мою прическу. Что он говорит? Думаю, благодарит меня за комплимент. И, наверное, говорит, что ему нравятся мои ленточки.

– Спасибо, их мама вплела, – улыбаюсь я.

Мы смотрим друг на друга через сетчатый забор.

– Знаешь... – Мне в голову приходит идея. – Не хочешь перелезть ко мне? В такой одежде ты не отличаешься от наших детей, и никто ничего не заподозрит. Лезь! У нас есть классные качели! На них можно крутиться «солнышком». А еще у нас открылся новый магазин, и всем у входа раздают воздушные шарики. А еще печенье! Если повезет, и нам хватит. Пойдем!

– Чего хочешь? Зовешь меня куда-то? К вам? Ты думаешь, это хорошая идея? Ну, пойдем. – Он лезет на забор. – Отойди в сторону, я прыгаю.

Печенья нам не досталось, но мы получили свои шарики, привязали их друг другу к запястьям, чтобы не улетели. У меня было немного денег, и я купила нам с Китом мороженое.

Мы сидим на качелях, лакомимся мороженым, а в воздухе сталкиваются наши воздушные шарики. Я очень горда за нас, мы совсем как взрослая пара. Никто вокруг не смотрит на Кита со страхом, все принимают его за своего, они не видят в нем *Schund*.

Кит очумело вертит головой, я вижу, что для него все любопытно и непривычно. Ему непривычен наш мир. Он что-то спрашивает у меня, но я не понимаю... Я бы с радостью ему все рассказала, ответила бы на все вопросы, если бы знала русский язык.

Этот день мог бы быть прекрасным. Одним из самых лучших дней за это лето, но...

Как и в прошлый раз, все мне портит девчачий клуб. Ирма.

Я вижу издали девочек из клуба, которые направляются в сторону детской площадки. Ирма идет в центре, гордо задрав подбородок, и держится чуть спереди. Королева, фу-ты, ну-ты!

И тут она замечает меня. И Кита. От удивления она останавливается на пару секунд.

– Хей! – громко говорит она своим подружкам. – Я узнаю этого мальчишку! Я заметила его вчера, когда кто-то залил наш клуб. Он бродил в это время вокруг кустов. Это был он – он нас залил! И Ханна с ним? Она с ним заодно!

Девочки подходят и окружают нас. Ирма с возмущением смотрит то на меня, то на Кита.

Я встаю с качелей.

– Ты не права, Ирма! – я пытаюсь защитить нас с Китом. – Ты ошиблась! Мы здесь ни при чем! Нас вообще рядом с твоим домом вчера не было, когда кто-то повернул кран и затопил вас!

– А откуда ты знаешь, что кто-то повернул кран? Я об этом не говорила.

Ирма подозрительно смотрит на меня.

Черт! Она поймала меня на лжи.

– Ага! Значит, это была твоя идея! – кричит Ирма. – Это ты нам все разломала!

Она толкает меня. Я плюхаюсь обратно на качели.

Кит вскакивает и толкает Ирму:

– А ну, не тронь ее!

– Ах, ты, гадкий мальчишка! – кричит Ирма. – Кто ты такой? Ты не с нашей улицы! Кто ты такой и чего приперся сюда?

– Только попробуй тронуть ее еще раз! – Кит хватается с земли железную *rohr* и замахивается на Ирму.

Ирма отскакивает в сторону – *rohr* не задевает ее.

– У него *rohr, rohr!* – верещат девочки и расступаются.

Ирма выпучивает круглые от ужаса глаза. Она начинает понимать.

– Да это же...

– *SCHU-U-U-UND!!!!!!!!!!!!!!* – хором кричат девочки и разбегаются в разные стороны.

Наша ссора привлекает внимание. Взрослые прохожие оборачиваются и удивленно смотрят на нас. Некоторые уже идут в нашу сторону.

– *Schund! Schund!* – продолжают кричать девочки.

Нас с Китом окружает свита Ирмы, а также близко подходят некоторые взрослые, мы жмемся друг к другу от страха.

– Ханна, этот мальчик правда пришел с той стороны? – спрашивает меня один из наших соседей, дедушка Аццо.

Я молчу, понутив голову.

– Ханна, – строго говорит дедушка Аццо. – Если это так, то ему надо немедленно покинуть наш поселок. Мы обязаны вызвать охрану. Ты же понимаешь, он чужой, ему не место здесь.

– Бежим, Кит! – кричу я и хватаю Кита за руку.

Не хватало еще взрослых разборок и охраны! Киту тогда не поздоровится.

Он понимает меня, мы прорываем живое кольцо и пулей убегает под дикие вопли девочек.

– Вон отсюда, *Schund!* – слышу я противный визжащий голос Ирмы. – Убирайся обратно в свою помойку!

Прочь! Бежим прочь! Обратно в спасительный *nebel*, который скроет нас от посторонних глаз. Обратно к своему забору.

У забора мы садимся на траву и прижимаемся друг к дружке. Я плачу – мне очень обидно!

– Ненавижу Ирму! – всхлипываю я. – Она теперь не даст мне проходу. Будет мучить и дразнить! И теперь ты не сможешь бывать со мной здесь – если Ирма увидит нас вместе, то снова будет вопить на весь поселок.

– Не переживай! – говорит Кит. – Эта Ирма просто завидует тебе. Она страшная, как ведьма. И толстая. И нос у нее размером с картошку. И вредная она. А ты милая. Вот она и злится. Но мне, наверное, не стоит больше к тебе лазить, а то Ирма снова разорется. Давай в следующий раз ко мне пойдем? Я тебе много всего интересного покажу.

Мы сидим под забором до самого вечера, а потом прощаемся, я снова обещаю прийти завтра в двенадцать. Смотрим друг на друга перед тем, как дурацкая сетка снова разделит нас на два разных мира.

– У тебя червяки из волос повылазили. – Кит подтягивает ленточки в моих косичках. – До завтра! Я буду ждать тебя, пряничная девочка! – Говорит он и лезет на забор. И снова он уходит в свой *nebel*, а я уйду в свой.

* * *

– Я слышал, на детской площадке сегодня был какой-то переполох, – говорит папа за вечерним чаем, перелистывая страницы газеты.

Я лежу на ковре, собираю пазл с изображением замка. Крыша не хочет складываться! Когда слышу папины слова, кусочки мозаики выпадают из рук.

– Переполох? – удивляется мама, которая рисует на новых цветочных горшках яркие полосы. – Нет, не слышала об этом. Я целый день была у Джоанны, сегодня первый день, как работает ее магазин – и ей нужна была помощь с открытием. А что там случилось?

– На детскую площадку пришел какой-то дикий мальчишка из *Schund*... Он принес с собой оружие – острую палку – и напал на наших детей. Хорошо, что никто не пострадал. Ханна, ты что-нибудь слышала об этом?

– Нет, папа, – спокойно отвечаю я, а внутри все кипит от злости и несправедливости.

– Боже мой, это ужасно! – возмущается мама. – За что мы платим охране? За то, чтобы дикие твари лазили к нам через забор? Нужно пожаловаться управленцу, это не дело!

– Согласен. Завтра же отправлю жалобу. А еще надо сообщить в санитарную службу, чтобы обработали все карусели. Наверняка мальчишка притащил на себе кучу микробов. Не хватало еще заразиться! Ханна, ты мыла руки после улицы?

– Мыла.

Я все еще ищу кусочки крыши для замка, стараюсь говорить спокойно. Весь гнев и всю свою ярость прячу в невидимый сундучок.

– Вымой еще! И возьми с верхней полки антибактериальное мыло!

– Хорошо, папа, – встаю я и послушно иду в ванную.

– Три раза, Ханна. Мой руки три раза и не меньше чем по десять секунд! Я слежу за тобой из гостиной и считаю вместе с тобой!

– Да, папа.

Я мою руки так, как сказал папа, вслух громким голосом отсчитываю секунды и думаю, что никогда раньше мои любимые и обожаемые родители не были так далеки от меня, как сейчас.

* * *

Перед выходом из дома я глубоко вдыхаю. И выдыхаю. И снова вдыхаю. Я знаю, что меня ждет за калиткой. Это надо просто перетерпеть... Всего полминуты позора – и я убегу. Уйду в *nebel*, где меня ждет мой Кит. Мой друг. Мой защитник. Мой могучий *Wal*. Нужно просто пробежать через весь этот кошмар. Полминуты – и я свободна.

Я толкаю дверь. Солнечный свет слепит глаза, и некоторое время я не могу видеть.

– *Müllbraut*! Невеста с помойки! Смотрите, вон она идет, *Müllbraut*! Помоечная невеста!

Перед калиткой у забора стоят все девчонки и мальчишки с нашей улицы. Ирма подговорила всех... Меня обсыпают листьями и мелкими камешками. А кто-то кидает в меня банановую кожуру и банку из-под газировки.

– *Müllbraut*! – Злые девчонки и мальчишки обступают меня, не давая прохода.

– Пожалуйста, дайте пройти! – отчаянно кричу я.

Все смеются.

Ирма водружает мне на голову венок из травы.

– Та-та-та-та-а-ам!... – пропевает она несколько тактов свадебного марша. – Где же твой женишок, Невеста с помойки? Бросил тебя?

Они все смотрят на меня с усмешкой. Господи, ну почему они все такие жестокие! Со многими из них я дружила раньше, не понимая, что под их напускной добротой скрываются гниль и чернота.

Противные дети начинают дергать за волосы и больно щипать за руки. Кто-то дергает за платье, и слышится неприятный звук рвущейся ткани.

– Пустите меня! – кричу я и закрываю лицо руками.

Мне так тесно и нечем дышать, хочется упасть на землю, но я из последних сил держусь. Я не доставлю им такой радости, я не упаду!

Меня ждет Кит-Wal. Надо думать только о Ките!

Это придает мне сил: я вырываюсь и бегу прочь. В спину мне летят оскорбления и злой смех.

Бегу по холмам. Бегу к своему мальчишке.

– Кит! Кит! Ты здесь! – Я бросаюсь на сетку.

– Что с тобой? Ты как будто от медведя улепетываешь! Чего такая напуганная? – По ту сторону сетки он смотрит на меня испуганно. А потом хмурится, и я вижу, что в глазах его теперь пляшут злые чертенята. – Опять эти ведьмы тебе что-то сделали? Ух, я им щас!

Он в сердцах резко проводит *rohr* по забору.

По округе разносится жуткий звук: ре-та-те-тет...

– Нет, не надо, Кит! – я улыбаюсь, скрывая слезы и грусть. – Все хорошо, правда. Давай не будем портить этот день.

– Ты улыбаешься. Значит, все хорошо? Ну, тогда лезь ко мне! Сегодня моя очередь водить тебя по своей стороне.

– Ты меня куда-то зовешь? В свой *nebel*? Но как я перелезу... На мне ведь платье.

– Давай я помогу тебе. Девчонки всегда такие беспомощные.

Он перелазит на мою сторону. Я карабкаюсь по сетке вверх, перебираюсь на другую сторону. Это очень волнительное чувство, ведь я первый раз нахожусь на территории *Schund*. Не считая дня приезда, когда колонна автобусов с поселенцами проехала через их поселок. Но сейчас уже построили дорогу в объезд, чтобы больше не пересекаться с местными.

Я оправляю оборки на платье.

– Куда мы пойдем?

Кит довольно улыбается.

– Я покажу тебе кое-что. Тебе это понравится. Ты любишь картины? Я поведу тебя в наш район – у нас целые дома с картинами на стенах, представляешь! У нас все здорово рисуют. И разукрашивают свои дома. Об этом словами не расскажешь – это надо видеть! Там огромные картины на стенах! Пошли...

Он мне что-то хочет показать... Мы идем через *nebel*, переходим реку по шаткому мостику из досок, ржавых бочек и автомобильных шин, потом идем по холмам. И оказываемся в странном месте. Горы земли, камней, металла и досок, рельсовые пути, на которых стоят ржавые товарные вагоны, укатанные дороги, по которым ездят самосвалы.

Руда! Сюда свозят золотую руду! Удивительно, но камни, которые экскаваторы грузят в вагоны, совсем не похожи на золото, на вид они грязно-бурого цвета.

В воздухе так много пыли, что в горле першит, в нос бьет резкий запах мазута.

– Мы еще не пришли. Это – территория шахт. Нам вообще-то здесь находиться нельзя, но мы прошмыгнем, нас не заметят.

Кит ведет меня вдоль рельсов. Постепенно людей становится все меньше, мы отходим все дальше от места работ – вокруг лишь каменистая почва да худые деревца, изредка на путях попадаются одинокие товарные вагоны.

Мы проходим мимо одного из крытых вагонов и слышим голоса внутри. Кто-то утробно смеется. Дверь откатывается в сторону, вниз прыгает человек. От одного его вида трясутся коленки. Я сразу понимаю, что это *Schund*. Грязная одежда, невымытые слипшиеся волосы, грубое лицо и дикие, злобные глаза.

– Эй, мальки, чего вы тут шляется? – рычит он. – Разве родители не дерут вам задницу за то, что вы без спросу по шахтам шаритесь?

Следом из вагона выпрыгивают еще один мужчина.

Страшные люди подходят к нам. Я хватаю Кита за руку: мне страшно.

– Мы не на шахты, – спокойно отвечает Кит. – К реке ходили.

Кит крепко держит меня. Он тоже сильно нервничает.

– Нечего там шлаться! Там полно диких собак! – *Schund* говорит с усмешкой, а потом переводит взгляд на меня. – Эй, а что за пигалица с тобой? Не припомню у нас такую. Расфуфыренная... Из Коробок, что ли? Ты кто такая?

Я понимаю, что он обращается ко мне. Молча опускаю голову.

– Эй, язык проглотила, что ли? Отвечай, когда взрослый с тобой разговаривает!

– Ее Машка зовут, – отвечает за меня Кит. – Она моя соседка, и мы уже уходим.

Кит тянет меня за руку, намереваясь увести прочь от этих людей. На секунду я поднимаю голову и смотрю в глаза страшному человеку. Он что-то заподозрил. Смотрит недобро.

– А ну, стой! Пускай ответит сама! Отвечай, кто ты такая? Как тебя зовут? Ты не с наших Лоскутков!

Он вцепляется мне в плечо холодными пальцами, поворачивает к себе. Его руки плохо перевязаны грязными бинтами, какие-то из них слезли, и я чувствую прикосновение грубой и жесткой кожи. Кит рычит и бросается на него, но второй агрессор оттаскивает его и крепко держит. Кит кричит и пытается вырваться.

Schund наклоняется ко мне. Его лицо совсем близко... От него несет чем-то мерзким, кислым, тошнотворным. Кожа на лице вся в рубцах и буграх.

Я трясусь головой. Нельзя говорить. Нельзя!

– А ну, отвечай! – встряхивает он меня.

– Оставь ее! Только попробуй ей что-то сделать, убью тебя! Отвечаю, найду и убью! – кричит Кит.

Я сдаюсь. Не могу выдержать этого кошмара. Я просто хочу, чтобы все кончилось.

– Ханна. Меня зовут Ханна. Я пришла сюда из Голубых Холмов.

Неожиданно услышав иностранную речь, он ослабляет хватку. Но лишь на секунду.

– Ага!!! Она из этих! Так я и знал! Крупную рыбу мы поймали! – *Schund* смотрит вокруг. – Никого нет! Тащим ее в вагон!

Страшный мужчина зажимает мне рот, чтобы я не закричала. Поднимает меня в воздух и несет к вагону.

Меня бросают внутрь на деревянный пол. Что со мной будет? Сделают ли они мне больно?

Наверное, это они – те самые *Schund*, про которых ходят страшные истории среди наших детей! Это они делают с маленькими девочками жуткие вещи!

Я кричу, но страх так велик, что я издаю лишь писк. Сердце вот-вот разорвется на части. Сейчас произойдет что-то ужасное...

Этот бродяга стоит в проеме, довольно смотрит на меня своими страшными глазами, как кот, который загнал мышь в ловушку.

Я беспомощно озираюсь. Они превратили вагон в свою берлогу: на полу – грязный комковатый матрас, рядом – трехногая табуретка, покрытая газетой. На табуретке стоят стаканы... Я хватаю один стакан и бросаю его в *Schund*. Но мне не хватает сил даже на то, чтобы добросить до него: стакан падает у его ног и разбивается вдребезги.

Schund усмехается. Поднимает ногу и давит каблуком сапога осколки стекла. Я слышу неприятный хруст. Страшный человек совсем близко... Я вдруг думаю о том, что больше не увижу голубое небо. И не полакомлюсь имбирным печеньем. Последнее, что я увижу – это жуткие язвы на его коже, последнее, что почувствую – это кислый запах его дыхания.

Вдруг снаружи раздается шум, как будто кто-то дерется. Неужели к нам с Китом пришли на помощь? Невидимая рука хватает *Schund* сзади и выбрасывает из вагона. Я подбегаю к выходу и вижу, как снаружи двое незнакомцев дерутся с *Schund*. Взрослый мужчина, огромный, как гора, и мальчишка, удивительно похожий на него – крупный и высокий. Кит не отстает – он освободился и всю машет своей *rahr*.

Я готова прыгать от счастья. Меня спасут!

– Бандура, ты опять за свое? – кричит на бродягу мой спаситель-великан, прижимая его к земле. – Только из тюряги вышел и снова взялся за старое? Любитель полапать малолеток!

Его сообщник не стал ввязываться в драку и трусливо бежит прочь.

Кит и второй мальчик подходят к грязному мужчине на земле.

– Да я что, Брык? Я ничего! – *Schund* жалобно скулит и сжимается в комок. Какой же он жалкий! И какой крошечный по сравнению с моим спасителем! – Я же так... просто попугать. Чтобы не ходила девчонка черт знает где. Для ее же пользы. Здесь же опасно. Твари всякие рыщут...

– Самая большая тварь – это ты, Бандура! Пошел вон отсюда!

Мой спаситель отпускает его, и *Schund* вскакивает и бросается бежать со всех ног.

Мужчина отвечает Киту увесистый подзатыльник.

– Ну, па... – обиженно произносит Кит.

– Чего тут шныряешь? Сказал же: только возле дома гулять! Как перцу в зад натолкали, везде бегает. Здесь вообще нельзя посторонним находиться! Сторож поймает – выплет соли. Тут уроды всякие рыщут... А ты еще девчонку чужую сюда притащил!

Все трое оборачиваются на меня.

Я смотрю на них... И понимаю, что они родственники! У всех черные волосы, стоящие торчком, острые нос и подбородок, все трое одинаково хмурят брови и морщат нос.

Только вот Кит очень маленький по сравнению с мужчиной и вторым мальчиком, совсем крошечный...

Эти двое, наверное, отец и старший брат Кита.

– Иди сюда, милая. Все кончилось. Сейчас мы отведем тебя домой.

Спаситель спускает меня вниз.

– Откуда ты? Из Коробок?

– Меня зовут Ханна, я из Голубых Холмов, – говорю я.

Зачем? Они все равно меня не понимают.

Пораженные отец и старший сын отступают на шаг назад.

– Боже, Кит... Она... из них? Ты притащил сюда девчонку нефтяников? Своих девок мало, иностранку тебе подавай?

Старший мальчик хихикает – и очень зря. Через секунду подзатыльник достается и ему.

– Чего смешного, Глеб? – рычит отец.

Брат Кита умолкает и смотрит в землю.

– Ее зовут Ханна, – хмуро говорит Кит. – Она моя подруга.

– Подруга? Ты рехнулся? Она не из наших, ты хоть представляешь, какая буча могла бы подняться, если бы с ней что-то случилось?! Был бы международный скандал! Да нас бы в тюрьму всех посадили!.. Значит, так. Слушай сюда, – сурово заключает отец Кита. – Она больше тебе не подруга. Сейчас мы отведем ее до пропускного пункта, и больше ты девчонку не увидишь.

– Нет! Нет! Мы друзья! Она моя подруга!

Кит плачет, и я понимаю, что сейчас происходит что-то серьезное. Вот только бы знать, о чем они говорят...

– Мы идем к границе.

– Но... Можно, она не пойдет через главный вход? У нее могут быть проблемы, если на ее стороне узнают, что она лазила за границу... Можно, она перелезет обратно так же, как сюда попала? За мостиком у холмов? Ну, того, что у старой шахты? Так ее не заметят...

Отец мальчика о чем-то думает...

– Ладно, ты прав. Так всем будет лучше. И мы проблем с властями избежим.

Меня доводят до сетчатого забора. Отец и брат Кита не подходят близко. Кит идет со мной, подсаживает меня.

Я снова вижу его через сетку, и от этого становится очень грустно.

– Я увижу тебя снова? – спрашиваю я, приложив ладони к сетке.

– Наверное, меня накажут, – говорит Кит и прижимает к забору свои ладони. – Какое-то время я не смогу приходить. Родители будут против. Но ты приходи сюда, несмотря ни на что, приходи. Я обязательно вернусь. Не забывай меня, пряничная девочка! Никогда не забывай!

Я смотрю через сетку, как Кит уходит в свой *nebel*. Все вокруг расплывается из-за навевшихся слез.

Глава 4

Проходит три недели, прежде чем я снова вижу Кита у забора. Я день за днем прихожу сюда и подолгу вглядываюсь в *nebel*, ища глазами худую фигурку. Вслушиваюсь – вдруг сквозь тишину прорвется рокошущий звук его *rohr*.

Но никто не приходит к забору, и я часами тону в тумане.

Мне больше нигде нет покоя, дома я раздражаюсь, ничем не хочется заниматься, на улице ничего меня не радует. Еще эта дура Ирма никак от меня не отстанет – вместе со своими друзьями поджидает меня каждый день у дома, и все они кричат: «*Müllbraut!*» Как же они надоели...

В один из дней, когда в очередной раз выхожу из дома, намереваясь пойти к забору, и сталкиваюсь с Ирмой и ее свитой, я не выдерживаю.

– *Müllbraut! Müllbraut!* – заводит Ирма свою любимую песню.

Я рычу и бросаюсь на обидчицу. Никто не ожидал такого поворота. Все стоят и растерянно смотрят, как я отчаянно колочу свою давнюю мучительницу.

Я что есть силы сжимаю кулачки и осыпаю ударами Ирму. Рву на ней платье, попадаю кулаком ей по носу, а потом толкаю. Ирма падает на асфальт и пускается в рев.

– Что здесь происходит? – раздается визгливый женский голос.

Я узнаю его, это голос матери Ирмы, очень вредной и противной толстухи. Дочурка вся в нее.

Ну почему она появилась так некстати!

– Боже мой, Ирма, Ирма!

Мамаша стребает Ирму в охапку и поднимает с земли. Отряхивает ее одежду, достает из сумочки салфетки, протирает разбитые коленки. Фрау Оттль воркует и успокаивает свою плачущую дочурку. Я растерянно переминаюсь с ноги на ногу. Мысль о том, что неплохо бы смыться, почему-то не приходит мне в голову. А зря. Ирмина мать поднимает голову, гневно сверкая маленькими пороссячьими глазками, и требует ответа:

– Кто? Кто посмел обидеть мою Ирму?

Дети расступаются в стороны.

Ирма показывает на меня:

– Это она, она! Мы играли, а она вышла и напала на меня. Она всегда на меня нападает, мам!..

У меня дыхание перехватывает от такого наглого вранья.

– Негодяйка! – тычет в меня толстуха указательным пальцем, напоминающим сардельку.

– Она первая начала, она... – начинаю я оправдываться.

– А ну замолчи, мерзавка! – кричит разъяренная мамаша. – Негодяйка, хулиганка!

Она хватается за руку, стиснув ее изо всех сил своими ледяными и скользкими пальцами. Потом замахивается свободной рукой, но не успевает меня ударить.

Вдалеке раздается ритмичный звук, который звучит для меня слаще мелодии любимой колыбельной.

Ре-та-те-тет... Ре-та-те-тет...

Мне кажется, будто тысяча маленьких птичек поднимает меня в воздух. Настолько я счастлива.

Кит! Ко мне на подмогу уже мчится Кит! Он энергично вертит над головой своей *rohr* и что-то кричит во все горло.

Дети быстро разбегаются в стороны, но мамаша Оттль не успевает так быстро среагировать, и *rohr* обрушивается на ее необъятный зад.

Она по-свинячьему взвизгивает и хватается за ушибленное место, отпустив меня.

Кит быстро хватается за руку, и мы сматываемся. Вслед нам несутся угрозы и всяческие ругательства, но мы бежим не оглядываясь. Мы покидаем территорию Холмов – перелезаем за забор и мчимся в *nebel*.

Я знаю, что сегодня будет: мама Ирмы устроит настоящий скандал моим родителям, меня сурово накажут и запретят прогулки. Но мне все равно, что будет позже, – сейчас рядом мой Кит! Мой *Wal*. Сейчас я счастлива!

Мы взбираемся на крутой холм – идти тяжело.

– Извини, не мог прийти раньше, – говорит Кит. – Родители наказали меня, запретили к тебе ходить. Но как только смог – пулей к тебе. Я тебя долго ждал и не выдержал – полез за забор. И не зря! Ух, задал я жару этой ведьме! Так ей и надо!

– Я очень рада тебя видеть! Ты не представляешь как! Я ждала тебя. Я каждый день сюда приходила! Я знала, что ты придешь! Куда мы, Кит? Куда ты меня ведешь?

– Хочешь знать, куда направляемся? Мы идем смотреть на чудеса! Я нашел для нас одно классное место – оно будет только наше.

Мы долго идем через *nebel*, поднимаемся на очередной холм. Я изредка вижу сквозь мутный влажный воздух силуэты чахлах деревьев.

Впереди на вершине холма стоят здания: мы заходим на какую-то территорию. Приземистые постройки с заколоченными окнами и разрушающейся кладкой, железные вышки, гнилые сараи. В центре – гигантское сооружение со стальным каркасом, уходящее в небо, на вершине его – огромное колесо.

– Где мы? Что это? – спрашиваю я шепотом, смотря на возвышающегося монстра. Здесь нет людей и стоит такая тишина, что нарушать ее мне совсем не хочется.

– Шахта номер семь, – говорит Кит. – А это – копер, он нужен для того, чтобы шахтный лифт поднимать.

Я задираю голову вверх и, совсем не глядя себе под ноги, спотыкаюсь.

Кит подхватывает меня.

Смотрю вниз. Обо что же я споткнулась?

Рельсы! Здесь повсюду рельсы! Они идут из шахты и дальше делятся на несколько ответвлений.

Узкоколейная дорога заросла травой, я наклоняюсь, желая рассмотреть в зелени промелькнувшие красные точки. Ягоды!

– Это земляника, – замечает Кит. – Шахта уже давно заброшена. Тут не ходит никто. Вот она и разрослась. Да ты пробуй, не бойся.

Кит срывает одну ягоду, отправляет себе в рот. Довольно улыбается и мычит, качая головой – дает понять, что ягоды вкусные.

Срывает несколько штук и для меня.

Это *Erdbeere*. Я вдыхаю ягодный запах и закрываю глаза. Вспоминаю нашу уютную кухню во Франкфурте, где мама так часто пекла пышный сладкий пирог с *Erdbeere*.

Ягоды ароматные и очень сладкие. Мы опускаемся на корточки и срываем одну за другой. Правда, они такие спелые, что сминаются уже между пальцами.

– Это земляника, – говорит Кит и произносит по слогам: – Зем-ля-ни-ка. Гляди, что надо делать!

Он срывает плотную травинку и нанизывает на нее ягоды бусинами.

Erdbeere... Земляника...

Мы унижаем ягодами несколько травинок.

Кит ведет меня дальше по рельсам, все выше по холму. По дороге поедаем наши ягоды.

Впереди на рельсах я вижу вагонетку. Ух ты! Настоящая вагонетка, на которой возят золото? Это круто! Такие я видела только в мультиках.

Я смотрю на Кита.

– Да, я веду тебя к ней. Запрыгивай!

Я залезаю внутрь. Кит толкает вагонетку и тоже забирается в нее – и мы быстро мчимся вниз с холма. Вагонетка дребезжит, нас трясет и подбрасывает. Поравнявшись с постройками, вагонетка медленно останавливается.

– Конечная остановка! – объявляет Кит.

Мы заталкиваем вагонетку на холм и снова катимся вниз. Катаемся до самого вечера, до тех пор, пока совсем не выбиваемся из сил. А потом, уставшие, последний раз поднимаем вагонетку на холм, забираемся в нее и любуемся чудесным видом, открывающимся с высоты. Я вижу целый мир – красивейший и удивительный.

Холмы, луга, дома – все сияет и переливается в свете бледно-розового солнца, медленно уходящего за горизонт, а в розовом небе плывут огромные белые киты...

Солнце опускается ниже – и вдруг я замечаю внизу, в траве, какие-то яркие огоньки.

– Гляди, Кит! – показываю я на удивительные светящиеся точки.

Они сверкают и быстро перемещаются.

– А, это... Да, их я тоже хотел тебе показать. Это светлячки.

Я его не понимаю, но сама догадываюсь, что это маленькие летающие жучки, которые светятся в темноте.

Кит выпрыгивает из вагонетки, опускается на корточки, ловит жучка. Смыкает ладошки и показывает мне сквозь пальцы светящееся чудо.

– Раньше они здесь не водились. Светлячки любят траву. Когда шахта заросла, они прилетели сюда. Им здесь хорошо, тут у них нет врагов. Их здесь очень много...

– Это чудесно, Кит! Настоящее волшебство...

Светлячки мелькают в траве, как маленькие искорки.

Мне становится так уютно... Темная заброшенная шахта больше не кажется мне мрачной и унылой. Летающие маленькие фонарики, светлячки оживили это место. Теперь здесь все мне представляется сказкой.

– А знаешь, что самое классное? – обращается ко мне Кит. Мне так нравится слушать его голос. Интересно, о чем он сейчас говорит? Наверняка о чем-то хорошем и добром. Ведь он, Кит, такой милый и хороший. – Раздавить их пальцами! Они так классно сплюсциваются, и у них кишки светятся! Но, наверное, хорошо, что ты меня сейчас не понимаешь. Ты девчонка, а девчонкам не нравятся такие вещи. Так что выдавливать кишки из жучков не будем. Станем просто смотреть. А в следующий раз я притащу банку, и будем их ловить.

Обратно мы уходим поздно – Кит освещает нам дорогу фонариком, провожает меня до забора.

– Мы еще увидимся, пряничная девочка?

Я показываю ему на воображаемые часы на руке, Кит снимает часы с пояса и протягивает мне, я сообщаю, в какое время смогу снова сюда прийти.

– Наверное, теперь накажут меня... Может быть, на неделю или две. Но ты приходи в это время. Не забывай про меня, Кит-Wal.

* * *

Дома родители напускаются на меня:

– Где ты была? Тебя видели с диким мальчишкой! Кто тебе разрешил общаться с ним?

– Зачем ты побила Ирму? Бедная девочка до сих пор в себя прийти не может! Что она тебе сделала? Вы всегда были подружками! Ты стала такой же дикой, как и этот мальчишка *Schund!*

– Ты на часы смотришь? Видишь, сколько времени?

– О, боже мой, что ты сделала с платьем! Куда ты лазила? Оно все черное! Колготки все в дырках!

Мамины пронзительные крики, папин грубый голос, запрет на все: гулять, смотреть телевизор, есть сладости. И самое удручающее – запрет дружить с Китом.

Вот так начинается конец моей жизни.

Мамаша Отгль устраивает скандал и требует у моей мамы денег за порванное платье Ирмы. Мама дает ей денег, а я злюсь. Почему все так несправедливо? Ирма мучает меня уже очень давно, она изодрала на мне кучу одежды – а ей все сходит с рук! И у ее родителей моя мама почему-то денег не требует.

Целыми днями, находясь у себя в комнате, я реву от такой неправоты и от бессилия.

Однажды из окна своей комнаты я вижу, как к дому подходит Кит. Я машу ему, стучу по стеклу, но он меня не замечает.

Из дома выходит папа. Он поднимает с земли камень и бросает в Кита, как в бродячего плешивого пса:

– Уходи! Пошел прочь! Тебе здесь не место!

И Кит уходит.

– Ох уж эти *Schund*... – говорит папа маме, зайдя в дом. Я подслушиваю их разговор, затаюсь в коридоре. – Как у этого дикого мальчишки хватило наглости прийти сюда, к нашему дому?! Я отогнал его палкой.

– Надо осмотреть Ханну, – отвечает мама. – Вдруг она подцепила от него вшей. И вообще, надо сводить ее к врачу: *Schund* живут там у себя в грязи, и от них наверняка можно нахватать множество болячек.

Это злит и огорчает меня еще больше. Моя подушка всегда мокрая от слез. Упрямлюсь – отказываюсь есть, выходить из комнаты, разговаривать. Но вскоре понимаю: это ни к чему не приведет, и если я действительно хочу видиться с Китом, то мне нужно притвориться, что я принимаю правила родителей.

Я снова начинаю разговаривать и есть, хожу с мамой в магазин и занимаюсь садом. Через некоторое время родители успокаиваются – они думают, я забыла Кита. Разрешают мне погулять у дома. Я завожу дружбу с близнецами Финке, двумя не очень умными, но добрыми братьями из центральной части поселка. Мальчики младше меня на три года, они любят копать ямы, складывать туда конфеты, а еще размазывать сопли по футболке, бить друг друга по голове лопатками и писать в цветочные горшки. Эх... А все жители Голубых Холмов винят в этой пакости *Schund*. Никто даже мысли не допускает, что виновники традиционного бедствия всего поселка – близнецы Финке.

Но у них есть большой плюс: братья целыми днями где-то бродят – их не так просто найти, а соответственно, понять, были они одни или со мной, тоже непросто. А еще они на моей стороне и прикроют меня, если мне надо смыться.

Вот так теперь для всех я – подружка братьев Финке. Конечно, это новый повод для издевательств Ирмы, но мне все равно. Зато я могу спокойно уходить туда, куда мне надо. И к кому надо. А мне нужен Кит, только Кит.

– Прости, – говорю я, подойдя к забору. Конечно же, Кит уже там. Он просто не может быть где-то еще. – Меня наказали, я не могла прийти раньше.

– Я безумно рад тебя видеть, пряничная девочка! – обнимает меня Кит, когда я перелезаю к нему.

Мы уходим на нашу шахту. Туда, где можем быть вместе. И снова до самого вечера катаемся в вагонетке, а потом ловим светлячков и сажаем их в банку.

– Ах, Кит! – говорю я, когда мы, уставшие, садимся на вершине холма у вагонетки и смотрим, как внутри банки копошатся светящиеся жучки. – Как же я устала от всего этого! Мы с тобой только и слышим: «Тебе здесь не место». А где наше место? Где может быть наше «вме-

сте»? Неужели только здесь? Только эта шахта принимает нас и не гонит, и здесь мы можем быть вдвоем.

Он не отвечает, лишь тяжело вздыхает. Мне кажется, Кит понял меня.

Мы видимся нечасто, не так-то просто нам обоим удастся ловко обмануть родителей и смыться на целый день. Я могу ждать Кита часами у забора и так и не дожждаться. А в следующий раз он ждет меня.

Но те дни, когда нам удастся сбежать на шахту, я запоминаю как самые счастливые эпизоды моей жизни.

Незаметно проходит лето... На нашей шахте мы сгребаем упавшие желтые листья в огромные кучи, а потом прыгаем в них, дурачимся и веселимся.

Наступает промозглая осень. Я жду Кита под проливным дождем у забора, вымокнув до нитки даже в дождевике. И, когда он приходит, несмотря на слякоть и осенний холод, возле меня будто распускается земляника. Мы прячемся в шахтных постройках и смотрим на дождь. Нам не страшны холод и сырость – наша дружба нас согревает.

Осень сменяется зимой, и вот я жду Кита, стоя по колено в снегу. Он всегда прибегает с санками, и все дни напролет мы на них катаемся, спускаясь с холмов.

Приходит весна, шахты затапливает. Мы делаем корабли из бумаги – Кит меня научил, надо покрывать бумагу воском, чтобы она не намокала и чтобы корабль держался на плаву, – и пускаем их с холмов по ручьям.

И вот снова наступает лето, и снова мы катаемся на вагонетках и нанизываем на травинки ягоды: проходит первый год нашей чудесной земляничной дружбы...

Мы начинаем немного понимать друг друга, все-таки общаемся уже целый год, за это время хочешь не хочешь, а научишься понимать хотя бы отдельные слова. Помогает и то, что мама иногда проводит со мной занятия по русскому языку.

Мне приходится терпеть Ирму, мама даже заставляет меня пригласить ее на мой день рождения. Для мамы самое главное – это хорошие отношения с соседями. И, так как раздор между мной и Ирмой означает раздор между семьями, она всеми силами пытается вновь подружиться с Отглями. Стиснув зубы, я зову эту гадину на свой праздник и терплю ее весь день. Клоуны, фокусники, музыка, торт, конкурсы... Ирма участвует во всех конкурсах, и ее мерзкая рожа оказывается в центре каждой фотографии. Но мне безразлично. Я все равно не чувствую, что это – мой праздник. Мой праздник находится вдали от дома – на холмах, среди старых заброшенных построек, где растет сладкая земляника и летают светлячки. Там, где Кит. А остальное неважно. Остальное – не настоящее.

А потом приходит самая страшная новость из всех возможных. Родители сообщают мне, что мы переезжаем обратно во Франкфурт.

С ранних лет я знала, что папа работает в сфере строительства по контрактам, и Франкфурт не первое место, где мы успели пожить. Я привыкла к неоседлой жизни, в некоторых городах побывав по одному разу, в некоторых по два, но... Но Холмы – единственное место, которое я действительно считаю своим домом.

Сейчас здесь папина работа подходит к концу – строительный проект, которым он занимается, почти завершен. Новый обещают начать воплощать через три года, когда корпорация будет расширяться. А там, во Франкфурте, ему предложили хорошую работу как раз на этот период.

– Это всего на три года... А потом мы вернемся сюда.

Не хватит и ста страниц, чтобы описать словами все, что я чувствую, ту пустоту, которая заполняет каждую клеточку моего тела.

Не хватит ста страниц, но в то же время достаточно трех букв.

Кит.

Wal.

* * *

Остался всего месяц до отъезда. Я не могу сказать Киту... Я не хочу его расстраивать. Но он сам понимает, что что-то не так.

Теперь я всегда грустная и часто плачу. Он пытается меня рассмешить, но мне не весело.

– Что с тобой, пряничная девочка? – спрашивает он, когда мы сидим на холме, привалившись спинами к вагонетке, и разглядываем в небе летающих китов. – Ты сама на себя не похожа. Что-то случилось? Ты так странно себя ведешь. Как будто... вот-вот произойдет что-то нехорошее.

Я должна ему сказать. Это предательство – скрывать от него скорый отъезд.

– Мы переезжаем, Кит, – плачу я, уткнувшись носом в коленку друга. – Обратно во Франкфурт. Как же мы будем друг без друга? Я не хочу уезжать! Я хочу взять тебя с собой!

– Ничего не понимаю! Говори помедленнее и не плачь, пожалуйста.

Нет. Не смогу ему рассказать так, чтобы он понял. Это слишком больно... Я улыбаюсь, глотая слезы:

– Все хорошо, Кит. Не бери в голову. Давай лучше еще наловим светлячков...

* * *

В последний день перед отъездом, когда мы прощаемся у забора, я прислоняю к сетке ладони.

– Завтра я уезжаю. Не приходи.

Он кладет на забор свои ладони.

– Завтра идешь куда-то? В гости? Я думал, мы завтра пойдем за шахты – саранки¹⁴ выкапывать. Ты же обещала!

– Прости, что скрываю. Но я не хочу, чтобы ты знал, потому что ты придешь меня провожать, а мне из-за этого будет грустно. Я хочу, чтобы наша дружба кончилась сегодня. Но это только на три года.

Кит смотрит на меня с беспокойством:

– Что, завтра не вернешься? Эх, а саранки? Послезавтра за ними пойдем?

Я улыбаюсь, сдерживая слезы:

– Прости, Кит. Не злись на меня.

Он видит, что я улыбаюсь, и улыбается в ответ. По глазам его я вижу, что он так ничего и не понял... Если бы знал, что скоро произойдет, он бы не был таким веселым сейчас.

– Круто! Значит, послезавтра пойдем за саранками. Ты знаешь, если их пожарить на костре – это объедение. Устроим настоящий пир! Ну что, прощаемся до послезавтра?

– Ты будешь меня помнить, Кит? Меня не будет три года... А потом я вернусь, обещаю.

– Я буду ждать тебя, пряничная девочка!

Он говорит беззаботно и легкой походкой уходит прочь.

Я смотрю, как он скрывается в *nebel*. Его походка... Такая странная, подпрыгивающая. Плечи поочередно выдаются вперед, локти отставлены в стороны. Он копирует походку взрослых ребят, так Кит пытается казаться старше и выше, чем он есть. Волосы взлохмачены, штаны подвернуты снизу в несколько оборотов, в руке – Киткина радость, немного поржавевшая от влаги.

Я запомню его именно так, со спины.

¹⁴ Многолетнее луковичное растение, корни которого съедобны и имеют сладковатый вкус.

А лицо... Черные волосы, черные ресницы... Огромные глаза, почти белые, мутные, как *nebel*. Его лицо в моем сознании почему-то начинает расплываться почти сразу же после ухода Кита.

Я выплетаю из косички розовую ленточку и привязываю к забору. Кит увидит ее и все поймет.

* * *

Когда была маленькой, я часто воображала, что я принцесса и что меня похитили Злые мальчишки и увезли в свое Темное королевство.

Знаете, о чем я мечтала? О том, чтобы появился Прекрасный добрый принц, который бы спас меня и увез в свое Светлое королевство?

Нет.

Я мечтала, чтобы один из Злых мальчишек, самый-самый красивый, влюбился в меня, убил всех остальных Злых мальчишек, и мы с ним правили бы Темным королевством вместе.

А потом мы бы убили Прекрасного доброго принца и захватили бы Светлое королевство. Мы еще встретимся с тобой, Кит. И захватим оба королевства.

* * *

Оффенбах-ам-Майн... Небольшой городок, жмующийся к Франкфурту-на-Майне с юго-востока. Здесь мы живем.

Старый порт. Башня из морских контейнеров, армия подъемных кранов, баржи, горы песка и камней, гудящие машины, вечная пыль, летящая в окна.

Маленькие тесные квартиры, без балкона и своего кусочка земли.

Потоки людей, громкие звуки, гул портовых машин за окном, невероятная толчея, вечный страх быть растоптанной огромной толпой народу.

Во дворе за домом трава, по которой нельзя ходить, клумба, которую нельзя трогать, детские площадки, на которых можно играть только в определенные часы и которые всегда заполнены детворой с мамами.

После жизни в Холмах, где я могла бродить по бескрайним зеленым лугам, где стояла удивительная тишина, нынешняя жизнь кажется мне дикой.

Я бы свихнулась здесь... Если бы не *Hafengarten*. Рядом с домом находится городское садовое товарищество – проект местных властей, призванный улучшить качество жизни жителей города.

Hafengarten – вот, что дает мне силы жить.

Среди морских контейнеров и грузовых машин, среди пыли и шума, как оазис в пустыне, находится портовый сад. Жители выращивают здесь салат и томаты, клубнику и яблони, даже хмель и перец чили. Я ухожу сюда в поисках уединения. Наша семья устроила тут свой маленький садик.

Спустя две недели после приезда, сидя на качелях на детской площадке, я неожиданно обнаруживаю в кармане куртки смятый листок бумаги.

Разворачиваю его.

Сердце колотится от волнения.

Это послание от Кита! Когда он успел сунуть мне в карман листок?

Он нарисовал огромного кита, парящего в облаках. И написал письмо... Я не понимаю ни слова. И только через месяц я смогу прочитывать текст – придется долго копаться в словарях, потому что Кит сделал много ошибок в словах. И когда смогу понять смысл, я, наконец, дам волю слезам, которые так долго сдерживала.

*Милая пряничная девочка, я все понял, знаю что тебя долго не будет.
Может быть даже целый месяц. Не забывай меня Никогда не забывай.
Я буду ждать тебя
Когда ты вернешься, я вырасту и стану выше тебя.
К твоему приезду я собираю землянику и налавлю светлячков.
Я тебя на букву Л.
Кит*

Когда расшифрую послание, я услышу вой – так выли за забором в мире *Schund* дикие собаки... Только теперь этот вой будет исходить из меня, как будто у меня внутри закричит от боли смертельно раненное животное.

Три года. Три года я не увижу Кита. Три года в моей жизни не будет земляники.

Часть III. Брык

Мама, прости меня за то, что я у тебя родился.

Глава 1

Причесываюсь. Волосы похожи на хвост лошади, которую медведь хорошенько оттащил за круп.

Зеркало в ванной все в трещинах и сколах. Ничегошеньки не видно!

Мимо проходит Глеб. Он заглядывает в ванную и смотрит на меня так, как будто я только что сожрал его любимого кота.

– Мам, Никита заболел? – кричит он в сторону кухни.

Ух, и бесит он меня! Никогда прямо не скажет. Все придушивается – через мамку общается, специально позлить хочет.

– Что с ним? Он надел чистую рубашку, мам!

Ну, давай, братец, беси, беси меня. Вот ночью подойду к твоей кровати да ухо тебе отгрызу – будешь знать, как издеваться!

– И – глазам не верю! – он причесался. Мам?.. Мне кажется, у него температура... И у него на поясе даже не висит его чертова крыса!

Рычу сквозь зубы:

– Мальвина, ее звали Мальвина.

– Звали?

– Ее больше нет.

– Хм... Но ведь появится новая? У тебя их было много. Прошлую, кажется, звали Клеопатра... И в один день ее просто не стало. Когда ты посчитал, что сумка бедной тетки Вали станет для нее отличным последним приютом.

– Ее звали Клементина. И тетка Валька сама виновата – нечего было трепать меня за волосы и орать на весь коридор.

Все еще пытаюсь навести порядок на голове, но вытащить из прилипшей к волосам смолы птичьих перья не так уж просто, получается плохо. А Глеб все издевается...

– Хм... Я все-таки уверен, что ты получил за дело. Тетка Валька без дела трепку не задает.

Между прочим, у меня сегодня свидание с моей новой подружкой.

Пря-ниш-ной девочкой.

Я должен хорошо выглядеть. Так что замену Мальвине я пока не искал, не хочу пугать подружку. Я с ней совсем недавно познакомился, она другая, не из наших – она с той стороны забора, из богачей, иностранка. Ее зовут Ханна.

Молчу. Не хочу ругаться с Глебом, обычно все наши ссоры приводят к дракам, а наказывают меня. Брат это знает и всегда первый затевает ссору. Если меня накажут, то я не успею на свидание. А я хочу увидеться с Ханной.

Не желаю больше видеть Глеба, как и слышать, что ответит ему мама, потому что она всегда на его стороне.

Хватаю Китькину радость и быстро выскальзываю за дверь. От злости хлопаю ей слишком сильно. С потолка сыплется плесень, а на пол с гвоздя в двери падает табличка: «Брыковы. Комн. № 17».

Это мама писала. Почерк красивый, аккуратный.

За этой дверью живет моя семья.

В нашей саманке – два этажа. Наша семья живет на втором.

Иду по коридору. По правую и левую руку – скрипучие двери. За ними живут шахтерские семьи, такие же, как моя.

За дверями у всех одно и то же: одно большое помещение, разделенное самодельными перегородками на несколько крохотных комнаток-клетушек. Кровати, стол, табуретки, печка, вешалка... Мебель у нас здесь только самая необходимая, так как места мало, да и живут все небогато. Хотя наша семья живет хорошо... Мясо едим каждую неделю и козье молоко покупаем. И печку всегда есть чем топить, зимой у нас тепло. А в позапрошлом году мне купили новую куртку. Правда, я в первый год ее смолой уляпал и прожег...

Стены общего коридора в желтых разводах. Вдоль коридора висят тазы, ванночки, шахтерская одежда, швабры, веники и много другой разной разности.

В одном конце коридора – туалет и ванная, а также кухня – общие, в другом конце – выход.

Открываю тяжелую входную дверь. Множество уличных звуков и запахов окатывают с головы до ног.

Гул дробильных машин, шум колес грузовых поездов, запах дыма печных труб, вонь сточных вод, кислый душок из пивнушек.

Лоскутки – так называется место, где я живу. Район на самом краю Чертоги.

Лоскутки тесно жмутся к речке и четвертой и пятой шахтам, которые у нас называют «восточные». Самый первый, самый старый район. Именно здесь жили первые ссыльные.

На холме неровными рядами стоят наши саманушки, кривые и косоглазые, с длинными печными трубами, с крышами набекрень.

Саманки валяются друг на друга, как пьяные шахтеры, бредущие в обнимку не пойми куда и зачем.

Улочки узкие, три шага от забора до забора. Перпендикулярно улицам идут тесные переулочки. Сюда сливаются стоковые воды с шахт. По этим переулочкам никто не ходит, и они летом всегда зарастают лопухом. А иногда даже подсолнухи прорастают – красотища!

Саманки строились наспех одновременно с шахтами, поэтому они сделаны из всего, что имелось под руками – из бревен, жести, глины, соломы, камыша и даже навоза.

Дома окружают низкие заборчики из жердочек и дикого камня.

Лоскутки должны были быть самым унылым районом Чертоги, но все саманки разукрашены яркими красками, на стенах можно видеть целые картины!

Башенные часы, на которых сидят кошки, люди, летающие с помощью раскрытых зонтов, птицы, животные, сказочные существа... Улицы и здания городов разных стран – Парижа, Венеции, Лондона... Тропические острова, море и пальмы.

В домах мало окон, и все они маленькие, поэтому очень много картин изображают огромные балконы и окна с красивыми занавесками. На балконах стоят люди в ярких нарядах.

Рисовать на стенах – традиция, начало которой положили первые поселенцы. Как будто сюда не преступников на каторгу ссылали, а художников.

Благодаря этим рисункам Лоскутки теперь считаются самым красочным районом нашего городка.

Я бегу по улочкам мимо саманок и пивных, перепрыгиваю через вонючие стоки.

Бегу через луг по холмам... К реке! К пограничному забору!

Туда, где встречу самую красивую девочку в мире.

Пря-ниш-ну-ю девочку.

* * *

Спустя год.

Отвязываю от забора розовую ленточку. Горло сдавливает тоска, нечем дышать.

Я знал. Знал, что так будет. Ведь все происходившее походило на чудо. Дружба с девочкой из волшебной сказки оказалась нереальной. Сказка должна была закончиться, это и случилось. Закрылась последняя страница книжки о Пряничной девочке Гретель.

Я перелезаю через забор и бегу, бегу к Пряничному домику! Я хочу увидеть ее! Я успею!

Я останавливаюсь возле соседнего дома. Прячусь за деревом. Вижу у дома Ханны черный микроавтобус.

Смотрю, как взрослые выносят из дома и грузят в багажник коробки и чемоданы.

Вижу ее маму и папу. А потом выходит и Ханна. Белесые волосы заплетены в две косички. Небо затянуто тучами, моросит дождик. Мне кажется, что все вокруг серое и унылое, а красное пальтишко Ханны яркое, как спелая ягода земляники. Она везет за собой маленький красный чемоданчик на колесиках.

Я рвусь с места, но останавливаюсь.

Нет. Наша дружба кончилась вчера. Значит, сегодня мы уже не друзья.

Снова прячусь за деревом. Ханна не должна меня видеть. Смотрю, как из домов выходят соседи попрощаться с уезжающей семьей. Взрослые и дети окружают машину.

Тут же собираются ненавистные девчонки, из-за которых у Ханны было столько проблем. Все они обнимают ее на прощание, как будто они с ней были лучшими друзьями.

Ханна проходит к машине мимо девчонок и открывает дверь.

Она уже собирается садиться, но ее что-то отвлекает. Она оборачивается и смотрит прямо в мою сторону. Я замираю в своем укрытии. Ханна ищет глазами что-то или кого-то. Но не находит и усаживается на сиденье.

Порыв ветра треплет ей волосы, я замечаю, что в одну из косичек вплетена розовая ленточка. Только в одну. Вторую такую ленточку я держу в своей руке.

Машина медленно трогается с места и удаляется по улице, набирая скорость.

Я смотрю на нее, и мне хочется броситься следом за ней, бежать и бежать, пока не упаду.

И тут что-то происходит у меня в голове. Как будто в один миг там заржавел и заклинил какой-то механизм.

Я вдруг чувствую ужасную ненависть ко всем вокруг и со злостью сжимаю кулаки. Я ненавижу соседей Ханны, этих ужасных детей, этот дом. Ненавижу родителей Ханны. Ненавижу Голубые Холмы. Чертогу. Весь мир.

Но сильнее всего я ненавижу этот микроавтобус. Он забирает у меня мою Пряничную подружку, увозит прочь самую красивую девочку на Земле.

Несколько лет я буду вспоминать Ханну и думать, что все это мне приснилось, что я все выдумал... И только розовая ленточка, края которой немного обтрепались от времени, будет говорить мне, что Пряничная девочка из сказки действительно существует.

Глава 2

Моя голова... Этот бесконечный лабиринт, в котором блуждают десять маленьких бесов. И каждый год к их компании прибавляется еще один. А выход почему-то никто не находит. Что произойдет, когда мне стукнет пятьдесят? В моей башке будет уже полсотни маленьких злобных монстров. Они злятся, мои маленькие демоны. И злят меня. Чем старше я становлюсь, тем больше злобных демонов оказывается в моей голове и тем сильнее я злюсь. Они рано или поздно меня сожрут. Но пока что их всего десять, и я могу жить.

Я стал их чувствовать год назад, когда уехала Пряничная девочка. Как будто в голове было девять яиц, и потом из них вылупились мои бесы...

* * *

Я играю, сидя на полу в моем уголке. Уже минут пять я пытаюсь откусить голову резиновой стрекозе. Она такая упругая и тягучая, приятно пружинит между зубами. Я ее жую и жую, а голова все не хочет отгрызаться.

Передо мной лежат резиновые паук, муравей, змея и таракан, все без голов. Через пару минут наконец к ним присоединяется стрекоза.

Этих игрушечных животных родители подарили мне на прошлый день рождения. И это они сделали зря.

Я надеваю головы животных себе на пальцы. Пять голов на пять пальцев.

В мой уголок заглядывает Глеб, мой старший брат. Сегодня у него день рождения, ему исполнилось тринадцать.

Он быстро окидывает взглядом меня, безголовых животных на полу, мою руку с насаженными на пальцы головами и испуганно спрашивает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.